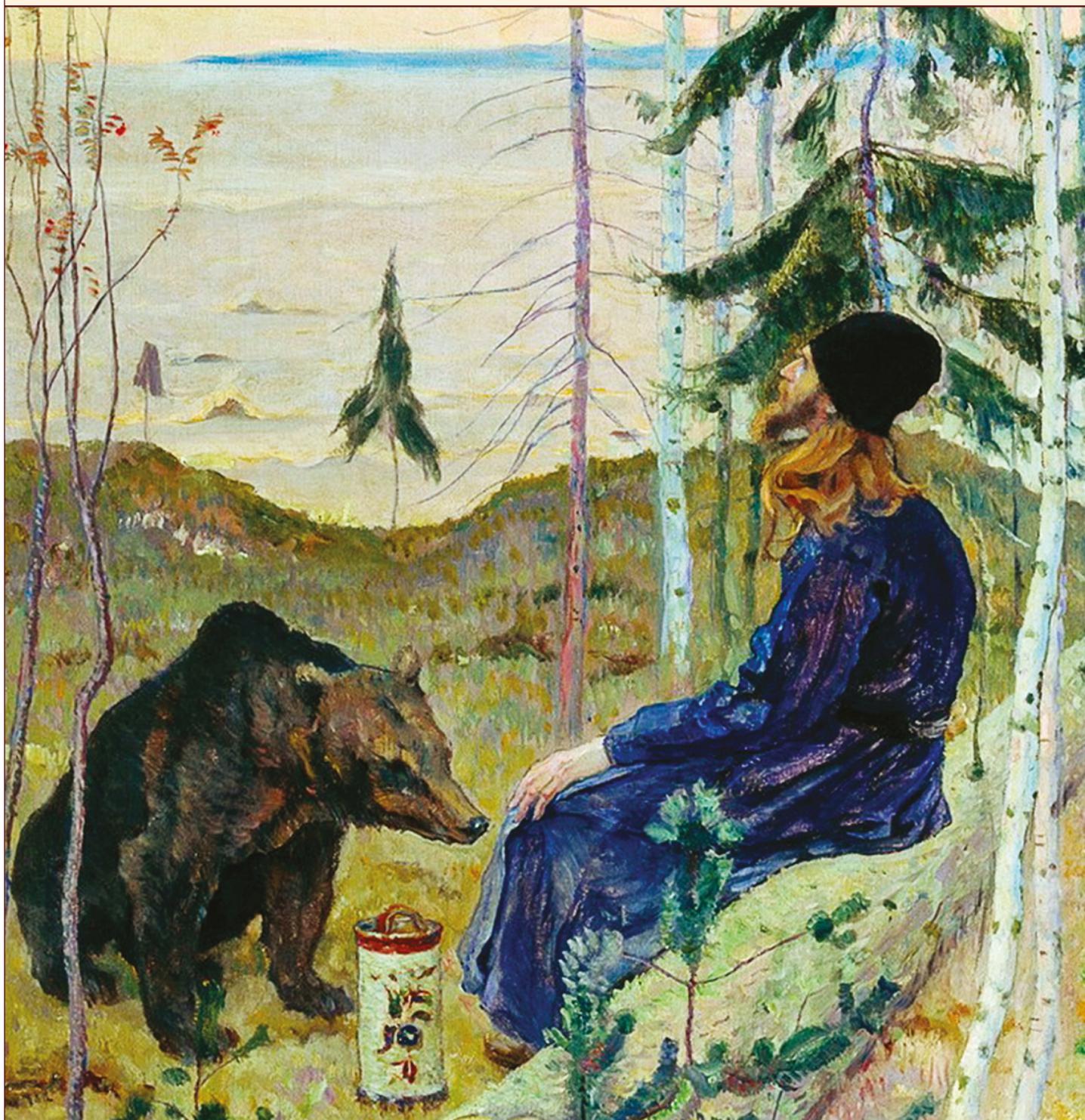


БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ



СЕРАФИМ САРОВСКИЙ

Духовные наставления
и пророчества



Библиотека Всемирной Литературы

преподобный Серафим Саровский

**Духовные наставления
и пророчества**

«ЭКСМО»

УДК 281.93
ББК 86.372

Саровский п.

Духовные наставления и пророчества / п. Саровский — «Эксмо»,
— (Библиотека Всемирной Литературы)

ISBN 978-5-04-092393-9

Преподобный Серафим – русский «учительный старец», через затвор и «умное» молитвенное делание обретший дар прозорливости и способности духовного врачевания душ человеческих. В книге собраны духовные наставления и пророчества особенно почитаемого на Руси святого.

УДК 281.93
ББК 86.372

ISBN 978-5-04-092393-9

© Саровский п.
© Эксмо

Содержание

Житие преподобного Серафима, Саровского чудотворца	6
Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря (избранное)	28
Глава III	28
Глава IV	35
Глава V	52
Глава VII	62
Глава VIII	75
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Серафим Саровский

Духовные наставления и пророчества

© ООО «Издательство «Северо-Запад», 2018

© «Издательство «Э», 2018

Житие преподобного Серафима, Саровского чудотворца

Батюшка о. Серафим поступил в Саровскую пустынь в 1778 году, 20 ноября, накануне Введения Пресвятой Богородицы во храм и поручен был в послушание старцу иеромонаху Иосифу.

Родиной его был губернский город Курск, где отец его, Исидор Мошнин, имел кирпичные заводы и занимался в качестве подрядчика постройкой каменных зданий, церквей и домов. Исидор Мошнин слыл за чрезвычайно честного человека, усердного к храмам Божиим, и богато, именитого купца. За десять лет до смерти своей он взялся построить в Курске новый храм во имя преподобного Сергия, по плану знаменитого архитектора Растрелли. Впоследствии, в 1833 году, этот храм сделан был кафедральным собором. В 1752 году состоялась закладка храма, и, когда нижняя церковь, с престолом во имя преподобного Сергия была готова в 1762 году, благочестивый строитель, отец великого старца Серафима, основателя Дивеевского монастыря, скончался. Передав все состояние свое доброй и умной жене Агафии, он поручил ей довести дело построения храма до конца. Мать о. Серафима была еще благочестивее и милостивее отца: она много помогала бедным, в особенности сиротам и неимущим невестам. [...] ¹

Отец Серафим родился в 1759 году, 19 июля, и наречен Прохором. При смерти отца Прохору было не более трех лет от рождения, следовательно, его всецело воспитала боголюбивая, добрая и умная матушка, которая учила его более примером своей жизни, проходившей в молитве, посещении храмов и в помощи бедным. Что Прохор был избранником Божиим от рождения своего – это видели все духовно развитые люди, и не могла не почувствовать благочестивая его мать. Так, однажды, осматривая строение Сергиевской церкви, Агафия Мошнина ходила вместе со своим семилетним Прохором и незаметно дошла до самого верха строящейся тогда колокольни. Отойдя вдруг от матери, быстрый мальчик перевесился за перила, чтобы посмотреть вниз, и, по неосторожности, упал на землю. Испуганная мать в ужасном виде сбежала с колокольни, воображая найти своего сына разбитым до смерти, но, к несказанной радости и величайшему удивлению, увидела его целым и невредимым. Дитя стояло на ногах. Мать слезно возблагодарила Бога за спасение сына и поняла, что сын Прохор охраняется особым Промыслом Божиим.

Через три года новое событие обнаружило ясным образом покровительство Божие над Прохором. Ему исполнилось десять лет, и он отличался крепким телосложением, остротой ума, быстрою памятью и одновременно, кротостью и смирением. Его начали учить церковной грамоте, и Прохор взялся за дело с охотою, но вдруг сильно заболел, и даже домашние не надеялись на его выздоровление. В самое трудное время болезни в сонном видении Прохор увидел Пресвятую Богородицу, Которая обещала посетить его и исцелить от болезни. Проснувшись, он рассказал это видение своей матери. Действительно, вскоре в одном из крестных ходов несли по городу Курску чудотворную икону Знамения Божией Матери по той улице, где был дом Мошниной. Пошел сильный дождь. Чтобы перейти на другую улицу, крестный ход, вероятно, для сокращения пути и избежания грязи, направился через двор Мошниной. Пользуясь этим случаем, Агафия вынесла больного сына на двор, приложила к чудотворной иконе и поднесла под ее осенение. Заметили, что с этого времени Прохор начал поправляться в здоровье и скоро совсем выздоровел. Так исполнилось обещание Царицы Небесной посетить отрока и исцелить его. С восстановлением здоровья Прохор продолжал успешно свое учение, изучал Часослов, Псалтирь, выучился писать и полюбил чтение Библии и духовных книг. [...]

¹ Печатается с некоторыми сокращениями. – *Примеч. ред.*

На семнадцатом году жизни намерение оставить мир и вступить на путь иноческой жизни окончательно созрело в Прохоре. И в сердце матери образовалась решимость отпустить его на служение Богу. Трогательно было его прощание с матерью! Собравшись совсем, они посидели немного, по русскому обычаю, потом Прохор встал, помолился Богу, поклонился матери в ноги и спросил ее родительского благословения. Агафия дала ему приложиться к иконам Спасителя и Божией Матери, потом благословила его медным крестом. Взяв с собою этот крест, он до конца жизни носил его всегда открыто на груди своей.

Немаловажный вопрос предстояло решить Прохору: куда и в какой монастырь идти ему. Слава подвижнической жизни иноков Саровской пустыни, где были уже многие из курских жителей и настоятельствовавший о. Пахомий, курский уроженец, склоняла его идти к ним, но ему хотелось предварительно быть в Киеве, чтобы посмотреть на труды Киево-Печерских иноков, испросить наставление и советы от старцев, познать чрез них волю Божию, утвердиться в своих мыслях, получить благословение от какого-нибудь подвижника и, наконец, помолиться и благословиться у св. мощей преп. Антония и Феодосия, первоначальников иночества. Прохор отправился пешком, с посохом в руке, и с ним шли еще пять человек курских купцов. В Киеве, обходя тамошних подвижников, он прослышал, что недалеко от св. лавры Печерской, в Китаевской обители, спасается затворник, по имени Досифей, имеющий дар прозорливости. Придя к нему, Прохор упал к ногам его, целовал их, раскрыл пред ним всю свою душу и просил наставлений и благословения. Прозорливый Досифей, видя в нем благодать Божию, уразумев его намерения и провидя в нем доброго подвижника Христова, благословил его идти в Саровскую пустынь и сказал в заключение: «Гряди, чадо Божие, и пребуди тамо. Место сие тебе будет во спасение, с помощью Господа. Тут скончаешь ты и земное странствие твое. Только старайся стяжать непрестанную память о Боге чрез непрестанное призывание имени Божия так: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго! В этом да будет все твое внимание и обучение; ходя и сидя, делая и в церкви стоя, везде, на всяком месте, входя и исходя, сие непрестанное вопияние да будет и в устах, и в сердце твоём: с ним найдешь покой, приобретешь чистоту духовную и телесную, и вселится в тебя Дух Святой, источник всяких благ, и управит жизнь твою во святине, во всяком благочестии и чистоте. В Сарове и настоятель Пахомий богоугодной жизни; он последователь наших Антония и Феодосия!» [...]

Как уже сказано, Прохор вступил в Саровскую обитель 20 ноября 1778 года, накануне праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы. Стоя в церкви на всенощном бдении, видя благочинное совершение службы, замечая, как все, от настоятеля до последнего послушника, усердно молятся, он восхитился духом и порадовался, что Господь указал ему здесь место для спасения души. О. Пахомий с малолетства знал родителей Прохора и потому с любовью принял юношу, в котором видел истинное стремление к иночеству. Он определил его в число послушников к казначею иеромонаху Иосифу, мудрому и любвеобильному старцу. Сперва Прохор находился в келейном послушании старца и с точностью исполнял все монашеские правила и уставы по его указанию; в келии он служил не только безропотно, но и всегда с усердием. Такое поведение обратило на него внимание всех и приобрело ему расположение старцев Иосифа и Пахомия. [...]

В 1780 году Прохор тяжело заболел, и все тело его распухло. Ни один врач не мог определить вида его болезни, но предполагали, что это сделалась водяная болезнь. Недуг длился в продолжение трех лет, из которых не менее половины Прохор провел в постели. Строитель о. Пахомий и старец о. Исаия попеременно ходили за ним и почти неотлучно находились при нем. Тут-то и открылось, как все, и прежде других начальники, уважали, любили и жалели Прохора, бывшего тогда еще простым послушником. Наконец, стали опасаться за жизнь больного, и о. Пахомий настоятельно предлагал пригласить врача или, по крайней мере, открыть кровь. Тогда смиренный Прохор позволил себе сказать игумену: «Я предал себя, отче святой, Истинному Врачу душ и телес, Господу нашему Иисусу Христу и Пречистой Его Матери; если

же любовь ваша рассудит, снабдите меня, убогого, Господа ради, небесным врачевством – причастием Св. Таин». Старец Иосиф, по просьбе Прохора и собственному усердию, особо отслужил о здравии больного всенощное бдение и литургию. Прохор был исповедан и причащен. В скором времени он выздоровел, что весьма удивило всех. Никто не понимал, как мог он столь скоро оправиться, и только впоследствии о. Серафим открыл тайну некоторым: после причащения Св. Таин ему явилась Пресвятая Дева Мария, в несказанном свете, с Апостолами Иоанном Богословом и Петром и, обратясь к Иоанну лицом и указывая перстом на Прохора, Владычица сказала: «Этот Нашего рода!»

«Правую-то ручку, радость моя, – говорил о. Серафим церковнице Ксении, – положила мне на голову, а в левой-то ручке держала жезл; и этим-то жезлом, радость моя, и коснулась убогого Серафима; у меня на том месте, на правом бедре-то, и сделалось углубление, матушка; вода-то вся в него и вытекла, и спасла Царица Небесная убогого Серафима; а рана пребоольшая была, и до сих пор яма-то цела, матушка, погляди-ка, дай ручку!» – «И батюшка, бывало, сам возьмет, да и вложит мою руку в яму, – прибавляла матушка Ксения, – и велика же она была у него, так вот весь кулак и взойдет!» Много душевной пользы принесла Прохору эта болезнь: дух его окреп в вере, любви и надежде на Бога. [...]

В течение восьми лет юный Прохор был послушником. Наружный вид его к этому времени изменился: будучи высокого роста, около 2 арш. и 8-ми вершков, несмотря на строгое воздержание и подвиги, он имел полное, покрытое приятною белизною, лицо, прямой и острый нос, светло-голубые глаза, весьма выразительные и проницательные; густые брови и светло-русые волосы на голове. Лицо его окаймлялось густою, окладистою бородою, с которою на оконечностях рта соединялись длинные и густые усы. Он имел мужественное сложение, обладал большими физическими силами, увлекательным даром слова и счастливой памятью. Теперь он прошел уже все степени монастырского искуса и был способен и готов принять монашеские обеты.

13 августа 1786 года, с соизволения Св. Синода о. Пахомий постриг послушника Прохора в сан инок. Восприемными отцами его при пострижении были о. Иосиф и о. Исаия. При посвящении ему было дано имя Серафима (пламенный). 27 октября 1786 года монах Серафим, по ходатайству о. Пахомия, был посвящен преосвященным Виктором, епископом Владимирским и Муромским, в сан иеродиакона. [...]

Однажды в Великий Четверток, строитель о. Пахомий, не служивший никогда без о. Серафима, начал Божественную Литургию в 2 часа пополудни вечернею, и после малого выхода и паремий возгласил иеродиакон Серафим: «Господи, спаси благочестивыя и услышины!», – но, едва обратясь к народу, навел на предстоящих орарем, возглашая: «И во веки веков» – как вдруг так изменился видом, что не мог ни сойти с места, ни проговорить слова. Все это заметили и поняли, что с ним Божие посещение. Два иеродиакона взяли его под руки, ввели в алтарь и оставили в стороне, где простоял он часа три, меняясь непрерывно видом, и после, уже придя в себя, наедине поведал строителю и казначею свое видение:

– Только что провозгласил я, убогий: «Господи, спаси благочестивыя и услышины! – и, наведя орарем на народ, окончил: – и во веки веков!» – вдруг меня озарил луч, как бы солнечного света; взглянув на это сияние, увидел я Господа и Бога нашего Иисуса Христа, во образе Сына Человеческого, во славе и неизреченным светом сияющего, окруженного небесными силами, Ангелами, Архангелами, Херувимами и Серафимами, как бы роем пчелиным, и от западных церковных врат грядущего на воздухе; приблизясь в таком виде до амвона и воздвигнув пречистые Свои руки, Господь благословил служащих и предстоящих; по сем, вступив во св. местный образ Свой, что по правую сторону царских врат, преобразился, окружаемый Ангельскими ликами, сиявшими неизреченным светом на всю церковь. Я же, земля и пепел, сретая тогда Господа Иисуса на воздухе, удостоился особенного от Него благословения; сердце мое возрадовалось чисто, просвещенно, в сладости любви ко Господу!

В 1793 году о. Серафиму исполнилось 34 года, и начальство, видя, что он по своим подвигам стал выше других братьев и заслуживает преимущество пред многими, ходатайствовало о возведении его в сан иеромонаха. [...] Сделавшись иеромонахом, о. Серафим возымел намерение совсем поселиться в пустыне, так как пустынножизнь была его призванием и назначением свыше. К тому же, от непрестанного келейного бдения, от постоянного стояния в церкви на ногах с небольшим отдыхом во время ночи, о. Серафим впал в недуг: у него распухли ноги, и на них открылись раны, так что некоторое время он лишился возможности священнодействовать. Болезнь эта была не малым побуждением к избранию пустынножизни, хотя для отдыха следовало ему просить у настоятеля о. Пахомия благословения удалиться в больничные келии, а не в пустыню, т. е. от меньших трудов – к большим и тягчайшим. Великий старец Пахомий благословил его. Это было последнее благословение, полученное о. Серафимом от мудрого, добродетельного и почтенного старца ввиду болезни его и приближения смерти. О. Серафим, хорошо помня, как во время его болезни ходил за ним о. Пахомий, теперь сам служил ему с самоотвержением. Раз о. Серафим заметил, что к болезни о. Пахомия присоединилась еще какая-то душевная забота и печаль.

– О чем, отче святой, так печалишься ты? – спросил его о. Серафим.

– Я скорблю о сестрах Дивеевской общины, – ответил старец Пахомий, – кто их будет назирать после меня?

О. Серафим, желая успокоить старца в предсмертные минуты, обещался сам назирать их и поддерживать все так же после смерти его, как было при нем. Это обещание успокоило и обрадовало отходящего ко Господу о. Пахомия. Он поцеловал о. Серафима и затем вскоре опочил мирным сном праведника. О. Серафим горько оплакал потерю старца Пахомия и, с благословения нового настоятеля о. Исаии, также горячо любимого, удалился в пустынную келию. [...]

В продолжение всего подвижничества о. Серафим носил постоянно одну и ту же убогую одежду: белый полотняной балахон, кожаные рукавицы, кожаные бахилы – вроде чулок, поверх которых надевали лапти, и поношенную камилавку. На балахоне висел крест, тот самый, которым благословила его родная мать, отпуская из дома; а за плечами висела сумка, в которой он носил при себе св. Евангелие. Ношение креста и Евангелия имело, конечно, глубокий смысл. По подражанию древним святым, о. Серафим носил вериги на обоих плечах, и к ним были привешены кресты: одни спереди в 20 ф., другие сзади в 8 ф. каждый, и еще железный пояс. И эту тяжесть старец носил во все время своего пустынножительства. В морозы он накладывал на грудь чулок или тряпку, а в баню никогда не ходил. Видимые его подвиги состояли из молитвословий, чтения книг, телесных трудов, соблюдения правил великого Пахомия и т. д. В холодную пору он топил келию, колол и рубил дрова, но иногда добровольно переносил холод и мороз. Летом он возделывал гряды на своем огороде и удабривал землю, собирал мох с болот. Во время подобной работы он ходил иногда без одежды, перепоясав лишь чресла свои, и насекомые жестоко уязвляли тело его, отчего оно опухало, синело по местам и запекалось кровью. Старец добровольно терпел эти язвы Господа ради, руководствуясь примерами подвижников древнего времени. На грядах, удобренных мхом, о. Серафим сажал семенами лук и другие овощи, которыми он питался летом. Телесный труд порождал в нем благодушное состояние, и о. Серафим работал с пением молитв, тропарей и канонов.

Проводя жизнь в уединении, трудах, чтении и молитве, о. Серафим соединял с этим пост и строжайшее воздержание. По началу своего поселения в пустыне он питался хлебом, более всего черствым и сухим; хлеб, обыкновенно, он брал с собою по воскресеньям на целую неделю. Есть сказание, что из этой недельной порции хлеба часть уделял он пустынным животным и птицам, которые были приласканы старцем, очень любили его и посещали место его молитвословия. Также он употреблял овощи, добываемые трудами рук его в пустынном огороде. С тем и устроен был огород сей, чтобы ему не обременить «ничим же» обители и, по

примеру великого подвижника Ап. Павла, питаться, «делаяще своими руками» (1 Кор. 4, 1:2). Впоследствии времени он приучил свое тело к такому воздержанию, что не стал вкушать хлеба насущного, а, по благословию настоятеля Исаии, питался одними овощами со своего огорода. Это были картофель, свекла, лук и трава, называемая снить. В течение же первой недели Великого поста он вовсе не принимал пищи до причащения Святых Таин в субботу. Еще через несколько времени воздержание и постничество о. Серафима дошли до невероятной степени. Совсем переставши брать хлеб из обители, он жил без всякого содержания от нее в течение более двух лет с половиною. Братия, удивляясь, недоумевала, чем мог питаться старец во все это время, не только летом, но и зимою. Он же тщательно укрывал свои подвиги от воззрения людей.

По будням, спасаясь в пустыне, о. Серафим накануне праздников и дней воскресных являлся в обитель, слушал вечерню, всенощное бдение и за раннею литургиею в больничной церкви святых Зосимы и Савватия причащался Святых Христовых Таин. Затем, до вечерни, он принимал в монастырской келии приходивших к нему, по нуждам духовным, из монастырской братии. Во время вечерни, когда братия оставляла его, он, взяв с собою хлеба на неделю, удалялся в свою пустыню. Всю первую неделю Великого поста он проводил в обители. В эти дни он говел, исповедывался и причащался Св. Таин. Духовником его с давнего времени был строитель – старец Исаия.

Так проводил старец дни свои в пустыне. Другие пустынножители имели при себе по одному ученику, которые и служили им. О. Серафим жил в совершенном одиночестве. Некоторые из Саровской братии пытались сожительствовать с о. Серафимом и были приняты им; но ни один из них не мог вынести трудностей пустынного жития: ни в ком не нашлось столько нравственной крепости, чтобы явиться в качестве ученика подражателем подвигов о. Серафима. Благочестивые попытки их, принося пользу душе, не увенчались успехом; и те, которые поселялись было с о. Серафимом, возвращались опять в обитель. Посему, хотя после кончины о. Серафима нашлись некоторые люди, дерзновенно объявлявшие себя его учениками, но при его жизни они в строгом смысле учениками не были, и название «Серафимов ученик» в то время не существовало. «В пребывание его в пустыне, – говорили тогдашние Саровские старцы, – вся братия была его учениками». [...]

Видя столь искреннее, усердное и поистине высокое подвижничество старца о. Серафима, диавол, исконный враг всякого добра, вооружился против него разными искушениями. По своей хитрости, начиная с легчайших, он сперва наводил на подвижника разные «страхования». Так, по сказанию одного почтенного летами иеромонаха Саровской пустыни, однажды во время молитвы он услышал вдруг за стенами келии вой зверя; потом точно скопище народа начали ломать дверь келии, выбили у двери косяки и бросили к ногам молящегося старца претолстый кряж (отрубок) дерева, который восемью человеками с трудом был вынесен из келии. В другие разы и днем, особенно же ночью, во время стояния на молитве, ему видимо вдруг представлялось, что келия его разваливается на четыре стороны и что к нему со всех сторон рвутся страшные звери с диким и яростным ревом и криком. Иногда вдруг являлся пред ним открытый гроб, из которого вставал мертвец.

Так как старец не поддавался страхованиям, диавол воздвигал на него жесточайшие нападения. Так, он, по Божию попущению поднимал тело его на воздух и оттуда с такою силою ударял об пол, что, если бы не Ангел-Хранитель, самые кости от таких ударов могли бы сокрушиться. Но и этим не одолел старца. Вероятно, при искушениях, он духовным оком своим, проникавшим в горний мир, видел самих злых духов. Может быть, духи злобы и сами видимо в телесных образах являлись ему, как и другим подвижникам. [...]

Во всех искушениях и нападениях на о. Серафима диавол имел целью удалить его из пустыни. Однако же все усилия врага остались безуспешны: он был побежден, отступил со стыдом от своего победителя, но в покое его не оставил. Изыскивая новые меры к удалению

старца из пустыни, злой дух начал воевать против него через злых людей. 12-го сентября 1804 года подошли к старцу три неизвестных ему человека, одетые по-крестьянски. Отец Серафим в это время рубил дрова в лесу. Крестьяне, нагло приступив к нему, требовали денег, говоря, что «к тебе ходят мирские люди и деньги носят». Старец сказал: «Я ни от кого ничего не беру». Но они не поверили. Тогда один из пришедших кинулся на него сзади, хотел свалить его на землю, но вместо того сам упал. От этой неловкости злодеи несколько оробели, однако же не хотели отступить от своего намерения. О. Серафим имел большую физическую силу и, вооруженный топором, мог бы не без надежды обороняться. Эта мысль и мелькнула было мгновенно в его уме. Но он вспомнил при сем слова спасителя: «Все бо приемши нож ножом погибнут» (Мф. 26, 52), не захотел сопротивляться, спокойно опустил на землю топор и сказал, кротко сложивши крестообразно руки на груди: «Делайте, что вам надобно». Он решился претерпеть все безвинно, Господа ради.

Тогда один из крестьян, поднявши с земли топор, обухом так крепко ударил о. Серафима в голову, что у него изо рта и ушей хлынула кровь. Старец упал на землю и пришел в беспмятство. Злодеи тащили его к сеням келии, по дороге яростно продолжая бить, как звероловную добычу, кто обухом, кто деревом, кто своими руками и ногами, даже поговаривали о том, не бросить ли старца в реку?.. А как увидели, что он уже был точно мертвый, то веревками связали ему руки и ноги и, положив в сенях, сами бросились в келию, воображая найти в ней несметные богатства. В убогом жилище они очень скоро все перебрали, пересмотрели, разломали печь, пол разобрали, искали-искали и ничего для себя не нашли; видели только у него св. икону, да попалось несколько картофеля. Тогда совесть сильно заговорила у злодеев, в сердце их пробудилось раскаяние, что напрасно, без всякой пользы даже для себя, избивли благочестивого человека; какой-то страх напал на них, и они в ужасе убежали.

Между тем, о. Серафим от жестоких смертных ударов едва мог прийти в чувство, кое-как развязал себя, поблагодарил Господа, что сподобился ради Его понести раны безвинно, помолился, чтобы Бог простил убийц и, проведши ночь в келии в страданиях, на другой день с большим трудом, однако же сам, пришел в обитель во время самой литургии. Вид его был ужасен! Волосы на бороде и голове были смочены кровью, смяты, спутаны, покрыты пылью и сором; лицо и руки избиты; вышиблено несколько зубов; уши и уста запеклись кровью; одежда измятая, окровавленная, засохла и по местам пристала к ранам. Братия, увидев его в таком положении, ужаснулась и спрашивала: что с ним такое случилось? Ни слова не отвечая, о. Серафим просил пригласить к себе настоятеля о. Исаию и монастырского духовника, которым в подробности и рассказал все случившееся. И настоятель, и братия глубоко опечалены были страданиями старца. Таким несчастием о. Серафим вынужден был остаться в монастыре для поправления здоровья. Дьявол, воздвигший злодеев, по-видимому, торжествовал теперь победу над старцем, воображая, что навсегда изгнал его из пустыни.

Первые восемь суток были для больного очень тяжки: не принимая ни пищи, ни воды, он не имел и сна от нестерпимой боли. В монастыре не надеялись, чтобы он пережил свои страдания. Настоятель, старец Исаия, на седьмой день болезни, не видя перелома к лучшему, послал в Арзамас за врачами. Освидетельствовавши старца, врачи нашли болезнь его в следующем состоянии: голова у него была проломлена, ребра перебиты, грудь оттоптана, все тело по разным местам покрыто смертельными ранами. Удивлялись они, как это старец мог остаться в живых после таких побоев. По старинной методе лечения врачи считали необходимым открыть кровь больному. Настоятель, зная, что больной и без того много потерял ее от ран, не соглашался на эту меру, но, по настоятельному убеждению консилиума врачей, решился предложить о том о. Серафиму. Консилиум опять собрался в келии о. Серафима. Он состоял из трех врачей; с ними было три подлекаря. В ожидании настоятеля, они опять осмотрели больного, долго на латинском языке рассуждали между собою и положили: пустить кровь, обмыть больного, к ранам приложить пластырь, а в некоторых местах употребить спирт. Согласились также

насчет того, что помощь необходимо подать как можно скорее. О. Серафим с глубокою признательностью в сердце примечал их внимательность и попечение о себе.

Когда все это происходило, кто-то вдруг крикнул:

– Отец настоятель идет, идет отец настоятель!

В эту минуту о. Серафим уснул; сон его был краткий, тонкий и приятный. Во сне увидел он дивное видение: подходит к нему с правой стороны постели Пресвятая Богородица в царской порфире, окруженная славою. За Нею следовали свв. Апостолы Петр и Иоанн Богослов. Остановясь у одра, Пресвятая Дева перстом правой руки показала на больного и, обратясь Пречистым Ликом Своим в ту сторону, где стояли врачи, произнесла:

– Что вы трудитесь? – Потом опять, обратясь лицом к старцу, сказала: – Сей от рода Нашего, – и кончилось видение, которого присутствующие не подозревали.

Когда вошел настоятель, больной опять пришел в сознание. Отец Исаия с чувством глубокой любви и участия предложил ему воспользоваться советами и помощью врачей. Но больной, после стольких забот о нем, при отчаянном состоянии здоровья своего, к удивлению всех, отвечал, что он не желает теперь пособия от людей, прося отца настоятеля предоставить жизнь его Богу и Пресвятой Богородице, Истинным и Верным Врачам душ и телес. Нечего было делать, оставили старца в покое, уважая его терпение и удивляясь силе и крепости веры. Он же от дивного посещения исполнился неизреченной радости, и сия радость небесная продолжалась часа четыре. Потом старец успокоился, вошел в обыкновенное состояние, почувствовав облегчение от болезни; сила и крепость стали возвращаться к нему; встал он с постели, начал немного ходить по келии и вечером, в девятом часу, подкрепился пищею, вкусил немного хлеба и белой квашеной капусты. С того же дня он опять стал понемногу предаваться духовным подвигам.

Еще в прежнее время о. Серафим, занимаясь однажды работами в лесу, при порубе дерева был придавлен им и от этого обстоятельства потерял свою природную прямогу и стройность, сделался согбенным. После нападения разбойников от побоев, ран и болезни согбенность еще больше увеличилась. С этого времени он начал ходить, подкрепляясь топориком, мотыкою или палкою. Так, эта согбенность, это уязвление в пятю, служили всю жизнь венцом победы великого подвижника над диаволом. [...]

С новым поселением старца в пустыне диавол претерпел совершеннейшее поражение. Крестьяне, избившие старца, были найдены; они оказались крепостными людьми помещика Татищева, Ардатовского уезда, из села Кременок. Но о. Серафим не только простил их самих, но и упрашивал настоятеля обители не взыскивать с них, а затем такую же просьбу написал помещику. [...] О. Серафим представил отомщение Господу Богу. Гнев Божий действительно настиг этих крестьян: в непродолжительном времени пожар истребил жилища их. Тогда они пришли сами просить у о. Серафима, со слезами раскаяния, прощения и святых его молитв. [...]

Старец о. Серафим после смерти строителя Исаии не изменил прежнего рода жизни и остался жить в пустынке. Он только принял на себя еще больший труд, а именно, молчаливость. К посетителям он более не выходил. Если ему самому случалось неожиданно встретить кого в лесу, старец падал ниц лицом и до тех пор не поднимал глаз, пока встретившийся не проходил мимо. Таким образом он безмолвствовал в продолжение трех лет и некоторое время перестал посещать обитель по воскресным и праздничным дням. [...]

Молчаливость о. Серафим соединил еще со стоянием на камне. В глухом лесу, на половине пути от келии к монастырю, лежал необыкновенной величины гранитный камень. Вспомнив о трудном подвиге свв. столпников, о. Серафим решился принять участие в подвижничестве сего рода. Для сего он восходил, чтобы не быть ни от кого видимым, в ночное время на этот камень для усиления молитвенного подвига. Молился он, обыкновенно, или на ногах, или стоя на коленях, с воздетыми вверх, подобно св. Пахомию, руками, взывая мытаревым

гласом: «Боже, милостив буди ми грешному». Чтобы уравнивать ночные подвиги дневным, о. Серафим и в келии имел камень. На нем он молился во время дня, с утра до вечера, оставляя камень только для отдохновения от изнеможения сил и для подкрепления себя пищею. Такого рода молитвенный подвиг он нес, по временам, в течение тысячи суток.

От стояния на камнях, от трудности этого молитвенного подвига, тело его очень заметно изменилось, в ногах возобновилась болезнь, которая с этого времени до кончины дней не переставала мучить его. Отец Серафим понял, что продолжение таких подвигов привело бы к изнурению сил духа и тела, и оставил моление на камнях. Подвиги сии он проходил в такой тайне, что ни одна душа человеческая не ведала о них и не догадывалась. К бывшему после Исаии игумену Нифонту был тайный запрос об о. Серафиме от епископа Тамбовского. В бумагах обители сохранился черновой отзыв Нифонта, в котором настоятель отвечал: «О подвигах и жизни о. Серафима мы знаем; о тайных же действиях каких, также и о стоянии 1000 дней и ночей на камне, никому не было известно». При кончине дней своих, чтобы не остаться загадкой для людей, по подобию других подвижников, в числе прочих явлений своей жизни, он, в назидание слушателям, рассказал и о сем подвиге некоторым из братии.

О. Серафим, со времени смерти старца Исаии, наложив на себя труд молчания, жил в пустыне своей безвыходно, точно как в затворе. Прежде он хаживал по воскресеньям и праздникам в обитель причащаться Св. Таин. Теперь, со времени стояния на камнях, у него болели ноги; ходить он не мог. Было неизвестно, кто его причащает Св. Таин, хотя ни на минуту не сомневались, что он без вкушения Тела и Крови Христовой не оставался. Строитель созвал монастырский собор из старших иеромонахов и вопрос о причащении о. Серафима предложил на рассмотрение. Решили же дело так: предложить о. Серафиму, чтобы он или ходил, буде здоров и крепок ногами, по-прежнему, в обитель по воскресным и праздничным дням для причащения Св. Таин, или же, если ноги не служат, перешел бы навсегда жить в монастырскую келию. [...]

Это было весной 8 мая 1810 года. Вступив в монастырские ворота, после 15-летнего пребывания в пустыне, о. Серафим, не заходя в свою келию, отправился прямо в больницу. Это было днем, до наступления всенощной службы. Когда ударили в колокол, о. Серафим явился на всенощное бдение в храм Успения Богородицы. Братия удивилась, когда мгновенно разнесся слух, что старец решил жить в обители. Но удивление их возросло еще более, когда произошли следующие обстоятельства: на другой день, 9 мая, в день Святителя и Чудотворца Николая, о. Серафим пришел, по обычаю, в больничную церковь к ранней литургии и причастился Св. Христовых Таин. По выходе же из церкви, он направил стопы свои в келию строителя Нифонта и, принявши от него благословение, водворился в прежней своей монастырской келии; к себе никого не принимал, сам никуда не выходил и не говорил ни с кем ни слова, то есть он принял на себя новый труднейший подвиг затворничества. [...]

Чтобы никогда не забывать о часе смертном, чтобы яснее представить и ближе видеть его пред собою, о. Серафим изготовил себе гроб из цельного дуба и поставил его в сенях затворнической келии. Здесь старец часто молился, готовясь к исходу от настоящей жизни. О. Серафим в беседах с Саровскими братьями часто говорил насчет этого гроба: «Когда я умру, умоляю вас, братия, положите меня в моем гробе».

Старец провел в затворе около пяти лет, потом несколько ослабил внешний вид его. Келейная дверь у него была открыта, всякий мог придти к нему, видеть его; старец не стеснялся присутствием других в своих духовных занятиях. Некоторые, вступив в келию, предлагали разные вопросы, имея нужду в советах и наставлениях старца; но, принявши на себя обет молчания пред Богом, старец на вопросы не давал ответов, продолжая обычные занятия.

В 1815 году Господь, по новому явлению о. Серафиму Пречистой Матери Своей, повелел ему не скрывать своего светильника под спудом и, отворив двери затвора, быть доступным и видимым для каждого. Поставя себе в пример Великого Илариона, он стал принимать всех

без исключения, беседуя и поучая спасению. Маленькая келия его освещалась всегда одной только лампадой и возжженными у икон свечами. Она не отапливалась никогда печкой, имела два маленьких оконца и была всегда завалена мешками с песком и камнями, служившими ему вместо постели; обрубок дерева употреблялся вместо стула, и в сенях дубовый гроб, изготовленный его же руками. Келия растворялась для всех братьев монастыря во всякое время, для сторонних – после ранней обедни до 8 часов вечера.

Старец принимал к себе всех охотно, давал благословение и каждому, смотря по душевным потребностям, делал различного рода краткие наставления. Приходящих старец принимал так: он одет был в обыкновенный белый балахон и полумантию; на шее имел епитрахиль и на руках поручи. Епитрахиль и поручи он носил не себе не всегда при приеме посетителей, а в те лишь дни, когда причащался Св. Таин, следовательно, по воскресным и праздничным дням. В ком видел он искреннее раскаяние во грехах, кто являл в себе горячее усердие к христианскому житию, тех принимал с особенным усердием и радостью. После беседы с ними он, заставив их наклонить голову, возлагал на нее конец епитрахили и правую руку свою, предлагая произносить за собою следующую покаянную молитву: «Согрешил я, Господи, согрешил душою и телом, словом, делом, умом и помышлением и всеми моими чувствами: зрением, слухом, обонянием, вкусом, осязанием, волею или неволею, ведением или неведением». Сам затем произносил молитву разрешения от грехов. По окончании такого действия он помазывал крестообразно чело пришедшего елеем от св. иконы и, если это было ранее полудня, следовательно, до принятия пищи, давал вкушать из чаши «великой агиасмы», т. е. Св. Богоявленской воды, благословлял частицею антидора, либо св. хлеба, освящаемого на всенощном богослужении. Потом, целуя пришедшего в уста, говорил во всякое время: «Христос Воскресе!» и давал прикладываться к образу Божией Матери или ко кресту, висевшему у него на груди. Иногда же, особенно знатным особам, он советовал зайти в храм помолиться Матери Божией пред св. иконою Ее Успения или Живоносного Источника.

Если пришедший не имел нужды в особенных наставлениях, то старец делал общехристианское назидание. В особенности, он советовал всегда иметь память о Боге и для сего непрестанно призывать в сердце имя Божие, повторяя молитву Иисусову: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного. «В этом да будет, – говорил он, – все твое внимание и обучение! Ходя и сидя, делая и в церкви до начала богослужения стоя, входя и исходя, сие непрестанно содержи на устах и в сердце твоём. С призыванием таким образом имени Божия ты найдешь покой, достигнешь чистоты духовной и телесной и вселится в тебя Св. Дух, Источник всех благ, и управит Он тебя во святине, во всяком благочестии и чистоте».

Многие, приходя к о. Серафиму, жаловались, что они мало молятся Богу, даже оставляют необходимые дневные молитвы. Иные говорили, что делают это по безграмотству, другие – по недосугу. О. Серафим завещал таким людям следующее молитвенное правило: «Вставши от сна, всякий христианин, став пред св. иконами, пусть прочитает молитву Господню: Отче наш – трижды; в честь Пресвятой Троицы, потом песнь Богородице: Богородице Дево, радуйся – также трижды и, наконец, Символ веры: Верую во единого Бога – единожды.

Совершив это правило, всякий христианин пусть занимается своим делом, на которое поставлен или призван. Во время же работы дома или на пути куда-нибудь пусть читает тихо: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного или грешную; а если окружают его другие, то, занимаясь делом, пусть говорит умом только это: Господи, помилуй – и продолжай до обеда.

Пред самым же обедом пусть совершает вышешоказанное утреннее правило.

После обеда, исполняя свое дело, всякий христианин пусть читает также тихо: Пресвятая Богородице, спаси мя грешного, и это пусть продолжает до самого сна.

Когда случится ему проводить время в уединении, то пусть читает он: Господи Иисусе Христе, Богородицею помилуй мя грешного или грешную.

Отходя же ко сну, всякий христианин пусть опять прочитает вышепоказанное утреннее правило, т. е. трижды Отче наш, трижды Богородице и однажды Символ веры. После того пусть засыпает, оградив себя крестным знаменем». [...]

В Нижегородской губернии, Ардатовского уезда, в родовом своем имении, селе Нуча, жили сироты, брат с сестрою, дворяне-помещики Михаил Васильевич и Елена Васильевна Мантуровы. Михаил Васильевич много лет служил в Лифляндии в военной службе и женился там на лифляндской уроженке Анне Михайловне Эрнц, но затем так сильно заболел, что принужден был оставить службу и переехать на жительство в свое имение, село Нуча. [...] Когда болезнь приняла угрожающие размеры, так что у Михаила Васильевича выпадали кусочки кости из ног, он решился ехать, по совету близких и знакомых, в Саров к о. Серафиму. С большим трудом он был приведен крепостными людьми своими в сени келии старца-затворника. Когда Михаил Васильевич, по обычаю, сотворил молитву, батюшка о. Серафим вышел и милостиво спросил его:

– Что пожаловал, посмотреть на убогого Серафима?

Мантуров упал ему в ноги и стал слезно просить старца исцелить его от ужасного недуга. Тогда с живейшим участием и отеческою любовью трижды спросил его о. Серафим:

– Веруешь ли ты Богу? – И, получив также трижды в ответ самое искреннее, сильное, горячее уверение в безусловной вере в Бога, великий старец сказал ему:

– Радость моя! Если ты так веруешь, то верь же и в то, что верующему все возможно от Бога, а потому веруй, что и тебя исцелит Господь, а я, убогий Серафим, помолюсь.

Затем о. Серафим посадил Михаила Васильевича близ гроба, стоявшего в сенях, а сам удалился в келию, откуда спустя немного времени вышел, неся с собою святого елея. Он приказал Мантурову раздеться, обнажить ноги, и, приготовившись потереть их принесенным святым елеем, произнес:

– По данной мне от Господа благодати я первого тебя врачу!

О. Серафим помазал ноги Михаилу Васильевичу и надел на них чулки из посконного холста. После того старец вынес из келии большое количество сухарей, всыпал ему их в фалды сюртука и приказал так и идти с ношею в монастырскую гостиницу. Михаил Васильевич вначале исполнил приказание батюшки не без страха, но затем, удостоверившись в совершенном с ним чуде, пришел в невыразимую радость и какой-то благоговейный ужас. Несколько минут тому назад он не был в состоянии взойти в сени к о. Серафиму без посторонней помощи, а тут вдруг, по слову святого старца, нес уже целую грудку сухарей, чувствуя себя совершенно здоровым, крепким и как бы никогда не болевшим. В радости, он бросился в ноги о. Серафиму, лобызая их и благодаря за исцеление, но великий старец приподнял Михаила Васильевича и строго сказал:

– Разве Серафимово дело мертвить и живить, низводить во ад и возводить? Что ты, батюшка! Это дело Единого Господа, Который творит волю боящихся Его и молитву их слушает! Господу Всемогущему, да Пречистой Его Матери даждь благодарение!

Затем о. Серафим отпустил Мантурова.

Прошло некоторое время. Вдруг Михаил Васильевич с ужасом вспомнил про прошедшую болезнь свою, которую он уже начал совершенно забывать, и решил еще раз съездить к о. Серафиму, принять его благословение. Дорогою Мантуров размышлял: ведь должен же я, как сказал батюшка, поблагодарить Господа... И только он приехал в Саров и вошел к о. Серафиму, как великий старец встретил его словами:

– Радость моя! А ведь мы обещались поблагодарить Господа, что Он возвратил нам жизнь-то!

Удивясь прозорливости старца, Михаил Васильевич ответил:

– Я не знаю, батюшка, чем и как; что же вы прикажете?!

Тогда о. Серафим, взглянув на него особенным образом, весело сказал:

– Вот, радость моя, все, что ни имеешь, отдай Господу и возьми на себя самопроизвольную нищету!

Смутился Мантуров; тысяча мыслей пробежали у него в голове в один миг, ибо он никак не ожидал такого предложения со стороны великого старца. Ему вспомнился евангельский юноша, которому Христос предложил также добровольную нищету для совершенного пути в Царство Небесное... Ему вспомнилось, что он не один, имеет молодую жену и что, отдав все, нечем будет жить... Но прозорливый старец, уразумев мысли его, продолжал:

– Оставь все и не пекись о том, о чем ты думаешь; Господь тебя не оставит ни в сей жизни, ни в будущей; богат не будешь, хлеб же насущный все будешь иметь.

Горячий, впечатлительный, любящий и готовый, по чистоте своей души, исполнить каждую мысль, каждое требование столь великого и святого старца, которого он видел всего второй раз, но любил уже, без сомнения, больше всего на свете, Михаил Васильевич тотчас ответил:

– Согласен, батюшка! Что же благословите мне сделать?

Но великий мудрый старец, желая испытать пылкого Михаила Васильевича, ответил:

– А вот, радость моя, помолимся, и я укажу тебе, как вразумит меня Бог!

После этого они расстались, как будущие друзья и самые верные слуги Дивеевской обители, избранной Царицею Небесною Себе в земной жребий.

По благословию батюшки о. Серафима, Михаил Васильевич Мантуров продал свое имение, отпустил на свободу крепостных людей своих и, сохранив до времени деньги, купил только в Дивеево 15 десятин земли на указанном ему о. Серафимом месте, со строжайшею заповедью: хранить эту землю, никогда не продавать, никому не отдавать ее и завещать после смерти своей Серафимовой обители. На этой земле Михаил Васильевич поселился с женою и стал терпеть недостатки. Он претерпевал множество насмешек от знакомых и друзей, а также упреков от своей жены Анны Михайловны, лютеранки, вовсе не подготовленной к духовным подвигам молодой женщины, не терпящей бедности, весьма нетерпеливого и горячего характера, хотя, в общем, хорошей и честной особы. Всю жизнь свою чудесный Михаил Васильевич Мантуров, истинный ученик Христов, терпел унижения за свой евангельский поступок. Но он переносил все безропотно, молча, терпеливо, смиренно, кротко, с благодушием, по любви и необычайной вере своей к святому старцу, во всем беспрекословно его слушаясь, не делая шага без его благословения, как бы предав всего себя и всю жизнь свою в руки о. Серафима. Неудивительно, что Михаил Васильевич стал наивернейшим учеником о. Серафима и ближайшим, любимейшим его другом. Батюшка о. Серафим, говоря о нем с кем бы то ни было, не иначе называл его, как «Мишенька», и все, касающееся устройства Дивеева, поручал только ему одному, вследствие чего все знали это и свято чтити Мантурова, повинуюсь ему во всем беспрекословно, как бы распорядителю самого батюшки.

О. Серафим после исцеления М. В. Мантурова начал принимать других посетителей и, верный обещанию, данному о. Пахомию, не забывал Дивеевской общины. Он посылал некоторых послушниц к начальнице Ксении Михайловне и, ежедневно молясь о них, получал откровения о будущем этой общины.

Принимая посетителей к себе в монастырскую келию в течении 15 лет, о. Серафим все-таки не оставил затвора и никуда не выходил. Но в 1825 году он начал просить Господа о благословении его на окончание затвора.

25 ноября 1825 года, на день памяти святителя Климента, папы Римского, и Петра Александрийского, в сонном видении, Матерь Божия в сопровождении этих святых явилась о. Серафиму и разрешила ему выйти из затвора и посещать пустынь.

[...]

В записках Н. А. Мотовилова об основании мельничной обители о. Серафима говорится:

«Когда 1825 года, 25 ноября, на день святых угодников Божиих Климента, папы Римского, и Петра Александрийского, как то сам батюшка Серафим лично мне, а также и мно-

гим, постоянно говаривал, пробираясь, по обычаю, сквозь чащи леса по берегу реки Саровки к своей дальней пустынке, увидел он ниже того места, где был некогда Богословский колодезь, и почти близ берега реки Саровки, Божию Матерь, явившуюся ему тут (где ныне колодезь его, и где тогда была лишь трясына), а дальше и позади Ее на пригорке двух Апостолов: Петра Верховного и Апостола Евангелиста Иоанна Богослова. И Божия Матерь, ударив жезлом землю так, что искипел из земли источник фонтаном светлой воды, сказала ему:

– Зачем ты хочешь оставить заповедь рабы Моей Агафии – монахини Александры? Ксению с сестрами ее оставь, а заповедь сей рабы Моей не только не оставляй, но и потщись вполне исполнить ее, ибо по воле Моей она дала тебе оную. А Я укажу тебе другое место, тоже в селе Дивееве, и на нем устрой эту обетованную Мною обитель Мою. А в память обетования, ей данного Мною, возьми с места кончины ее из общины Ксении восемь сестер.

И сказала ему по именам, которых именно взять, а место указала на востоке, на задах села Дивеева, против алтаря церкви Казанского явления Своего, устроенного монахиною Александрою. И указала, как обнести это место канавою и валом; и с сих восьми сестер повелела ему начать обитель сию, Ее четвертого вселенского жребия на земле, для которой приказала сначала из Саровского леса ему срубить двухпоставную ветряную мельницу и келии первые, а потом, по времени, соорудить в честь Рождества Ее и Сына Ее Единородного двухпрестольную церковь для сей обители, приложив оную к паперти церкви Казанского явления Своего Дивеевской монахини Александре. И Сама дала ему для сей обители устав новый и нигде до того времени ни в какой обители еще не существовавший. И за непременно правило поставила заповедь, чтобы в сию обитель не дерзала быть принимаема ни одна вдовица, а принимал бы и он, и потом бы всегда принимались бы лишь одни девицы, на прием которых Сама Она изъяснит свое благоволение; и обещалась Сама быть всегдашнею Игумениею сей обители Своей, изливая не нее все милости Свои и всех благодатей Божиих, благословения со всех Своих трех прежних жребиев: Иверии, Афона и Киева. Место же, где стояли Пречистые стопы Ног Ее и где от удара жезлом Ее искипел источник и принял целебность на память будущих родов выкопаньем тут колодца, обещала дать водам оногo большее благословение Свое, чем некогда имели воды Вифезды Иерусалимской».

Ныне на месте явления Божией Матери отцу Серафиму 25 ноября 1825 года устроен колодезь, отличающийся чудотворною силою, и ниже, вблизи его, существует прежний Богословский колодезь. Летом 1826 года, по желанию старца, Богословский родник был возобновлен. Накат, закрывавший бассейн, снят; сделан новый сруб с трубою для истока воды. Около бассейна старец стал теперь заниматься телесными трудами. Собирая в реке Саровке камешки, он выкидывал их на берег и ими унизывал бассейн родника. Устроил здесь для себя гряды, удабривал их мхом, сажал лук и картофель. Старец избрал себе это место, потому что, по болезни, не мог ходить в прежнюю свою келию за шесть верст от монастыря. Даже затруднительно становилось ему, после утренних трудов на ногах, посещать для отдохновения в полуденное время келию о. Дорофея, которая стояла от родника всего на четверть версты. Для о. Серафима устроен был на берегу горы, подле родника, новый небольшой сруб, вышиною в три аршина, длиною в три и шириною в два. Сверху его накрывал скат на одну сторону. Не было в нем ни окон, ни двери. Вход же в этот срубец был открыт земляной со стороны горы, под стенкой. Подлезши под стенку, старец отдыхал в этом убежище после трудов, скрываясь от полуденного зноя. Потом, в 1827 году, здесь же, на горке около родника, ему поставили новую келию с дверями, но без окон; внутри ее была печь, вовне сколочены сенцы из досок. В течение 1825–1826 годов старец ежедневно хаживал к этому месту. А когда устроили ему келию, он начал уже постоянно проводить все дни здесь, в пустыне; вечером возвращался в обитель. Идя в обитель и из обители в обыкновенном белом, ветхом холщовом балахоне, в убогой камилавке, с топором или мотыгой в руках, он носил за плечами суму, грузно наполненную камнями и песком, в которой лежало и св. Евангелие. Некоторые спрашивали: «Для

чего он это делает?» Он отвечал словами св. Ефрема Сирина: «Я томлю томящего мя». Место это известно с тех пор под именем ближней пустыни о. Серафима, а родник стали называть колодцем о. Серафима. [...]

Ум у о. Серафима был светлый, память твердая, взгляд истинно-христианский, сердце для всех доступное, воля непреклонная, дар слова живой и обильный. Речь его была столь действительна, что слушатель получал от нее душевную пользу. Беседы его были исполнены духом смирения, согревали сердце, снимали с очей как бы некоторую завесу, озаряли умы собеседников светом духовного разумения, приводили их в чувство раскаяния и возбуждали решительную перемену к лучшему; невольно покоряли себе волю и сердце других, разливали в них мир и тишину. Как собственные действия свои, так и свои слова старец Серафим основывал на слове Божиим, подтверждая их наиболее местами Нового Завета, на писаниях св. отцов и на примерах святых, Богу благоугодивших. Все сие потому еще имело особенную силу, что прямо прилагалось к потребностям слушателей. По чистоте духа своего он имел дар прозорливости; иным, прежде раскрытия обстоятельств, давал наставления, относившиеся прямо ко внутренним их чувствам и мыслям сердечным. Особенным свойством его обхождения и бесед были любовь и смиренномудрие. Кто бы ни был приходивший к нему, бедняк ли в рубище, или богач в светлой одежде, с какими бы кто ни приходил нуждами, в каком бы греховном состоянии ни находилась его совесть, он всех лобызал с любовью, всем кланялся до земли и, благословляя, сам целовал руки даже не у посвященных людей. Никого не поражал он жестокими укоризнами или строгими выговорами; ни на кого не возлагал тяжкого бремени, сам неся крест Христов со всеми скорбями. Говорил он иным и обличения, но кротко, растворяя слово свое смирением и любовью. Старался возбудить голос совести советами, указывал пути спасения и часто так, что слушатель его на первый раз и не понимал, что дело идет о душе его. После же сила слова, осененного благодатью, непременно производила свое действие. Не выходили от него без действительного наставления ни богатые, ни бедные, ни простые, ни ученые, ни вельможи, ни простолюдины; для всех было довольно живой воды, текущей из уст прежнего молчальника, смиренного и убогого старца. Народу, особенно в последние десять лет его жизни, к нему стекалось ежедневно целые тысячи. Ежедневно при многочисленном собрании пришельцев в Саров у него бывало в келии около 2000 человек и более. Он не тяготился и со всяким находил время побеседовать на пользу души. В кратких словах он объяснял каждому то, что ему именно было благопотребно, открывая часто самые сокровенные помыслы обращающихся к нему. Все ощущали его благоприветливую, истинно-родственную любовь и ее силу, потоки слез иногда вырывались и у таких людей, которые имели твердое и окаменелое сердце.

Приехал однажды в Саров заслуженный генерал-лейтенант Л. Целью приезда его было любопытство. И так, пообсмотрев монастырские здания, он хотел уже и проститься с монастырем, не получив для души своей никакого духовного дара, но встретил здесь помещика Алексея Неофитовича Прокудина и разговорился с ним. Собеседник предложил генералу зайти к затворнику старцу Серафиму, но генерал только с трудом уступил убеждениям Прокудина. Как только вступили они в келию, старец Серафим, идя к ним навстречу, поклонился генералу в ноги. Такое смирение поразило гордость Л. Прокудин, заметив, что ему не следует оставаться в келии, вышел в сени, и генерал, украшенный орденами, около получаса беседовал с затворником. Через несколько минут послышался из келии старца плач: то плакал генерал, точно дитя малое. Через полчаса раскрылась дверь, и о. Серафим вывел генерала под руки; он продолжал плакать, закрыв лицо руками. Ордена и фуражка были забыты им от горести у о. Серафима. Предание говорит, будто ордена свалились у него во время беседы сами собою. О. Серафим вынес все это и ордена надел на фуражку. Впоследствии генерал этот говорил, что он прошел всю Европу, знает множество людей разного рода, но в первый раз в жизни увидел такое смирение, с каким встретил его Саровский затворник, и еще никогда не знал о той прозорливости, по которой старец раскрыл пред ним всю его жизнь до тайных подробностей. Между прочим,

когда кресты свалились у него, о. Серафим сказал: «Это потому, что ты получил их незаслуженно».

С особенным усердием заботился старец Серафим о тех, у кого видел расположение к добру; на пути блага он старался утвердить их всеми духовно-христианскими средствами и силами. Впрочем, не смотря на любовь ко всем, о. Серафим к некоторым был строг. Но и с не любящими его он был мирен, обходился кротко и любовно. Не было замечено, чтобы он какое-либо дело отнес к себе или хвалил себя, но всегда, благословляя Господа Бога, говорил:

– «Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему даждь славу» (Псал. 113, 9). – Когда же видел, что приходившие к нему внимали его советам, следовали его наставлениям, то не восхищался сим, как бы плодом своего дела.

– Мы, – говорил он, – должны всякую радость земную от себя удалять, следуя учению Иисуса Христа, Который сказал: «О сем не радуйтесь, яко дуси вам повинуются: радуйтесь же, яко имена ваша написана суть на небесех» (Лук. 10, 20). [...]

Насколько часто сестры Дивеевские должны были первое время ходить к о. Серафиму работать и за продовольствием, которое он посылал им от себя из Сарова, видно, например, из повествования сестры Прасковьи Ивановны, впоследствии монахини Серафимы. Вновь поступающих он еще заставлял чаще приходиться других, чтобы преподать им духовное назидание. В праздник Сретения 1828–1829 гг. он приказал сестре Прасковье Ивановне, как только что поступившей в обитель, дважды успеть прийти к нему и возвратиться. Следовательно, ей надо было пройти 50 верст и еще провести время в Сарове. Она смутилась и сказала:

– Не успею так, батюшка!

– Что ты, что ты, матушка, – ответил о. Серафим, – ведь день теперь продолжается 10 часов.

– Хорошо, батюшка, – сказала Прасковья с любовью. Первый раз она пришла в келью к батюшке в монастырь, когда шла ранняя обедня. Батюшка отворил дверь и весело встретил ее, назвав: «радость моя!» Посадил отдохнуть, накормил частичками просфоры со святою водою и потом дал нести в обитель к себе большой мешок с толокном и сухарями. В Дивеево она немного отдохнула и опять пошла в Саров. Служили вечерню, когда она вошла к батюшке, который в восторге приветствовал ее, говоря:

– Гряди, гряди, радость моя! Вот я накормлю тебя своею пищею. – Посадил Прасковью и поставил перед нею большое блюдо пареной капусты с соком. – Это все твое, – сказал батюшка. Она начала есть и ощутила такой вкус, который ее несказанно удивил. Потом из расспросов она узнала, что за трапезой не бывает этой пищи, и она была хороша, потому что батюшка сам по молитве своей приготовлял такую необыкновенную пищу. Однажды батюшка ей приказал работать в лесу, собирать дрова, и припас ей пищи. Часу в третьем дня он сам захотел поесть и говорит:

– Поди-ка, матушка, в пустынку, там у меня на веревочке висит кусочек хлеба, принеси его.

Сестра Прасковья принесла. Батюшка посолил черствый хлеб, помочил его в холодной воде и начал кушать. Частицу он отделил Прасковье, но она не могла даже разжевать – так засох хлеб – и подумала: вот, какое терпит лишение батюшка. Отвечая ей на мысль, о. Серафим сказал:

– Это, матушка, еще хлеб насущный! А когда я был в затворе, то питался зелием, траву снить обливал горячею водою, так и вкушал; это пустынная пища, и вы ее вкушайте.

В другой раз сестра Прасковья Ивановна впала в искушение: начала малодушествовать, скучать, тосковать и задумала уйти из обители, но не знала, открыться ли батюшке? Вдруг он присылает за ней. Она входит смущенная и робкая. Батюшка начал рассказывать о себе и о своей жизни в монастыре, а затем прибавил:

– Я, матушка, всю монастырскую жизнь прошел и никогда, ниже мыслию, не выходил из монастыря.

Повторяя еще несколько раз это и приводя примеры из своего прошлого, он совершенно исцелил ее, так что Прасковья Ивановна свидетельствует в своем повествовании, что в продолжение рассказа «все мои мысли понемногу успокоились, а когда кончил батюшка, так я почувствовала такое утешение, как будто больной член отрезан прочь ножом». В бытность Прасковьи Ивановны при батюшке в ближней пустынке к нему подошли Курские купцы, захавшие в Саров с Нижегородской ярмарки. Перед прощанием они спросили батюшку:

– Что прикажете сказать вашему братцу? О. Серафим ответил:

– Скажите ему, что я молю о нем Господа и Пречистую Его Матерь день и ночь. – Они отошли, а батюшка, воздевши руки, с восторгом несколько раз повторил: – Нет лучше монашеского житья, нет лучше!

Однажды, когда Прасковья Ивановна работала у источника, к ней батюшка вышел со светлым сияющим лицом и в новом белом балахончике. Еще издали воскликнул он:

– Что я тебе, матушка, принес! – и подошел к ней, держа в руках зеленую веточку с фруктами. Сорвав один, он вложил ей в уста, и вкус его был невыразимо приятен и сладок. Затем, вкладывая в уста еще такой же фрукт, он произнес:

– Вкуси, матушка, это райская пища! – В то время года еще не могли созреть никакие фрукты.

Старшая сестра в мельничной обители о. Серафима, Прасковья Семеновна, свидетельствовала много о батюшкиных милостях к сестрам и, между прочим, рассказала, как страшно было послушаться его. Однажды батюшка приказал ей, чтобы она приехала с отроковицей Марией Семеновной на двух лошадях за бревнами. Они поехали прямо к батюшке в лес, где он их уже дождался и приготовил на каждую лошадь по два тоненьких бревнышка. Думая, что все четыре бревна может свезти одна лошадь, сестры переложили дорогою эти бревнышки на одну, а на другую лошадь взвалили большое, толстое бревно. Но лишь тронулись они с места, как лошадь эта упала, захрипела и начала околевать. Сознывая себя виновными, что они поступили против благословения батюшки, они, упав на колени, тут же, в слезах, заочно начали просить прощения, а затем скинули толстое бревно и разложили бревнышки по-прежнему. Лошадь сама вскочила и так скоро побежала, что они едва-едва могли догнать ее. [...]

Чтобы видимо убедить всех, что Господу и Царице Небесной угодно, дабы о. Серафим занимался Дивеевской обителью, великий старец выбрал вековое дерево и помолился, чтобы оно преклонилось, в знак Божия определения. Действительно, на утро это дерево оказалось выворочено с громадным корнем при совершенно тихой погоде. Об этом дереве имеется множество записанных повествований сирот о. Серафима.

Так, Анна Алексеевна, одна из 12 первых сестер обители, рассказывает следующее: «Была я тоже свидетельницей великого чуда с покойной сестрой обители, Ксенией Ильичиной Потехиной, впоследствии недолго бывшей начальницей нашей мельничной общинки, позже благочинной монастыря нашего, монахиней Клавдией. Приходит к батюшке Серафиму живописец Тамбовский, Саровский послушник Иван Тихонович. Долго толковал с ним батюшка, что напрасно блазнятся на него, что печется он о нас; что это он делает не от себя, а по приказанию ему Самой Царицы Небесной.

– Помолимся, – говорит батюшка Серафим. – Мню, что дереву этому более ста лет... – при этом он указал на дерево громадных размеров. – Простоит оно еще много лет... Аще же я творю послушание Царицы Небесной, – преклонится дерево сие в их сторону!.. – и указал на нас. – Так и знай, – продолжал о. Серафим, – что нет мне дороги оставлять их, хотя они и девушки! И если брошу я их, то и до Царя, пожалуй, дойдет!

Приходим мы на другой день, а батюшка-то и показывает нам это самое здоровое и громадное дерево, точно бурею какую вывороченное со всеми своими корнями. И приказал

батюшка, радостный, весь сияющий, разрубить дерево и отвезти к нам в Дивеев». (Корень его хранится доселе в кладбищенской церкви с прочими вещами о. Серафима). [...]

За год и 9 месяцев до своей кончины о. Серафим сподобился еще посещения Богоматери. Посещение было ранним утром, в день Благовещения, 25 марта 1831 года. Записала его и подробно сообщила дивная старица Евдокия Ефремовна (впоследствии мать Евпраксия).

«В последний год жизни батюшки Серафима я прихожу к нему вечером, по его приказанию, накануне праздника Благовещения Божией Матери. Батюшка встретил и говорит:

– Ах, радость моя, я тебя давно ожидал! Какая нам с тобою милость и благодать от Божией Матери готовится в настоящий праздник! Велик этот день будет для нас!

– Достойна ли я, батюшка, получать благодать по грехам моим? – отвечаю я. Но батюшка приказал:

– Повторяй, матушка, несколько раз сряду: “Радуйся, Невесто Неневестная! Аллилуйя!” – Потом начал говорить: – И слышать-то никогда не случалось, какой праздник нас с тобою ожидает!

Я начала было плакать... Говорю, что я недостойна; а батюшка не приказал, стал утешать меня, говоря:

– Хотя и недостойна ты, но я о тебе упросил Господа и Божию Матерь, чтоб видеть тебе эту радость! Давай молиться! – И, сняв с себя мантию, надел ее на меня и начал читать акафисты: Господу Иисусу, Божией Матери, Святителю Николаю, Иоанну Крестителю; каноны: Ангелу Хранителю, всем святым. Прочитав все это, говорит мне:

– Не бойся, не устрашись, благодать Божия к нам является! Держись за меня крепко!

И вдруг сделался шум, подобно ветру, явился блистающий свет, послышалось пение. Я не могла все это видеть и слышать без трепета. Батюшка упал на колени и, воздев руки к небу, воззвал:

– О, Препоблагословенная, Пречистая Дево, Владычице Богородица!

И вижу, как впереди идут два Ангела с ветвями в руках, а за ними Сама Владычица наша. За Богородицей шли двенадцать дев, потом еще св. Иоанн Предтеча и Иоанн Богослов. Я упала от страха замертво на землю и не знаю, долго ли я была в таком состоянии, и что изволила говорить Царица Небесная с батюшкой Серафимом. Я ничего не слышала также, о чем батюшка просил Владычицу. Перед концом видения услышала я, лежа на полу, что Матерь Божия изволила спрашивать батюшку Серафима:

– Кто это у тебя лежит на земле? Батюшка ответил:

– Это та самая старица, о которой я просил Тебя, Владычица, быть ей при явлении Твоем!

Тогда Пречистая изволила взять меня, недостойную, за правую руку, и батюшка за левую, и через батюшку приказала мне подойти к девам, пришедшим с Нею, и спросить: как их имена и какая жизнь была их на Земле. Я и пошла по ряду спрашивать. Во-первых, подхожу к ангелам, спрашиваю: кто вы? Они отвечают: мы Ангелы Божии. Потом подошла к Иоанну Крестителю, он также сказал мне имя свое и жизнь вкратце; точно также св. Иоанн Богослов. Подошла к девами их спросила, каждую о имени; они рассказали мне свою жизнь. Святые девы по именам были: великомученицы Варвара и Екатерина, св. первомученица Фекла, св. великомученица Марина, св. великомученица и царица Ирина, преподобная Евпраксия, св. великомученицы Пелагея и Дорофея, преподобная Макрина, мученица Иустина, св. великомученица Иулиания и мученица Анисия. Когда я спросила их всех, то подумала: пойду, упаду к Ножкам Царицы Небесной и буду просить прощения в грехах моих, но вдруг все стало невидимо. После батюшка говорит, что это видение продолжалось четыре часа.

Когда мы остались одни с батюшкой, я говорю ему:

– Ах, батюшка, я думала, что умру от страха, и не успела попросить Царицу Небесную об отпущении грехов моих.

Но батюшка отвечал мне:

– Я, убогий, упросил о вас Божию Матерь и не только о вас, но по всех, любящих меня, и о тех, кто служил мне и мое слово исполнял; кто трудился для меня, кто обитель мою любит, а кольми паче вас не оставлю и не забуду. Я отец ваш, попекусь о вас и в сем веке, и в будущем; и кто в моей пустыне жить будет, всех не оставлю, и роды ваши не оставлены будут. Вот, какой радости Господь сподобил нас, зачем нам унывать!

Тогда я стала просить батюшку, чтобы он научил меня, как жить и молиться. Он ответил:

– Вот как молитесь: Господи, сподоби меня умереть христианскою кончиною, не остави меня, Господи, на страшном суде Твоем, не лиши Царствия Небесного! Царица Небесная, не остави меня!

После всего я поклонилась в ножки батюшке, а он, благословивши меня, сказал:

– Гряди, чадо, с миром в Серафимову пустынь!» [...] Батюшка Серафим, как сказано, принимал множество посетителей. Он поучал мирян, обличал в них ложные направления ума и жизни. Так, один священник привел с собою к о. Серафиму профессора, который не столько хотел слышать беседу старца, сколько принять его благословение на вступление в монашество.

Старец благословил его по обычаю священства, но насчет его желания вступить в монашество не давал никакого ответа, занявшись беседою со священником. Профессор, стоя в стороне, внимал их беседе. Священник, между тем, во время разговора часто наводил речь на цель, с которою пришел к нему ученый. Но старец, намеренно уклоняясь от сего предмета, продолжал свою беседу и только раз, как бы мимоходом, заметил о профессоре:

– Не нужно ли ему еще доучиться чему-нибудь? Священник на это решительно объяснил ему, что он знает Православную веру, сам – профессор семинарии, и стал убедительнейше просить разрешить только недоумение его насчет монашества. Старец на это отвечал:

– И я знаю, что он искусен сочинять проповеди. Но учить других так же легко, как с нашего собора бросать на землю камешки, а проходить делом то, чему учишь, все равно, как бы самому носить камешки на верх собора. Так вот, какая разница между учением других и прохождением самому дела. – В заключение, он советовал профессору прочитать историю св. Иоанна Дамаскина, говоря, что из нее он усмотрит, чему еще надобно доучиться ему. [...]

Однажды о. Серафим в неизобразимой радости сказал доверенному иноку:

– Вот, я тебе скажу об убогом Серафиме! Я усладился словом Господа моего Иисуса Христа, где Он говорит: в дому Отца Моего обители мнози суть (т. е. для тех, которые служат Ему и прославляют Его святое имя). На этих словах Христа Спасителя я, убогий, остановился и возжелал видеть оные небесные обители и молил Господа моего Иисуса Христа, чтобы Он показал мне эти обители; и Господь не лишил меня, убогого, Своей милости; Он исполнил мое желание и прошение; вот, я и был восхищен в эти небесные обители; только не знаю, с телом или кроме тела – Бог весть; это непостижимо. А о той радости и сладости небесной, которую я там вкусил, сказать тебе невозможно.

И с этими словами о. Серафим замолчал... Он поник головою, глядя тихонько рукою против сердца, лицо его стало постепенно меняться и, наконец, до того просветилось, что невозможно было смотреть на него. Во время таинственного своего молчания, он как будто созерцал что-то с умилением. Потом о. Серафим снова заговорил:

– Ах, если бы ты знал, – сказал старец иноку, – какая радость, какая сладость ожидает душу праведного на небеси, то ты решился бы во временной жизни переносить всякие скорби, гонения и клевету с благодарением. Если бы самая эта келия наша, – при этом он показал на свою келию, – была полна червей, и если бы эти черви ели плоть нашу во всю временную жизнь, то со всяким желанием надобно бы на это согласиться, чтобы только не лишиться той небесной радости, какую уготовил Бог любящим Его. Там нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания; там сладость и радость неизглаголаные; там праведники просветятся, как солнце. Но если той небесной славы и радости не мог изъяснить и сам св. Апостол Павел (2 Кор. 12, 2–4), то какой

же другой язык человеческий может изъяснить красоту горнего селения, в котором водворяются души праведных?

В заключение своей беседы, старец говорил о том, как необходимо теперь тщательнейшим образом заботиться о своем спасении, пока не прошло еще благоприятное время.

Прозорливость старца Серафима простиралась очень далеко. Он давал наставления для будущего, которое человеку обыкновенному никак не предусмотреть. Так, пришла к нему в келию одна молодая особа, никогда не думавшая оставить мир, чтобы попросить наставления, как ей спастись. Едва только эта мысль мелькнула в ее голове, старец уже начал говорить: «Много-то не смущайся, живи так, как живешь; в большем Сам Бог тебя научит. – Потом, поклонившись ей до земли, сказал: – Только об одном прошу тебя: пожалуйста, во все распоряжения входи сама и суди справедливо; этим и спасешься». Находясь тогда еще в мире и совершенно не думая никогда быть в монастыре, эта особа никак не могла понять, к чему клонятся такие слова о. Серафима. Он же, продолжая свою речь, сказал ей: «Когда придет это время, тогда вспомните меня». Прощаясь с о. Серафимом, собеседница сказала, что, может быть, Господь приведет им опять свидеться. «Нет, – отвечал о. Серафим, – мы уже прощаемся навсегда, а потому прошу не забывать меня в святых своих молитвах». Когда же она просила помолиться и за нее, он отвечал: «Я буду молиться, а ты теперь гряди с миром: на тебя уже сильно ропщут». Спутницы, действительно, встретили ее на гостинице с сильным ропотом за медлительность. Между тем, слова о. Серафима не были произнесены на воздух. Собеседница, по неисповедимым судьбам Промысла, ступила в монашество под именем Каллисты и, быв игуменьей в Свяжском монастыре Казанской губернии, помнила наставления старца и по ним устроила свою жизнь. [...]

Алексею Гурьевичу Воротилу не раз говорил о. Серафим, что некогда на Россию восстанут три державы и много изнурят ее. Но за Православие Господь помилует и сохранит ее. Тогда эта речь, как сказание о будущем, непонятна была; но события объяснили, что старец говорит это о Крымской кампании.

Молитвы старца Серафима были так сильны пред Богом, что есть примеры восстановления болящих от овра смерти. Так, в мае 1829 года сильно заболела жена Алексея Гурьевича Воротилова, жителя Горбатовского уезда, села Павлово. Воротиллов же имел большую веру в силу молитв о. Серафима, и старец, по свидетельству знающих людей, любил его, как бы своего ученика и наперсника. Тотчас же Воротиллов отправился в Саров и, несмотря на то, что приехал туда в полночь, поспешил к келии о. Серафима. Старец, как бы ожидая его, сидел на крыльчке келии и, увидавши, приветствовал его сими словами: «Что, радость моя, поспешил в такое время к убогому Серафиму?» Воротиллов со слезами рассказал ему о причине поспешного прибытия в Саров и просил помочь болящей жене его. Но о. Серафим, к величайшей скорби Воротилова, объявил, что жена его должна умереть от болезни. Тогда Алексей Гурьевич, обливаясь потоком слез, припал к ногам подвижника, с верою и смирением умоляя его помолиться о возвращении ей жизни и здоровья. О. Серафим тотчас погрузился в умную молитву минут на десять, потом открыл очи свои и, поднимая Воротилова на ноги, с радостью сказал: «Ну, радость моя, Господь дарует супружнице твоей живот. Гряди с миром в дом твой». С радостью Воротиллов поспешил домой. Здесь он узнал, что жена его почувствовала облегчение именно в те минуты, когда о. Серафим пребывал в молитвенном подвиге. Вскоре же она и совсем выздоровела.

После затвора о. Серафим изменил свой образ жизни и стал иначе одеваться. Он вкушал пищу один раз в день, вечером, и одевался в подрясник из черного, толстого сукна. Летом накидывал сверху белый холщовый балахон, а зимою носил шубу и рукавицы. В погоду осеннюю и ранней весны носил кафтан из толстого русского черного сукна. От дождя и жары надевал полумантию, сделанную из цельной кожи, с вырезами для надевания. Поверх одежды подпоясывался белым и всегда чистым полотенцем и носил медный свой крест. На труды монастыр-

ские летом выходил в лаптях, зимою в бахилах, а, идя в церковь к богослужению, надевал, по приличию, кожаные коты. На голове носил зимою и летом камилавку. Сверх того, когда следовало по монастырскому уставу, он надевал мантию и, приступая к принятию Св. Таин, облачался в епитрахиль и поручи и потом, не снимая их, принимал в келии богомольцев.

Один богатый человек, посетивши о. Серафима и видя его убожество, стал говорить ему: – Зачем ты такое рубище носишь на себе? О. Серафим отвечивал:

– Иоасаф царевич данную ему пустынною Варлаамом мантию счел выше и дороже царской багряницы» (Четь-минея, ноября 19 дня).

Противу сна о. Серафим подвизался очень строго. Известно стало в последние годы, что он предавался ночному покою иногда в сенях, иногда в келии. Спал же он, сидя на полу, спиною прислонившись к стене и протянувши ноги. В другой раз он преклонял голову на камень или на деревянный отрубок. Иногда же повергался на мешках, кирпичках и поленьях, бывших в его келии. Приближаясь же к минуте своего отшествия, он начал опочивать таким образом: становился на колени и спал ниц к полу на локтях, поддерживая руками голову. [...]

Время, которое о. Серафиму оставалось от сна и занятий с приходящими, он проводил в молитве. Совершая молитвенное правило во всею точностью и усердием за спасение своей души, он был в то же время великим молитвенником и ходатаем пред Богом за всех живых и усопших православных христиан. Для сего, при чтении Псалтири, на каждой главе он неопустительно произносил от всего сердца следующие молитвы:

1: За живых: «Спаси, Господи, и помилуй всех православных христиан и на всяком месте владычества Твоего православно живущих; подаждь им, Господи, душевный мир и телесное здравие и прости им всякое согрешение, вольное же и невольное; и их святыми молитвами и меня, окаянного, помилуй».

2: За усопших: «Упокой, Господи, души усопших раб Твоих: праотец, отец и братий наших, zde лежащих и повсюду православных христиан преставившихся; подаждь им, Господи, царствие и причастие Твоей бесконечной и блаженной жизни, и прости им, Господи, всякое согрешение, вольное же и невольное».

В молитве за усопших и живых особенное значение имели восковые свечи, горевшие в его келии пред святынею. Это объяснил в ноябре 1831 года сам старец о. Серафим в беседе с Н. А. Мотовиловым. «Я, – рассказывал Николай Александрович, – видевши у батюшки о. Серафима много лампад, в особенности многие кучи восковых свеч, и больших, и малых, на разных круглых подносах, на которых от таявшего много лет и капавшего со свеч воска образовались как бы восковые холмики, подумал про себя: для чего это батюшка о. Серафим возжигает такое множество свеч и лампад, производя в келии своей нестерпимый жар от теплоты огненной? А он, как бы заставляя мои помыслы умолкнуть, сказал мне:

– Вы хотите знать, ваше боголюбие, для чего я зажигаю так много лампад и свеч пред святыми иконами Божиими? Это вот для чего: я имею, как и вам известно, многих особ, усердствующих ко мне и благотворящих мельничным сиротам моим. Они приносят мне елей и свечи и просят помолиться за них. Вот, когда я читаю правило свое, то и поминаю их сначала единожды. А так как, по множеству имен, я не смогу повторять их на каждом месте правила, где следует, – тогда и времени мне не достало бы на совершение моего правила – то я и ставлю все эти свечи за них в жертву Богу, за каждого по одной свече, за иных – за несколько человек одну большую свечу, за иных же постоянно тепло лампады; и, где следует на правиле помянуть их, говорю: Господи, помяни всех тех людей, рабов Твоих, за их же души возжег тебе аз, убогий, сии свещи и кандила (т. е. лампады). А что это не моя, убогого Серафима, человеческая выдумка, или так, простое мое усердие, ни на чем божественном не основанное, то и приведу вам в подкрепление слова Божественного Писания. В Библии говорится, что Моисей слышал глас Господа, глаголавшего к нему: “Моисее, Моисее! Рцы брату твоему Аарону, да возжигает предо Мною кандила во дни и в ночи: сия бо угодно есть предо Мною и жертва благоприятна

Ми есть”. Так вот, ваше боголюбие, почему св. Церковь Божия прияла в обычай возжигать во св. храмах и в домах верных христиан кандила или лампы пред святыми иконами Господа, Божией Матери, св. Ангелов и св. человек, Богу благоугодивших».

Молясь о живых, в особенности о требовавших у не го молитвенной помощи, о. Серафим поминал всегда усопших и память о них творил в келейных молитвах своих по уставу Православной Церкви.

Раз, сам о. Серафим рассказывал следующее обстоятельство: «Умерли две монахини, бывшие обе игумениями. Господь открыл мне, как души их были ведены по воздушным мытарствам, что на мытарствах они были истязуемы и потом осуждены. Трое суток молился я, убогий, прося о них Божию Матерь. Господь, по Своей благости, молитвами Богородицы, помиловал их: они прошли все воздушные мытарства и получили от милосердия Божия прощение».

Однажды замечено было, что во время молитвы старец Серафим стоял на воздухе. Случай этот рассказан княгиней Е. С. Ш.

Приехал к ней из Петербурга больной племянник ее, г. Я. Она, не медля долго, повезла его в Саров к о. Серафиму. Молодой человек был объят таким недугом и слабостью, что не ходил сам, и его на кровати внесли в монастырскую ограду. О. Серафим в это время стоял у дверей своей монастырской келии, как бы ожидая встретить расслабленного. Тотчас он просил внести больного в свою келию и, обратившись к нему, сказал:

– Ты, радость моя, молись, и я буду за тебя молиться; только смотри, лежи, как лежишь, и в другую сторону не оборачивайся.

Больной долго лежал, повинувшись словам старца. Но терпение его ослабело, любопытство подмывало его взглянуть, что делает старец. Оглянувшись же, он увидел о. Серафима стоящим на воздухе в молитвенном положении и от неожиданности и необычайности видения вскрикнул. О. Серафим, по совершении молитвы, подошедши к нему, сказал:

– Вот, ты теперь будешь всем толковать, что Серафим – святой, молится на воздухе... Господь тебя помилует... А ты смотри, огради себя молчанием и не поведай того никому до дня преставления моего, иначе болезнь твоя опять вернется.

Г. Я., действительно, встал с постели и, хотя опираясь на других, но уже сам, на своих ногах, вышел из келии. В монастырской гостинице его осаждали вопросами: «Как и что делал и что говорил о. Серафим?» Но, к удивлению всех, он не сказал ни одного слова. Молодой человек, совершенно исцелившись, опять был в Петербурге и снова через несколько времени воротился в имение княгини Ш. Тут он сведал, что старец Серафим опочил от трудов своих, и тогда рассказал о его молении на воздухе. Один случай такой молитвы нечаянно был усмотрен, но, конечно, старец не один раз благодатию Божиею был воздвигаем на воздух во время своих продолжительных молитвенных подвигов.

За год до смерти о. Серафим почувствовал крайнее изнеможение сил душевных и телесных. Ему было теперь около 72 лет. Обыкновенный порядок жизни его, заведенный с окончания затвора, неминуемо подвергся теперь изменению. Старец стал реже ходить в пустынную келию. В монастыре также тяготился постоянно принимать посетителей. Народ, свыкшийся с мыслью беспрепятственно видеть о. Серафима во всякое время, скорбел, что теперь он начал уклоняться от взоров. Однако же, усердие к нему заставляло многих не малое время проживать на монастырской гостинице, чтобы изыскать не обременительный для глубокого старца случай увидеть его и выслушать из уст его желаемое слово назидания или утешения.

Кроме предсказаний другим, старец начал теперь предсказывать и о своей смерти. Так, пришла раз к нему сестра Дивеевской общины Параскева Ивановна с другими сотрудницами из сестер же. Старец начал говорить им: «Я силами слабею; живите теперь одни, оставляю вас». Скорбная беседа о разлуке растрогала слушательниц; они заплакали и с тем расстались со старцем. Однако же они подумали, по поводу этой беседы, не о смерти его, а о том, что о. Серафим, по преклонности лет, хочет отложить попечение о них, чтобы удалиться в затвор.

В другой раз старца посетила одна Параскева Ивановна. Он был в лесу, в ближней пустыне. Благословивши ее, о. Серафим сел на отрубок дерева, а сестра около него стала на колени. О Серафим повел духовную беседу и пришел в необыкновенный восторг: встал на ноги, руки поднял горе, взоры к небу. Благодатный свет озарил его душу от представления блаженства будущей жизни. Ибо старец беседовал в настоящий раз собственно о том, какая вечная радость ожидает человека на небе за недолговременные скорби временной жизни. «Какая радость, какой восторг, – говорил он, – объемлют душу праведника, когда, по разлучении с телом, ее сретают Ангелы и представляют пред Лице Божие!» Раскрывая эту мысль, старец несколько раз спрашивал сестру: понимает ли она его? Сестра же все слушала, не говоря ни слова. Она понимала беседу старца, но не видела, чтобы речь клонилась к его кончине. Тогда о. Серафим снова стал говорить прежнее: «Я силами ослабеваю; живите теперь одни, оставляю вас». Сестра подумала, что он хочет опять укрыться в затвор, но о. Серафим на ее мысли ответил: «Искал я вам матери (настоятельницы), искал... и не мог найти. После меня никто вам не заменит меня. Оставляю вас Господу и Пречистой Его Матери».

За полгода до смерти о. Серафим, прощаясь со многими, с решительностью говорил: «Мы не увидимся более с вами». Некоторые просили благословения приехать в великий пост, поговеть в Сарове и еще раз насладиться лицезрением и беседою его. «Тогда двери мои затворятся, – отвечал на это старец, – вы меня не увидите». Стало очень заметно, что жизнь о. Серафима угасает; только дух его, по-прежнему, и еще более прежнего, бодрствовал. «Жизнь моя сокращается, – говорил он некоторым между братиею, – духом я как бы сейчас родился, а телом по всему мертв».

1 января 1833 года, в день воскресный, о. Серафим пришел в последний раз в больничную церковь во имя свв. Зосимы и Савватия, ко всем иконам поставил сам свечи и приложился, чего прежде не замечали за ним; потом причастился, по обычаю, Св. Христовых Таин. По окончании же литургии, он простился со всеми здесь молившимися братьями, всех благословил, поцеловал и, утешая, говорил: «Спасайтесь, не унывайте, бодрствуйте: нынешний день нам венцы готовятся». Простившись же со всеми, он приложился ко кресту и к образу Божией Матери; затем, обошедши кругом св. престола, сделал обычное поклонение и вышел из храма северными дверями, как бы знаменуя этим, что человек одними вратами, путем рождения, входит в мир сей, а другими, т. е. вратами смерти, исходит из него. В сие время все заметили в нем крайнее изнеможение сил телесных; но духом старец был бодр, спокоен и весел.

После литургии у него была сестра Дивеевской общины Ирина Васильевна. Старец прислал с нею Параскеве Ивановне 200 руб. ассигн. денег, поручая последней купить в ближней деревне хлеба на эти деньги, ибо в то время весь запас вышел, и сестры находились в большой нужде.

Старец Серафим имел обыкновение, при выходе из монастыря в пустынь, оставлять в своей келии горящими зажженные с утра пред образами свечи. Брат Павел, пользуясь его расположением, иногда говаривал старцу, что от зажженных свеч может произойти пожар; но о. Серафим всегда отвечал на это: «Пока я жив, пожара не будет; а когда я умру, кончина моя откроется пожаром». Так и случилось.

В первый день 1833 года брат Павел заметил, что о. Серафим в течение сего дня раза три выходил на то место, которое было им указано для его погребения, и, оставаясь там довольно долгое время, смотрел на землю. Вечером же о. Павел слышал, как старец пел в своей келии пасхальные песни.

Второго числа января, часу в шестом утра, брат Павел, выйдя из своей келии к ранней литургии, почувствовал в сенях близ келии о. Серафима запах дыма. Сотворив обычную молитву, он постучался в дверь о. Серафима, но дверь изнутри была заперта крючком, и ответа на молитву не последовало. Он вышел на крыльцо и, заметив в темноте проходивших в церковь иноков, сказал им: «Отцы и братия! Слышен сильный дымный запах. Не горит ли что

около нас? Старец, верно, ушел в пустыню». Тут один из проходивших, послушник Аникита, бросился к келии о. Серафима и, почувствовав, что она заперта, усиленным толчком сорвал ее с внутреннего крючка. Многие христиане, по усердию, приносили к о. Серафиму разные холщовые вещи. Эти вещи, вместе с книгами, лежали на этот раз на скамье в беспорядке близ двери. Они-то и тлели, вероятно, от свечного нагара или от упавшей свечи, подсвечник которой тут же стоял. Огня не было, а тлели только вещи и некоторые книги. На дворе было темно, чуть брезжилось; в келии о. Серафима света не было, самого старца также не видно было и не слышно. Думали, что он отдыхает от ночных подвигов, и в этих мыслях пришедшие толпились у келии. В сенях произошло небольшое замешательство. Некоторые из братии бросились за снегом и погасили тлевшие вещи.

Ранняя литургия, между тем, безостановочно совершалась своим порядком в больничной церкви. Пели «Достойно есть...». В это время неожиданно прибежал в церковь мальчик, один из послушников, и тихонько повестил некоторых о происшедшем. Братия поспешила к келии о. Серафима. Иноков собралось не мало. Брат Павел и послушник Аникита, желая удостовериться, не отдыхает ли старец, в темноте начали ощупывать небольшое пространство его келии и нашли его самого, стоящего на коленях в молитве, со сложенными крестообразно руками. Он был мертв.

После обедни о. Серафима положили в гроб, по завещанию его, с финифтяным изображением препод. Сергия, полученным из Троице-Сергиевской лавры. Могилу блаженному старцу приготовили на том самом месте, которое давно было намечено им самим, и его тело в продолжение восьми суток стояло открытым в Успенском соборе. Саровская пустынь до дня погребения наполнена была тысячами народа, собравшегося из окрестных стран и губерний. Каждый наперерыв теснился облобызать великого старца. Все единодушно оплакивали потерю его и молились об упокоении души его, как он при жизни своей молился о здравии и спасении всех. В день погребения за литургией народа так много было в соборе, что местные свечи около гроба тухли от жара.

В то время в Глинской обители, Курской губернии, подвизался иеромонах Филарет. Его ученик сообщил, что 2 января, выходя из храма после утрени, отец Филарет показал на небе необыкновенный свет и сказал: «Вот, так-то души праведных возносятся на небо! Это душа отца Серафима возносится!»

Архимандрит Митрофан, занимавший должность ризничего в Невской Лавре, был послушником в Саровской пустыне и находился при гробе о. Серафима. Он передал Дивеевским сиротам, что лично был свидетелем чуда: когда духовник хотел положить разрешительную молитву в руку о. Серафима, то рука сама разжалась. Игумен, казначей и другие видели это и долго оставались в недоумении, пораженные случившимся.

Погребение о. Серафима совершено было о. игуменом Нифонтом. Тело его предано земле по правую сторону соборного алтаря, подле могилы Марка-за творника. (Впоследствии, усердием Нижегородского купца Я. Сырева над могилою его воздвигнут чугунный памятник в виде гробницы, на котором написано: жил во славу Божию 73 года, 5 месяцев и 12 дней).

19 июля 1903 года последовало открытие мощей преподобного. Он был причислен к лику святых через 70 лет после кончины. Чин канонизации совершен был в Сарове при большом стечении народа и в присутствии царя Николая II. Мощи его были открыты для поклонения в Саровской пустыни.

В 1920-х годах обитель закрыли, а мощи были вывезены в Ардатов, где и исчезли. Только в 1991 году они были обнаружены в фондах Государственного музея истории религии, расположенного в Казанском соборе Санкт-Петербурга. Летом того же года они были доставлены крестным ходом на Нижегородскую землю в Серафимо-Дивеевский монастырь, как и предсказывал преподобный.

В 2006 году возобновлена монашеская жизнь в Саровской пустыни.

Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря (избранное)

Глава III

Жизнеописание о. Серафима от рождения до поступления в монастырь. Прибытие в Саровскую пустынь, прохождение послушаний, духовные подвиги и любовь к нему начальников. Болезнь юного Прохора и исцеление его Божией Матерью. Пострижение в монашество в 1786 году и в сан иеродиакона в 1787 году. Поездка на похороны помещика Соловцева в 1789 году, первое и единственное посещение Дивеева, матери Александры Мельгуновой. Просьба матери Александры к о. Пахомию и к иеродиакону Серафиму. Кончина и погребение А. С. Мельгуновой

Батюшка о. Серафим поступил в Саровскую пустынь в 1778 году 20 ноября, накануне Введения Пресвятой Богородицы во храм, и поручен был в послушание старцу Иосифу.

Родиной его был губернский город Курск, где отец его Исидор Мошнин имел кирпичные заводы и занимался в качестве подрядчика постройками каменных зданий, церквей и домов. Исидор Мошнин слыл за чрезвычайно честного человека, усердного к храмам Божиим и богатого именитого купца. За десять лет до смерти своей он взялся построить в Курске новый храм во имя преподобного Сергия, по план знаменитого архитектора Растрелли. Впоследствии, в 1833 году, этот храм сделан был кафедральным собором. В 1752 году состоялась закладка храма, и когда нижняя церковь с престолом во имя преподобного Сергия была готова в 1762 году, благочестивый строитель, отец великого старца Серафима, основателя Дивеевского монастыря, скончался. Передав все состояние своей доброй и умной жене Агафьи, он поручил ей довести дело построения храма до конца. Мать о. Серафима была еще благочестивее и милостивее отца, она много помогала бедным, в особенности сиротам и неимущим невестам.

Агафья Мошнина в течение многих лет продолжала постройку Сергиевской церкви и лично наблюдала за рабочими. В 1778 году храм был окончательно отделан, и исполнение работ было так хорошо и добросовестно, что семейство Мошниных приобрело особое уважение между жителями Курска.

Отец Серафим родился в 1759 году 19 июля и наречен Прохором в честь св. Прохора, единого от семидесяти апостолов и семи диаконов первенствующей Церкви, память которого ублажается в том же месяце 28 числа. У него был старший брат Алексей, потомство которого и ныне живет в Курске. При смерти отца Прохору было не более трех лет от рождения, следовательно, его всецело воспитала боголюбивая, добрая и умная матушка, которая учила его более примером своей жизни, проходившей в молитве, посещении храмов и в помощи бедным. Что Прохор был избранником Божиим от рождения своего, это видели все духовно развитые люди и не могла не почувствовать благочестивая его мать. Так, однажды, осматривая строение Сергиевской церкви, Агафья Мошнина ходила вместе со своим семилетним Прохором и незаметно дошла до самого верха строящейся тогда колокольни. Отойдя вдруг от матери, быстрый мальчик перевесился за перила, чтобы посмотреть вниз, и по неосторожности упал на землю. Испуганная мать в ужасном виде сбегала с колокольни, воображая найти своего сына разбитым до смерти.

Но, к несказанной радости и величайшему удивлению, увидела его целым и невредимым. Дитя стояло на ногах. Мать слезно возблагодарила Бога за спасение сына и поняла, что сын Прохор охраняется особым Промыслом Божиим.

Через три года новое событие обнаружило ясным образом покровительство Божие над Прохором. Ему исполнилось десять лет, и он отличался крепким телосложением, остротой

ума, быстрой памятью и одновременно кротостью и смирением. Его начали учить церковной грамоте, и Прохор взялся за дело с охотой, но вдруг сильно заболел, и даже домашние не надеялись на его выздоровление. В самое трудное время болезни в сонном видении Прохор увидел Пресвятую Богородицу, Которая обещала посетить его и исцелить от болезни.

Проснувшись, он рассказал это видение своей матери. Действительно, вскоре в одном из крестных ходов несли по городу Курску чудотворную икону Знамения Божией Матери по той улице, где был дом Мошниной. Пошел сильный дождь. Чтобы перейти на другую улицу, крестный ход, вероятно, для сокращения пути и избегания грязи, направился через двор Мошниной. Пользуясь этим случаем, Агафья вынесла больного сына на двор, приложила к чудотворной иконе и поднесла под ее осенение. Заметили, что с этого времени Прохор начал поправляться в здоровье и скоро совсем выздоровел. Так исполнилось обещание Царицы Небесной посетить отрока и исцелить его. С восстановлением здоровья Прохор продолжал успешно свое учение, изучал Часослов, Псалтирь, выучился писать и полюбил чтение Библии и духовных книг.

Старший брат Прохора, Алексей, занимался торговлей и имел свою лавку в Курске, так что малолетнего Прохора заставляли приучаться к торговле в этой лавке. Впоследствии он рассказывал в Сарове Н. А. Мотовилову: «Я родом из курских купцов, и, когда не был в монастыре, мы, бывало, торговали таким товаром, который больше барыша дает». Предметом торговли были вещи, необходимые в крестьянском быту, как-то: ремни, деготь, бечевки, дуги, шлеи, лапти, железо и т. п., но к торговле и барышам не лежало его сердце. Молодой Прохор не опускал почти ни одного дня без того, чтобы не посетить храма Божия, и за невозможностью быть у поздней литургии и вечерни, по случаю занятий в лавке, он вставал ранее других и спешил к утрени и ранней обедне. В то время в г. Курске жил какой-то Христа ради юродивый, которого имя теперь забыто, но тогда все чттили. Прохор с ним познакомился и всем сердцем прилепился к юродивому; последний, в свою очередь, возлюбил Прохора и своим влиянием еще больше расположил душу его к благочестию и уединенной жизни. Умная мать его все примечала и душевно радовалась, что ее сын так близок к Господу. Редкое счастье выпало и Прохору иметь такую мать и воспитательницу, которая не мешала, но способствовала его желанию выбрать себе духовную жизнь.

Через несколько лет Прохор стал заговаривать о монашестве и осторожно признавал, будет ли мать его против того, чтобы ему пойти в монастырь. Он, конечно, заметил, что добрая его воспитательница не противоречит его желанию и охотнее хотела бы отпустить его, чем удерживать в миру; от этого в его сердце еще сильнее разгоралось желание монашеской жизни. Тогда Прохор начал говорить о монашестве со знакомыми людьми, и во многих он нашел сочувствие и одобрение. Так, купцы Иван Дружинин, Иван Безходарный, Алексей Меленин и еще двое выражали надежду идти вместе с ним в обитель.

На семнадцатом году жизни намерение оставить мир и вступить на путь иноческой жизни окончательно созрело в Прохоре. И в сердце матери образовалась решимость отпустить его на служение Богу. Следуя церковно-гражданским установлениям духовного регламента, он взял себе увольнение от Курского городского общества (Монастырский архив, отд. XV, № 13). Трогательно было его прощание с матерью! Собравшись совсем, они посидели немного, по русскому обычаю, потом Прохор встал, помолился Богу, поклонился матери в ноги и спросил ее родительского благословения. Агафья дала ему приложиться к иконам Спасителя и Божией Матери, потом благословила его медным крестом. Взяв с собой этот крест, он до конца жизни носил его всегда открыто на груди своей.

Немаловажный вопрос предстояло решить Прохору: куда и в какой монастырь идти ему. Слава подвижнической жизни иноков Саровской пустыни, где были уже многие из курских жителей и настоятельствовал о. Пахомий, курский уроженец, склоняла его идти к ним, но ему хотелось предварительно быть в Киеве, чтобы посмотреть на труды Киево-Печерских иноков, испросить наставление и советы от старцев, познать через них волю Божию, утвердиться в

своих мыслях, получить благословение от какого-нибудь подвижника и, наконец, помолиться и благословиться у св. мощей прпп. Антония и Феодосия, первоначальников иночества. Прохор отправился пешком, с посохом в руке, и с ним шли еще пять человек курских купцов. В Киеве, обходя тамошних подвижников, он прослышал, что недалеко от св. лавры Печерской, в Китаевской обители, спасается затворник по имени Досифей, имеющий дар прозорливости. Придя к нему, Прохор упал к ногам его, целовал их, раскрыл перед ним всю свою душу и просил наставлений и благословения. Прозорливый Досифей, видя в нем благодать Божию, уразумев его намерения и провидя в нем доброго подвижника Христова, благословил его идти в Саровскую пустынь и сказал в заключение (Краткое жизнеописание старца Серафима, изд. Дивеевского монастыря 1874 г., с. 7):

– Гряди, чадо Божие, и пребуди тамо. Место сие тебе будет во спасение, с помощью Господа. Тут скончаешь ты и земное странствие твое. Только старайся стяжать непрестанную память о Боге через непрестанное призывание имени Божия так: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного! В этом да будет все твое внимание и обучение: ходя и сидя, делая и в церкви стоя, везде, на всяком месте, входя и исходя, сие непрестанное вопияние да будет и в устах, и в сердце твоём; с ним найдешь покой, приобретешь чистоту духовную и телесную, и вселится в тебя Дух Святой, источник всяких благ, и управит жизнь твою во святине, во всяком благочестии и чистоте. В Сарове и настоятель Пахомий богоугодной жизни; он последователь наших Антония и Феодосия!

Беседа блаженного старца Досифея окончательно утвердила юношу в добрых намерениях. Отговевши, исповедавшись и причастившись Св. Тайн, поклонившись еще раз св. угодникам Киево-Печерским, он направил стопы свои на путь и, охраняемый покровом Божиим, благополучно прибыл опять в Курск, в дом своей матери. Здесь он прожил еще несколько месяцев, даже ходил в лавку, но торговлей уже не занимался, а читал душеспасительные книги в назидание себе и другим, которые приходили поговорить с ним, расспросить о св. местах и послушать чтение. Это время было его прощанием с родиной и родными.

Как уже сказано, Прохор вступил в Саровскую обитель 20 ноября 1778 года, накануне праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы. Стоя в церкви на всенощном бдении, видя благочинное совершение службы, замечая, как все, от настоятеля до последнего послушника, усердно молятся, он восхитился духом и порадовался, что Господь здесь указал ему место для спасения души. Отец Пахомий с малолетства знал родителей Прохора, и потому с любовью принял юношу, в котором видел истинное стремление к иночеству. Он определил его в число послушников к казначею иеромонаху Иосифу, мудрому и любвеобильному старцу. Сперва Прохор находился в келейном послушании старца и с точностью исполнял все монашеские правила и уставы по его указанию, в келье он служил не только безропотно, но и всегда с усердием. Такое поведение обратило на него внимание всех и приобрело ему расположение старцев Иосифа и Пахомия. Тогда ему стали назначать, кроме келейного, еще послушания по порядку: в хлебне, в просфорне, в столярне. В последней он был будильщиком и исполнял довольно долго это послушание. Затем он исполнял пономарские обязанности. Вообще юный Прохор, бодрый силами, проходил все монастырские послушания с великой ревностью, но, конечно, не избегал многих искушений, как печали, скуки, уныния, которые действовали на него сильно. «С духом печали, – говорил он впоследствии, – неразлучно действует и скука. Скука, по замечанию отцов, нападает на монаха около полудня и производит в нем такое страшное беспокойство, что несносны ему становятся и местожительство, и живущие с ним братья, а при чтении возбуждается какое-то отвращение, и частая зевота, и сильная алчба. По насыщении чрева демон скуки внушает монаху помыслы выйти из кельи и с кем-нибудь поговорить, представляя, что не иначе можно избавиться от скуки, как непрестанно беседуя с другими. И монах, одолеваемый скукой, подобен пустынному хворосту, который то немного остановится, то опять несется по ветру. Он, как безводное облако, гонится ветром. Сей демон, если не может

извлечь монаха из кельи, начинает развлекать ум его во время молитвы и чтения. Это, говорит ему помысл, лежит не так, а это не тут, надобно привести в порядок, и это все делает для того, чтобы ум сделать праздным и бесплодным».

«Болезнь сия врачуется, – говорил он по собственному опыту, – молитвой, воздержанием от празднословия, посильным рукоделием, чтением слова Божия и терпением, потому что и рождается она от малодушия и праздности, и празднословия».

Жизнь юного Прохора до пострижения в монашество ежедневно распределялась так: в определенные часы он был в церкви на богослужении и правилах. Подражая старцу Пахомию, он являлся как можно ранее на церковные молитвы, выстаивал неподвижно все богослужение, как бы продолжительно оно ни было, и никогда не выходил прежде совершенного окончания службы. В часы молитвы всегда стоял на одном определенном месте. Для предохранения от развлеченности и мечтательности, имея глаза, опущенные долу, он с напряженной внимательностью и благоговением слушал пение и чтение, сопровождая их молитвой.

Прохор любил уединяться в своей келье, где у него, кроме молитвы, были занятия двух родов: чтение и телесный труд. Псалмы он читал и сидя, говоря, что утружденному это позволительно, а Св. Евангелие и Послания Апостолов – всегда стоя пред св. иконами, в молитвенном положении, и это называл бдением (бодрствованием). Постоянно он читал творения св. отцов, например, Шестоднев св. Василия Великого, беседы св. Макария Великого, Лествицу прп. Иоанна, Добротолюбие и проч. В часы отдохновения он предавался телесному труду, вырезал кресты из кипарисного дерева для благословения богомольцам. Когда Прохор проходил столярное послушание, то отличался большим усердием, искусством и успехами, так что в расписании он один из всех назван Прохором-столяром. Он также ходил на общие для всей братии труды: сплавать лес, готовить дрова и т. п. Как он проводил ночи, а также принимал пищу, известно из его личного свидетельства. Он говорил, наставляя других: «Сидя за трапезой, не смотри и не осуждай, кто сколько ест, но внимай себе, питая душу молитвой. За обедом ешь довольно, за ужином повоздержись. В среду и пяток, аще можешь, вкушай по однажды. Каждый день непременно в нощи спи три часа: десятый, одиннадцатый и двенадцатый час до полуночи. Аще изнеможешь, можно вдобавок днем спать. Сие держи несумненно до кончины жизни: ибо оно нужно для успокоения головы твоей. *И я с молодых лет держал таковий путь.* Мы и Господа Бога всегда просим об упокоении себя в ночное время. Аще тако будешь хранить себя, то не будешь уныл, но здрав и весел». С течением времени от слишком напряженного состояния, от недостатка в ночном отдыхе о. Серафим, как сам неоднократно сказывал, получил сильную головную боль. Болезнь эта разрешилась сама собой, когда он начал несколькими часами более давать себе отдых во время ночи. После этого о. Серафим, на основании собственного опыта, советовал немощным спать 6 часов в сутки, а более сильным телом и крепким душой – пять часов, повторяя при этом наставление отцов-пустынников, что мы не тело, а страсти умерщвлять научаемся.

Видя примеры пустынножительства о. игумена Назария, иеромонаха Дорофея, схимонаха Марка, юный Прохор стремился духом к большому уединению и подвижничеству, а потому испросил благословение своего старца о. Иосифа оставлять монастырь в свободные часы и уходить в лес. Там он нашел уединенное место, устроил сокровенную кущу и в ней совершенно один предавался богоразмышлению и молитве. Если, говорил о. Серафим, не всегда можно пребывать в уединении и молчании, живя в монастыре и занимаясь возложенными от настоятеля послушаниями, то хотя некоторое время, остающееся от послушания, должно посвящать на уединение и молчание; и за это малое Господь Бог не оставит ниспослать на тебя богатую Свою милость. Такое правило теперь исполнял сам Прохор, удаляясь в пустынную кущу. Созерцание дивной природы возвышало его к Богу, и, по словам человека, бывшего впоследствии близким к старцу Серафиму, он здесь совершал *правило, еже даде Ангел Господень великому Пахомию*, учредителю иноческого общежития. Это правило совершается в сле-

дующем порядке: Трисвятое и по Отче наш: Господи, помилуй, 12. Слава и ныне: Приидите поклонимся – трижды. Псалом 50: Помилуй мя, Боже. Верую во единого Бога... Сто молитв: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного и по сем: Достойно есть и отпуст. Это составляло одно моление, но таких молитв надлежало совершить по числу суточных часов, двенадцать днем и двенадцать ночью. Это правило, принятое в Саровской пустыни, Прохор исполнял по наставлению старца Иосифа с самого поступления в монастырь. Но в куще, среди природы, наедине с Богом, он сосредоточеннее и с большим умилением предавался молитвенному подвигу. С молитвой он соединял воздержание и пост: в среду и пятницу не вкушал никакой пищи, а в другие дни недели принимал ее только один раз. Всем видимо стало, что Прохор ставит себя твердо на пути иноческого жития, и поэтому его любили и уважали во времена игуменства Пахомия как необыкновенного подвижника. Подобный Прохору был в то время 25-летний послушник Василий, вступивший в пустынь в 1787 году из мещан г. Темникова и предназначенный Господом в будущем в строители Саровской пустыни под именем Нифонта.

В 1780 году Прохор тяжело заболел, и все тело его распухло. Ни один врач не мог определить вида его болезни, но предполагали, что это сделалась водяная болезнь. Недуг длился в продолжение трех лет, из которых не менее половины Прохор провел в постели. Строитель о. Пахомий и старец о. Исаяя попеременно ходили за ним и почти неотлучно находились при нем. Тут-то и открылось, как все, и прежде других начальники, уважали, любили и жалели Прохора, бывшего тогда еще простым послушником. Наконец стали опасаться за жизнь больного, и о. Пахомий настоятельно предлагал пригласить врача или, по крайней мере, открыть кровь. Тогда смиренный Прохор позволил себе сказать игумену: «Я предал себя, отче святой, истинному Врачу душ и телес, Господу нашему Иисусу Христу, и Пречистой Его Матери, если же любовь ваша рассудит, снабдите меня, убогого, Господа ради, небесным врачевством – причастием Св. Тайн». Старец Иосиф по просьбе Прохора и собственному усердию особо отслужил *о здравии* больного всенощное бдение и литургию. Прохор был исповедан и причащен. В скором времени он выздоровел, что весьма удивило всех. Никто не понимал, как мог он столь скоро оправиться, и только впоследствии о. Серафим открыл тайну некоторым, и в том числе любимой сестре Дивеевской общины, церковнице Ксении Васильевне (монахине Капитолине). После причащения Св. Тайн ему явилась Пресвятая Дева Мария, в несказанном свете, с апостолами Иоанном Богословом и Петром, и, обратясь к Иоанну лицом и указывая перстом на Прохора, Владычица сказала: «*Этот от нашего рода!*» «Правую-то ручку, радость моя, – говорил о. Серафим церковнице Ксении, – положила мне на голову, а в левой-то ручке держала жезл, и этим-то жезлом, радость моя, и коснулась убогого Серафима; у меня на том месте, на правом бедре-то, и сделалось углубление, матушка, вода-то вся в него и вытекла, и спасла Царица Небесная убогого Серафима; а рана пребольшая была, и до сих пор яма-то цела, матушка, погляди-ка, дай ручку!» «И батюшка сам, бывало, возьмет да и вложит мою руку в яму, – прибавляла матушка Ксения, ныне Капитолина, – и велика же она была у него, так вот весь кулак и взойдет!» Много душевной пользы принесла Прохору эта болезнь: Дух его окреп в вере, любви и надежде на Бога.

В период послушничества Прохора, при настоятеле о. Пахомии, предприняты были в Саровской пустыни многие нужные постройки. В числе их на месте кельи, в которой болел Прохор, строилась больница для лечения недужных и успокоения престарелых и при больнице церковь о двух этажах с престолами, в нижнем – во имя свв. Зосимы и Савватия, чудотворцев Соловецких, в верхнем – во славу Преображения Спасителя. Прохор, после болезни молодой еще послушник, был посылаем за сбором денег в разные места на сооружение церкви. Благодарный за свое исцеление и попечение начальства, он с охотой понес трудный подвиг сборщика. Странствуя по ближайшим к Сарову городам, Прохор был и в Курске, на месте своей родины, но не застал уже матери своей в живых. Брат Алексей, со своей стороны, оказал Прохору немалую помощь для построения церкви. Вернувшись домой, Прохор, как искусный сто-

ляр, построил собственными руками престол из кипарисного дерева для нижней больничной церкви, в честь преподобных Зосимы и Савватия.

В течение восьми лет юный Прохор был послушником. Наружный вид его к этому времени изменился; будучи высокого роста, около 2 аршин и 8 вершков, несмотря на строгое воздержание и подвиги, он имел полное, покрытое приятной белизной лицо, прямой и острый нос, светло-голубые глаза, весьма выразительные и пронизательные, густые брови, светло-русые волосы на голове. Лицо его окаймлялось густой окладистой бородой, с которой на оконечностях рта соединялись длинные и густые усы. Он обладал большой физической силой, имел мужественное сложение, увлекательный дар слова и счастливую память. Теперь он прошел уже все степени монастырского искуса и был способен и готов принять монашеские обеты.

13 августа 1786 года с соизволения Св. Синода о. Пахомий постриг послушника Прохора в сан инока. Восприемными отцами его при пострижении были о. Иосиф и о. Исайя. При посвящении ему было дано имя *Серафима* (пламенный), и в братских ведомостях сказано, что он был пострижен в монахи на вакантное место в Гороховский Николаевский монастырь, в котором и числился значительное время, хотя никогда в нем не жил. В октябре 1786 года монах Серафим по ходатайству о. Пахомия был посвящен преосвященным Виктором, епископом Владимирским и Муромским, в сан иеродиакона. Он вполне предался новому своему, поистине уже ангельскому служению. Со дня возведения в сан иеродиакона он, храня чистоту души и тела, в течение пяти лет и девяти месяцев почти непрерывно находился в служении. Все ночи на воскресные и праздничные дни проводил в бодрствовании и молитве, неподвижно стоя до самой литургии. По окончании же каждой Божественной службы, оставаясь еще надолго в храме, он по обязанности священнодиакона приводил в порядок утварь и заботился о чистоте алтаря Господня. Господь, видя ревность и усердие к подвигам, даровал о. Серафиму силу и крепость, так что он не чувствовал утомления, не нуждался в отдыхе, часто забывал о пище и питии и, ложась спать, жалел, что человек, подобно ангелам, не может непрерывно служить Богу. Строитель о. Пахомий теперь еще более прежнего привязался сердцем к о. Серафиму и без него не совершал почти ни одной службы. Когда он выезжал по делам монастыря или для служения один или с другими старцами, то часто брал с собой о. Серафима. Так, в 1789 году в первой половине июня месяца о. Пахомий с казначеем о. Исайей и иеродиаконом о. Серафимом отправился по приглашению в село Леметь, находящееся в 6 верстах от нынешнего города Ардатова Нижегородской губернии, на похороны богатого благодетеля своего помещика Александра Соловцева и заехали по дороге в Дивеево навестить Агафью Семеновну Мельгунову, высокочтимую всеми старицу и также благодетельницу свою. Мать Александра была больна и, получив от Господа извещение о скорой кончине своей, просила отцов-подвижников, ради любви Христовой, особоровать ее. Отец Пахомий сперва предлагал отложить елеосвящение до возвращения их из Лемети, но святая старица повторила свою просьбу и сказала, что они ее не застанут уже в живых на обратном пути. Великие старцы с любовью совершили над ней таинство елеосвящения. Затем, прощаясь с ними, мать Александра отдала о. Пахомию последнее, что имела и накопила за годы подвижнической жизни в Дивееве. По свидетельству жившей с ней Девицы Евдокии Мартыновой своему духовнику протоиерею о. Василию Садовскому, матушка Агафья Семеновна передала строителю о. Пахомию мешочек золотом, мешочек серебром и два мешка меди, суммой в 40 тысяч, прося выдавать ее сестрам все потребное в жизни, так как они сами не сумеют распорядиться. Матушка Александра умоляла о. Пахомия поминать ее в Сарове за упокой, не оставлять и не покидать неопытных послушниц ее, а также попечись в свое время об обители, обетованной ей Царицей Небесной. На это старец о. Пахомий ответил: «Матушка! Послужить по силе моей и по твоему завещанию Царице Небесной и попечением о твоих послушницах не отрекаюсь, также и молиться за тебя не только я до смерти моей буду, но и обитель вся наша никогда благодетелей твоих не забудет, а в прочем не даю тебе слово, ибо я стар и слаб, но как же и братья за то, не зная, доживу

ли до этого времени. А вот иеродиакон Серафим, духовность его тебе известна, и он молод, доживет до этого, ему и поручи это великое дело».

Матушка Агафья Семеновна начала просить о. Серафима не оставлять ее обители, как Царица Небесная Сама тогда наставить его на то изволит.

Старцы простились, уехали, а дивная старица Агафья Семеновна скончалась 13 июня, в день св. мученицы Акилины. Отец Пахомий с братией на обратном пути как раз успели к погребению матушки Александры. Отслужив литургию и отпевание соборно, великие старцы похоронили первоначальницу Дивеевской общины против алтаря Казанской церкви. Весь день 13 июня шел такой проливной дождь, что ни на ком не осталось сухой нитки, но о. Серафим по своему целомудрию не остался даже обедать в женской обители и тотчас после погребения ушел пешком в Саров.

Н. А. Мотовилов пишет, что мать Александра перед смертью говорила послушнице Евдокии: «Молись Богу, Господь не оставит тебя, я уж скоро отойду от сего света, а ты еще долго проживешь, и то, что сбудутся слова мои, то есть что соберется на месте ее большая обитель, увидишь на деле, будет большое смятение; ты и до него доживешь». Предчувствуя приближение своей кончины, мать Александра пожелала воспринять на себя ангельский образ, и послала она Евдокию Мартынову с другой какой-то девушкой в Саров, и о. Исая, бывший тогда казначеем сей обители, прибыв в Дивеево, постриг ее во время вечерни в великий ангельский образ и нарек ей имя Александры. Пострижение это было за неделю или за две до кончины, в Петровский пост.

А в день кончины приобщалась Св. Тайн, которые она принимала за несколько времени каждодневно, и лишь только священник ушел из кельи, то она и скончалась в самую полночь. При кончине матушки была только Евдокия Мартынова и еще другая старушка, Фекла. Перед кончиной своей матушка изволила говорить Евдокии Мартыновой: «А ты, Евдокиюшка, как я буду отходить, возьми образ Пресвятой Богородицы Казанский да и положи его мне на грудь, чтобы Царица Небесная была при мне во время отхода моего, а перед образом свечку затепли». Матушка скончалась в одной рубашечке, и платочек был на голове.

Глава IV

Видение иеродиакону Серафиму во время богослужений. Рукоположение его в 1793 году в сан иеромонаха. Голод в Саровской пустыни и чудеса. Страдания о. Серафима от болезни ног и стремление к пустынножительству. Обещание о. Пахомия заботиться о Дивеевской общине. Кончина о. Пахомия и удаление о. Серафима в пустынную келью. Молитва его о запрещении женам восходить на его гору и знамение свыше. Затворничество, подвижничество, обстановка его жизни, труды и письменные наставления. Келейное правило отца Серафима. Постничество его и кормление животных. Неимение о. Серафимом учеников в продолжение всей жизни. Посещение его другими подвижниками и братией обители. Непрестанная молитва о. Серафима. Подвижник иеромонах Тимон. Страхования в пустыни от врага; видения, искушения и нападения его. Стремление духовного начальства назначить о. Серафима настоятелем одного из монастырей с возведением в сан архимандрита. Новый и высший молитвенный подвиг – стояние тысячу ночей на камне. Нападение трех крестьян на о. Серафима и его келью с целью грабежа. Страдание о. Серафима, возвращение в монастырь по болезни и исцеление его Божией Матерью. Переселение его вновь в пустынь и взгляд о. Серафима на удаление от братии монастыря. Дар прозорливости

В записках, напечатанных в «Маяке» 1844 года (кн. 32), говорится, что о. Серафим в сане иеродиакона по временам видел при церковных службах св. ангелов, сослужащих и поющих с братией. Они принимали образы молниеобразных юношей, облеченных в белые златотканые одежды; но пение их нельзя уподобить никакой гармонии на земле. Дивное печатление производили на его душу эти видения! «Бысть сердце мое, – говорил о. Серафим, – яко воск тая от неизреченной радости! не помнил я ничего от такой радости; помнил только как входил в св. церковь да выходил из нее».

В жизнеописании о. Серафима Дивеевского издания 1874 года говорится (с. 12), что он, весь осиянный благодатью Божией, уже во время иеродиаконства своего удостоивался разных видений. Так, он видел ангелов, сослужащих и поющих во время богослужений. Вид их, как говорил о. Серафим, был молниезрачен, одежда белая, как снег, или златотканая, пение же их и передать невозможно. При этом обыкновенно о. Серафим изменялся в лице, которое то светлело, то бледнело, то покрывалось румянцем, и говаривал старец: «Бысть сердце мое, яко воск, тая от неизреченной радости!» или «Не могу сказать, в теле или кроме тела был я; но только упомнить мог, что выходил из церкви, да еще помнил, что я входил в нее!» Однажды в Великий Четверток строитель о. Пахомий, не служивший никогда без о. Серафима, начал Божественную литургию в 2 часа пополудни вечерней, и после малого выхода и паремий возгласил иеродиакон Серафим: «Господи, спаси благочестивыя и услыши ны!» Но едва, обратясь к народу, навел на предстоящих орачем, возглашая: «и во веки веков», – как вдруг так изменился видом, что не мог ни сойти с места, ни проговорить слова. Все это заметили и поняли, что с ним Божие посещение. Два иеродиакона взяли его под руки, ввели в алтарь и оставили в стороне, где простоял он три часа, меняясь непрерывно видом, и после, уже придя в себя, наедине поведал строителю и казначею свое видение. «Только что провозгласил я, убогий, «Господи, спаси благочестивыя и услыши ны!» и, наведя орачем на народ, окончил: «и во веки веков», – вдруг меня озарил луч как бы солнечного света; взглянув на это сияние, увидел я Господа и Бога нашего Иисуса Христа, во образе Сына Человеческого, во славе и неизреченным светом сияющего, окруженного небесными силами, Ангелами, Архангелами, Херувимами и Серафимами, как бы роем пчелиным, и от западных церковных врат грядущего на воздухе; приблизясь в таком виде до амвона и воздвигнув пречистые Свои руки, Господь благословил служащих и предстоящих; посем, вступив во св. местный образ Свой, что по правую сторону царских врат, преобразился, окружаемый Ангельскими ликами, сиявшими неизреченным све-

том во всю церковь. Я же, земля и пепел, сретая тогда Господа Иисуса на воздухе, удостоился особенного от Него благословения; сердце мое возрадовалось чисто, просвещенно, в сладости любви ко Господу!» Автор записок в «Маяке» 1844 года, по-видимому, был саровский инок, которому о. Серафим лично рассказал об этом видении. Показания сходятся. Весьма важно для нас, что видение это совпало со входом священнослужителей в алтарь, когда он изображает вшествие их как бы в самое небо и священник просит Господа: «Сотвори со входом нашим входу св. Ангелов быти, сослужащих нам и сославословящих Твою благодать». Это видение показало, что мы не напрасно веруем, что силы небесные Иеродиакон Серафим проводил дни с утра до вечера в монастыре, совершая службы, исполняя монастырские правила и послушания, а вечером по-прежнему удалялся в пустынную келью и там проводил ночь в молитве; рано утром он опять являлся в монастырь для исполнения своих обязанностей.

В 1793 году о. Серафиму исполнилось 34 года, и начальство, видя, что он по своим подвигам стал выше других братии и заслуживает преимущество пред многими, ходатайствовало о возведении его в сан иеромонаха. Так как в этом же году Саровская обитель по новому распорядку перешла из Владимирской епархии в Тамбовскую, то о. Серафима вызвали в Тамбов, и 2 сентября епископ Феофил рукоположил его во иеромонаха. С получением высшей благодати священства о. Серафим стал подвигаться в духовной жизни с высшей ревностью и удвоенной любовью. В течение долгого времени он продолжал непрерывное служение, ежедневно приобщаясь с горячей любовью, верою и благоговением.

В настоятельство о. Пахомия в окрестностях Сарова был несколько раз голод, но обитель не терпела недостатка в хлебе и с изобилием наделяла нуждавшихся. Одно лето в особенности был продолжительный голод, и вдруг случилось так, что и для иноков обители не осталось ни муки, ни жита, так как ежедневно кормили тысячи голодающих. Вся братия собралась в церковь, и строитель Пахомий соборно отслужил молебен Божией Матери и всенощное бдение. Братия молилась, как бы перед смертью, не теряя, однако же, упования на Господа и Его Пречистую Матерь. Утром на другой день о. Серафим по особому доверию строителя Пахомия пошел в житницу и нашел, что все закрома наполнены разным хлебом и житом. С той поры во все продолжение голода по окрестностям в обители не было оскудения: сколько ни раздавали нуждающимся, житницы снова наполнялись. Эти события способствовали к утверждению сердца о. Серафима в непоколебимом уповании на промысл Божий и покровительство Богородицы.

Сделавшись иеромонахом, о. Серафим возымел намерение совсем поселиться в пустыни, так как пустынножизненная жизнь была его призванием и назначением свыше. К тому же от непрерывного келейного бдения, от постоянного стояния в церкви на ногах, с небольшим отдыхом во время ночи, о. Серафим впал в недуг: у него распухли ноги и на них открылись раны, так что некоторое время он лишился способности священнодействовать. Болезнь эта была немалым побуждением к избранию пустынножизненной жизни, хотя для отдыха следовало ему просить у настоятеля о. Пахомия благословения удалиться в больничные кельи, а не в пустыню, то есть от меньших трудов к большим и тягчайшим. Великий старец Пахомий благословил его. Это было последнее благословение, полученное о. Серафимом от мудрого, добродетельного и почтенного старца, ввиду болезни его и приближения смерти. Отец Серафим, хорошо помня, как во время его болезни ходил за ним о. Пахомий, теперь сам служил ему с самоотвержением. Раз о. Серафим заметил, что к болезни о. Пахомия присоединилась еще какая-то душевная забота и печаль.

– О чем, отче святой, так печалишься ты? – спросил его о. Серафим.

– Я скорблю о сестрах Дивеевской общины, – ответил старец Пахомий, – кто их будет назирать после меня?

Отец Серафим, желая успокоить старца в предсмертные минуты, обещался сам назирать их и поддерживать все так же после смерти его, как было при нем. Это обещание успокоило

и обрадовало отходящего ко Господу о. Пахомия. Он поцеловал о. Серафима и затем вскоре опочил мирным сном праведника. Отец Серафим горько оплакал потерю старца Пахомия и с благословения нового настоятеля о. Исаяи, также горячо любимого, удалился в пустынную келью (20 ноября 1794 год), в день прихода в Саровскую пустынь.

Келья, или так называемая пустынка о. Серафима, в которой он спасался, находилась в дремучем сосновом лесу, на берегу реки Саровки, на холме, в пяти или шести верстах от монастыря, на восход зимнего солнца. Она состояла из одной хаты с печкой и имела крылечко с сенями. Вокруг пустынки о. Серафим устроил себе небольшой огород и обнес все занимаемое им пространство забором. Одно время он имел даже пчельник, дававший ему весьма вкусный мед. На половине пути от пустынки к монастырю жили другие отшельники в уединенных избушках: игумен Назарий, иеромонах Дорофей, схимонах Марк. Вся эта обстановка немного напоминала собою Афонскую гору, состоящую из разных возвышений, усеянную лесом, монастырями и кельями пустынножителей, поэтому о. Серафим прозвал свой пустынный холм Афоном, а другие уединенные места в лесу он прозвал в духовном смысле именами разных святых мест, как Назарет, Иерусалим, Вифлеем, Фавор, Кедрский поток, река Иордан и т. д.

Несмотря на удаление о. Серафима в пустынку, народ стал беспокоить его там. Приходили и женщины. Великий подвижник, начиная строгую пустынноческую жизнь, считал для себя неудобным посещение женского пола, так как это могло соблазнить и монашествующих, и мирян, склонных к осуждению. Но, с другой стороны, лишить женщин назидания, ради которого они приходили к пустыннику, могло быть делом, неугодным Богу. Он стал просить Господа и Пресвятую Богородицу об исполнении его желания и чтобы Всевышний, если это не противно Его воле, дал ему знамение на то преклонением ветвей вблизи стоявших деревьев. В преданиях, записанных в свое время, есть сказание, что Господь Бог действительно дал ему знамение Своего изволения. Наступил праздник Рождества Христова, о. Серафим пришел в монастырь к поздней обедне, в храм Живоносного Источника, и причастился Св. Христовых Тайн. После обеда в своей монастырской келье он вернулся на ночь в пустынь. На следующий день, 26 декабря, празднуемый по положению (Собор Пресвятой Богородицы), о. Серафим вернулся ночью в обитель. Проходя свой холм, где он спускается вниз долу, отчего гора и названа была о. Серафимом Афонской, он увидел, что с обеих сторон тропинки огромные сучья вековых сосен склонились и завалили дорожку; вечером ничего этого не было. Отец Серафим упал на колени и поблагодарил Бога за данное по молитве его знамение. Теперь он знал, что Господу Богу угодно, дабы жены не входили на его гору. Кое-как пройдя сквозь сучья, завалившие тропу, он пришел в обитель, поспел к самой литургии и пошел в церковь Живоносного Источника. В тот день строитель о. Исаяя служил литургию соборне. Отец Серафим стал в алтаре. По перенесении Св. Даров на престол, когда была пропета вторая половина Херувимской песни, о. Серафим, приблизившись благоговейно к престолу, сказал отцу Исаяе: «Батюшка, отец строитель! Благослови, чтобы на мою гору, на которой живу теперь, женам не было входа».

Строитель, намереваясь читать молитву предложения по перенесении Св. Даров на престол, ответил на это с некоторым раздражением: «В какое время и с каким вопросом подошел ты, отец Серафим!»

«Теперь-то и благослови, батюшка», – просил о. Серафим.

«Как же я могу, – сказал строитель, – за пять верст смотреть, чтобы женам не было входа?»

«Вы только благословите, батюшка, – сказал о. Серафим, – и уже никто из них не взойдет на мою гору».

Нечего делать; подали образ Пресвятой Богородицы «Блаженное чрево», и старец Исаяя, благословляя о. Серафима св. иконой, сказал:

– Благословляю, чтобы не было женам входа на твою гору, а ты сам охраняй!

Приложившись к св. иконе, о. Серафим отошел на свое место и затем в обычное время причастился Св.

Тайн. После обеда, возблагодарив старца Исайю за данное благословение, на ночь опять возвратился в свою пустынную келью.

Существуют разные варианты этого рассказа, не изменяющие сущности дела, и потому разноречия не имеют исторического значения. Так, некоторые, лично знавшие о. Серафима, передают, что разговор со старцем Исайей происходил не во второй день Рождества Христова, а на пятой неделе Великого поста в субботу, в день Похвалы Пресвятой Богородицы, и что после благословения о. Исайи, через неделю, о. Серафим увидел преклонившиеся ветви дерев. Несомненно, что о. Серафим молил Бога и Пресвятую Богородицу о запрещении женщинам восходить на его гору, ему было дано знамение свыше, благословение настоятеля, и после этого он сам завалил колодами тропинку к себе, и не только женщинам, но и вообще сторонним людям вход к нему был совершенно закрыт.

Сведения о жизни великого Серафима в дальней пустынке получены значительно позже, частью из рассказов самого подвижника и его наставлений, частью из повествований других пустынножителей, посещавших его, а также из свидетельств самой местности его уединения и обстановки убогой хижины.

В продолжение всего подвижничества о. Серафим носил постоянно одну и ту же убогую одежду: белый полотняный балахон, кожаные рукавицы, кожаные бахилы – вроде чулок, поверх которых надевал лапти, и поношенную камилавку. На балахоне висел крест, тот самый, которым благословила его родная мать, отпуская из дома, а за плечами висела сумка, в которой он носил при себе св. Евангелие. Ношение креста и Евангелия имело, конечно, глубокий смысл. В жизнеописании Дивеевского издания сказано (с. 16), что по подражанию древним святым о. Серафим носил вериги на обоих плечах и к ним были привешены кресты, одни спереди в 20 ф., другие сзади в 8 ф. каждый, и еще железный пояс. И эту тяжесть старец носил во все время своего пустынножительства. В морозы он накладывал на грудь чулок или тряпку, а в баню никогда не ходил. Видимые его подвиги состояли из молитвословий, чтения книг, телесных трудов, соблюдения правил великого Пахомия и т. д. В холодную пору он топил келью, колот и рубил дрова, но иногда добровольно переносил холод и мороз. Летом он возделывал гряды на своем огороде и удабривал землю, собирал мох с болот. Во время подобной работы он ходил иногда без одежды, перепоясав чресла свои, и насекомые жестоко уязвляли тело его, отчего оно опухало, синело по местам и запекалось кровью. Старец добровольно терпел эти язвы, Господа ради, руководствуясь примерами подвижников древнего времени. На грядах, удобренных мхом, о. Серафим сажал семенами лук и другие овощи, которыми он питался летом. Телесный труд порождал в нем благодушное состояние, и о. Серафим работал с пением молитв, тропарей и канонов. Владя счастливой памятью, он знал наизусть множество церковных песен, которыми и услаждал свой дух. Так, он певал, например, *Всемирную славу* в честь Пресвятой Богородицы, считая Ее покровительницей своей пустыни; чудный антифон: *«Пустынным непрестанное Божественное желание бывает»*, представляющий пустынную жизнь; песнь, возносящую душу к великому делу любви Божией, творению мира и человека: *«Иже от несущих вся приведѣй, Словом создаемая, совершаемая духом»* и т. п. Отец Серафим завел в одно время и пчельник. Замечались иногда явления такого рода: во время занятий в огороде, или в пчельнике, или в лесу, он вдруг на некоторый срок прерывал работу, руки опускались, топор, нож или лопата вываливались, глаза закрывались, и старец всей душой погружался в самого себя, уходил умом и сердцем на небо и витал в богосозерцании. Если кто-нибудь был при нем в это время, то, не нарушая сладкой его тишины, каждый с благоговением взирал на старца и старался отойти. Отец Серафим читал много книг. Постоянным правилом его в пустыни было ежедневно прочитывать с изъяснением для себя по нескольку зачал из Евангелия и Апостола, что он считал делом весьма важным в духовном совершенствовании

христианина в его восхождении к небу и соединении с Богом. Это он называл *снабдением души* и свои мысли о том изложил письменно («*Чем должно снабждать душу?*»).

«Если хочешь устроить дом души своей, – писал о. Серафим, согласно наставлению великого и преподобного Варсонофия, – то прежде приготовь вещество и все потребное, чтобы художнику оставалось прийти и устроить. Потребное для такого здания суть твердая вера для устройства стен, деревянные оконца, вводящие свет солнечный, который бы освещал дом, чтобы не было в нем ни малейшей темноты. Оконца деревянные суть пять чувств, честным Крестом Христовым утвержденные, вводящие свет мысленного солнца правды и не позволяющие оставаться в доме твоём ни малейшей темноте врага и доброненавистника твоего. Потом требуется покров, да ни *во дни солнце не ожжет тебе, ниже луна нощию* (Пс. 120, 6). Покров скрепляется любовью к Богу, которая бы, покрывая дом, никогда не падала и не позволяла *заходить солнцу во гнев твоем*, дабы не увидеть его обличающим тебя в день судный и жгучим в огне гееннском, и луну, свидетельствующую о ночном нашем унынии и лености. Наконец, требуется дверь, вводящая в дом и хранящая живущего в нем. Разумей мысленную дверь – Сына Божия, Который говорит: *Аз есмь дверь*. Если так устроишь дом души своей и в нем не будет ничего неприличного и неугодного Богу, то Он приидет с благословенным Отцом и Духом Святым, и обитель у тебя сотворит, и научит тебя, что такое мир души, просветит сердце твое радостью неизглаголанною (Отв. 171). Душу снабждать надобно словом Божиим: ибо слово Божие, как говорит Григорий Богослов, есть хлеб Ангельский, им же питаются души, Бога алчущие. Всего же более должно упражняться в чтении Нового Завета и Псалтири; Евангелие и послания Апостолов должно читать *стоя* пред св. иконами, а псалмы можно читать *сидя*. От чтения св. Писания бывает просвещение в разуме, который от того изменяется изменением божественным. Надобно так обучить себя, чтобы ум как бы плавал в Законе Господнем, по руководству которого должно устроить и жизнь свою.

Очень полезно заниматься чтением слова Божия в уединении и прочесть всю Библию разумно. За одно таковое упражнение, кроме других добрых дел, Господь не оставит человека Своею милостию, но исполнит его дара разумения.

Когда же человек снабдит душу свою словом Божиим, тогда исполняется разумением того, что есть добро и что есть зло.

Чтение слова Божия должно быть производимо в уединении для того, чтобы весь ум читающего углублен был в истины Священного Писания и принимал от Бога в себя теплоту, которая в уединении производит слезы; от них человек согревается весь и исполняется духовных дарований, услаждающих ум и сердце паче всякого слова.

Телесный труд и упражнение в божественных Писаниях, учит преподобный Исаак Сирийский, охраняют чистоту, а труд подкрепляется надеждой и страхом. Надежду же и страх производят в уме удаление от людей и непрестанная молитва. Пока не примет Утешителя, человек имеет нужду в божественных Писаниях, чтобы воспоминание о благах напечатлевалось в уме его и от непрестанного чтения обновлялось в нем стремление ко благу и охраняло душу его от тонких путей греха, – имеет нужду потому, что не приобрел еще силы Духа, которая удаляет заблуждение, берет в плен душеполезные припоминания и приближается к той холодности, какая бывает при рассеянности ума. Ибо когда сила Духа низойдет на душевную силу, действующую в нем, тогда вместо закона Писаний укореняются в сердце заповеди Духа; и тогда он втайне бывает наставляем Духом и не имеет нужды в помощи чего-либо чувственного. А пока сердце учится через вещественное, вслед за учением идет заблуждение и забвение. А когда учение будет от Духа, тогда память соблюдается невредимую (Исаак Сирийский. Сл. 58).

Следует также снабждать душу и познаниями о Церкви, как она от начала доселе сохраняется и что терпела она в то и другое время, – знать же сие не для того, чтобы желать управлять людьми, но на случай могущих встретиться вопрошений, также для убеждения и утеше-

ния своего духа. Более же всего делать это должно собственно для себя, чтоб приобрести мир душевный, по учению Псаломника: *«мир мног любящим закон Твой, Господи (118, 165)»*.

С о. Серафимом находилась Псалтирь с воследованиями. Подвижник совершал по ней ежедневно монашеское правило по чину первых, строгих пустынножителей. Так, около полуночи, вставши от сна, он совершал правило Пахомия Великого, читал утренние молитвы, пел полунощницу, утреню и читал первый час. При наступлении девятого часа он читал часы третий, шестой, девятый и проходил чин изобразительных. По вечеру он читал вечерню и малое повечерие. При наступлении ночи творил монастырское правило с молитвами на сон грядущим. Часто также вместо вечернего правила полагал по тысяче поклонов за один раз. Сон его во время ночи был непродолжительный. Сверх того, он занимался псалмопением сперва по уставу св. Пахомия Великого, а потом, применительно к сему уставу, составил свое чинопоследование, которое известно под именем *келейного правила*.

Келейное правило отца Серафима

Прежде начатия Псалтири читай сие: Боже, очисти мя грешного и помилуй мя. *Поклон.* Создавый мя Господи, помилуй мя. *Поклон.* Без числа согреших, Господи, прости мя. *Поклон.* Боже, милостив буди мне грешному. *Поклон.* Боже, прости мне беззакония и согрешения. *Поклон.*

Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и святое воскресение Твое славим. *Поклон.*

Господи, аще словом или делом согреших во всей жизни моей, помилуй мя и прости ми грешному, милости Твоя ради.

Достойно есть. Слава и ныне. Господи, помилуй. *Трижды.* Благослови.

Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного. Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе. *Трисвятое.* По Отче наш:

На славах:

Слава, и ныне. Аллилуиа, *трижды.* Господи, помилуй, трижды. Посем: Спаси, Господи, и помилуй всех православных христиан и на всяком месте владычества Твоего православно живущие: подаждь им, Господи, душевный мир и телесное здравие, и прости им всякое согрешение, вольное же и невольное: и их святыми молитвами и меня, окаянного, помилуй.

Упокой, Господи, души усопших раб Твоих, праотец, отец и братии наших, zde лежащих и повсюду православных христиан преставльшихся, подаждь им, Господи, царствие и причастие Твоя бесконечныя и блаженныя жизни, и прости им, Господи, всякое согрешение, вольное же и невольное. По окончании кафизмы читай:

Тропари и кондаки.

В беззакониях зачався аз блудный, не дерзаю взирати на высоту небесную; но, дерзая на человеколюбие Твое, зову: Боже, очисти мя грешного и помилуй мя.

Аще праведник едва спасается, аз где явлюся, грешный? Тяготы и зноя дневного не поне-сох; но поне с наемниками единогодешаго часа сопричти мя, Боже, и спаси мя.

Объятия Отча отверсти ми потщися: блудно мое иждих, житие, на богатство неизживаемое взираяй щедрот Твоих, Спасе: ныне обнищавшее мое да не презриши сердце; Тебе бо, Господи, во умилении зову: согреших на небо и пред Тобою.

Достойно есть яко воистину, *до конца.*

Согреших к Тебе, Спасе, яко блудный сын: приими мя, Отче, кающагося, и помилуй мя, Боже.

Зову к Тебе, Христе Спасе, мытаревым гласом: очисти мя, якоже онаго, и помилуй мя, Боже.

Милосердия сущи источник, милости сподоби нас, Богородице; призри на люди согрешившия, яви яко присно силу Твою: на Тя бо уповающе, Радуйся, вопиим Ти, якоже Гавриил, бесплотных Архистратиг.

Вся паче смысла, вся преславная Твоя, Богородице, таинства! Чистоте запечатанной и девству храниму, Мати позналася еси неложна, Бога рождши истиннаго: Того моли спаситися душам нашим.

Пречистому Твоему Образу поклоняемся, Благий, просяще прощения прегрешений наших, Христе Боже: волею бо благоволил еси плотию взыти на крест, да избавиши, яже создал еси, от работы врагия. Тем благодарственно вопием Ти: радости исполнил еси вся, Спасе наш, пришедый спасти мир.

Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое, победы благоверному Императору нашему Николаю Александровичу на сопротивныя даруя и Твое сохраняя Крестом Твоим жительство.

Небесных воинств Архистратизи, молим вас присно мы недостойнии, да вашими молитвами оградите нас кровом крил невестественныя вашей славы, сохраняюще ны, припадающия прилежно и вопиющия: от бед избавите ны, яко чиновачальницы вышних Сил.

Боже Отец наших, творяй присно с нами по Твоей кротости, не остави милости Твоя от нас, но молитвами их в мире управи живот наш.

Глубиною мудрости человеколюбно вся строяй и полезное всем подаваяй, едине Соделю, упокой, Господи, души раб Твоих; на Тя бо упование возложиша, Творца и Зиждителя и Бога нашего.

Со святыми упокой, Христе, души раб Твоих, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная.

Упование христиан, Пресвятая Дево, Его же родила еси Бога паче ума же и слова, непрестанно моли с горными Силами, дати оставление грехов нам всем, и исправление жития, верою и любовию присно Тя чтущим.

Господи, помилуй. *Сорок.* И молитву святого Ефрема:

Господи и Владыко живота моего, дух праздности, уныния, любоначалия и празднословия не даждь ми. *Поклон.*

Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любве даруй ми рабу Твоему. *Поклон.*

Ей Господи, Царю, даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего: яко благословен еси во веки веков, аминь. *Поклон. Также малых дванадесять поклонов, глаголюще на кийждо поклон:* Боже, очисти мя грешнаго и помилуй мя. *И паки последи молитву всю:* Господи и Владыко.

По окончании трех кафизм глаголи:

Сздавый мя Господи, помилуй мя.

Без числа согреших, Господи, прости мя.

Боже, милостив буди мне грешному.

Боже, прости моя беззакония и согрешения.

Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и святое Воскресение Твое славим.

Господи, аще словом, или делом, или помышлением согреших во всей жизни моей, помилуй мя и прости ми грешному, милости Твоя ради.

Достойно есть: Слава, и ныне. Господи, помилуй, *трижды.* Благослови. Молитвами святых отец наших.

Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь. Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе: Царю небесный: Трисвятое: По Отче наш: Господи, помилуй, *дванадесать.* Приидите поклонимся, *трижды.* И псалом пятидесятый, и: Верую во единого Бога Отца:

Упование мое Отец, прибежище мое Сын, покров мой Дух Святыи: Троице Святая, слава Тебе.

Отче наш, *и проч.*

Богородице Дево, радуйся, *и проч.*

Кресту Твоему, *и проч.*

Возбранный Воеводо и Господи, *и проч.*

Взбранной Воеводе победительная, *и проч.*

Преславная Приснодево, *и проч.*

Все упование мое, *и проч.*

Богородице Дево, не презри мене грешного, *и проч.*

Упование мое Отец, *и проч.*

Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного; и прости моя беззакония и согрешения.

Всемиловитая Владычице моя, Пресвятая Госпоже, Пречистая Дева, Богородице Марие, Мати Божия, спаси мя грешного.

Святии Архангели и Ангели, Херувими, Серафими и вся Силы небесныя, помилуйте мя и молитесь ко Господу Богу о мне грешном.

Святой Ангеле Господень, Хранителю мой Святой, помилуй мя и молися ко Господу Богу о мне грешном.

Вси Святии, помилуйте мя и молитесь ко Господу Богу о мне грешном.

Богородице Дево, радуйся, *и проч.*

Спаси, Господи, и помилуй отца нашего строителя иеромонаха (имя рек), со всею о Христе братиею: подаждь им, Господи, душевный мир и телесное здравие, и прости им, Господи, всякое согрешение, вольное же и невольное, и их святыми молитвами и меня, окаяннаго, помилуй.

Спаси, Господи, и помилуй всех православных христиан на всяком месте владычества Твоего, и подаждь им, Господи, душевный мир и телесное здравие, и прости им, Господи, всякое согрешение, вольное же и невольное, и их святыми молитвами меня, окаяннаго, помилуй.

Упокой, Господи, души усопших раб Твоих, праотец, отец и братии наших, zde лежащих и повсюду православных христиан преставльшихся, и подаждь им, Господи, причастие Твоея бесконечныя и блаженныя жизни, и прости им, Господи, всякое согрешение, вольное же и невольное.

Слава и ныне. Аллилуиа *трижды*. Слава. Спаси, Господи, и помилуй всех православных.

И ныне. Упокой, Господи, души усопших, *и проч.* *Посем.* О Тебе радуется: Слава и ныне. Господи, помилуй. *Трижды*. Благослови. Молитвами святых отец наших:

Ослаби, остави, прости, Боже, прегрешения наша вольная и невольная, яже в слове и деле, яже в ведении и не в ведении, яже во дни и в нощи, яже в уме и в помышлении, вся нам прости, яко благ и человеколюбец.

Ненавидящих и обидящих мя прости, Господи человеколюбче, *и проч.* Молит.

Богородице Дево, радуйся, *и проч.*

Светися, светися, новый Иерусалиме, слава бо Господня на тебе возсия: ликуй ныне и веселися, Сионе, Ты же Чистая красуйся, Богородице, о возстании Рождества Твоего.

Воистину Богородицу Тя исповедуем спасении Тобою, Дево чистая, с бесплотными лики Тя величающе.

Достойно есть, *и проч.*

Радуйся, девственное похвало, радуйся, Мати Пречистая, Юже вся тварь божественными песньми величает.

Предстательство христиан непостыдное, ходатайство ко Творцу непреложное, не презри грешных молений гласы, но предвари яко Благая на помощь нас, верно зовущих Ти: ускори на молитву и потщися на умоление, предстательствующи присно, Богородице, чтущих Тя.

Милосердия двери отверзи нам, *и проч.*

Нескверная, неблазная, нетленная, и проч.

Молитва на повеч.

Слава; и ныне. Господи, помилуй. *Трижды*. Благослови. Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас. Аминь.

* * *

Провождая жизнь в уединении, трудах, чтении и молитве, о. Серафим соединял с этим пост и строжайшее воздержание. По началу своего поселения в пустыни он питался хлебом, более всего черствым и сухим; хлеб обыкновенно он брал с собой по воскресеньям на целую неделю. Есть сказание, что из этой недельной порции хлеба часть уделял он пустынным животным и птицам, которые были приласканы старцем, очень любили его и посещали место его молитвословий. Также он употреблял овощи, добываемые трудами рук его в пустынном огороде. С тем и устроен был огород сей, чтобы ему не обременить *ничим же обители* и, по примеру великого подвижника ап. Павла, питаться, *делаяще своими руками* (4, 12). Впоследствии времени он приучил свое тело к такому воздержанию, что не стал вкушать и хлеба *насушного*, а, по благословию настоятеля Исаяи, питался одними овощами своего огорода. Это были картофель, свекла, лук и трава, называемая сныть. В течение же первой недели Великого поста он вовсе не принимал пищи до причащения Св. Тайн в субботу. Еще через некоторое время воздержание и постничество о. Серафима дошли до невероятной степени. Совсем переставши брать хлеб из обители, он жил без всякого содержания от нее в течение более двух с половиною лет. Братия, удивляясь, недоумевали, чем мог питаться старец во все это время, не только летом, но и зимою. Он же тщательно укрывал свои подвиги от воззрения людей. Но пред смертью, в разговоре от 20 мая 1832 года с одной доверенной особой, которая тогда же записала свою беседу, о. Серафим открыл это, начавши так:

«Ты знаешь снитку? Я рвал ее да в горшочек клал; немного вольешь, бывало, в него водицы и поставишь в печку – славное выходило кушанье».

«Я спросила его о снитке, что это значит? За притчу ли это принять или что действительное? Он отвечал: «Экая ты какая! Разве не знаешь *травы* сныть? Я это тебе говорю о самом себе. Я сам это себе готовил кушанье из снитки».

Я спросила его, как зиму он ее кушал и где брал?

Он отвечал: «Экая ты какая! На зиму я снитку сушил и этим одним питался, а братия удивлялись, чем я питался! А я снитку ел... И о сем я братии не открывал, а тебе сказал».

Я спросила: а долгое ли время он кушал ее?

Он дал мне точный ответ и на это. Но я забыла, без скольких именно дней он вкушал тысячу дней одну снитку. Только помню, что более Двух с половиною лет, невступно три года, он питался одною сею травою».

По будням, спасаясь в пустыни, о. Серафим накануне праздников и дней воскресных являлся в обитель, слушал вечерню, всенощное бдение и за раннюю литургию в больничной церкви св. Зосимы и Савватия причащался Св. Христовых Тайн. Затем до вечерни он принимал в монастырской келье приходивших к нему по нуждам духовным из монастырской братии. Во время вечерни, когда братия оставляли его, он, взяв с собою хлеба на неделю, удалялся в свою пустынь. Всю первую неделю Великого поста он проводил в обители. В эти дни он говел, исповедывался и причащался Св. Тайн. Духовником его с давнего времени был строитель – старец Исаяя.

Так проводил старец дни свои в пустыни. Другие пустынножители, имена которых мы упоминали уже, имели при себе по одному ученику, которые и служили им. Отец Серафим жил в совершенном одиночестве. Некоторые из Саровской братии пытались сожительствовать с о. Серафимом в пустыни и были приняты им, но ни один из них не мог вынести трудностей

пустыннического жития; ни в ком не нашлось столько нравственной крепости, чтобы явиться, в качестве ученика, подражателем подвигов о. Серафима. Благочестивые попытки их, принося пользу душе, не увенчались успехом; и те, которые поселялись было с о. Серафимом, возвращались опять в обитель. Посему хотя после кончины о. Серафима нашлись некоторые люди, *дерзновенно объявлявшие себя его учениками, но при его жизни они в строгом смысле учениками не были, и название Серафимов ученик в то время не существовало.* «В пребывание его в пустыни, – говорили тогдашние Саровские старцы, – вся братия была его учениками».

Также многие из Саровской братии временно приходили к нему в пустынь. Одни просто посещали его, а другие являлись по нужде в советах и наставлениях. Старец хорошо различал людей. От некоторых он удалялся, желая сохранить молчание, а имеющим нужды до него не отказывал в духовной пище, с любовью руководствуя их к истине, добродетели и благоустройению жизни. Из постоянных посетителей о. Серафима известны схимонах Марк и иеродиакон Александр, также спасавшийся в пустыни. Первый бывал у него два раза в месяц, а последний – однажды. Отец Серафим охотно беседовал с ними о разных душеспасительных предметах. На сердце их с особенной глубиной напечатлелась беседа его о непрестанной внутренней или умной молитве, ее силе и значении – учение, которое известно стало о. Серафиму не из книг, а из собственного опыта жизни. Краткий образчик этой беседы мы находим в следующем наставлении о. Серафима *о молитве*.

«Истинно решившиеся служить Господу Богу должны упражняться в памяти Божией и непрестанной молитве ко Иисусу Христу, говоря умом: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго*; в часы же послеобеденные можно говорить сию молитву так: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, молитвами Богородицы помилуй мя грешнаго*, или же прибегать собственно к Пресвятой Богородице, моляся: *Пресвятая Богородица, спаси нас*, или говорить поздравление Ангельское: *Богородице Дево, радуйся!* Таковым упражнением, при охранении себя от рассеяния и при соблюдении мира совести, можно приблизиться к Богу и соединиться с Ним. Ибо, по словам св. Исаака Сирина, кроме непрестанной молитвы, мы приблизиться к Богу не можем (Сл. 69, лист 142).

Виды молитвы весьма хорошо изъяснил св. Симеон, Новый Богослов (Добротолюбие, часть 1, лист 61. Слово о трех образах молитвы).

Достоинство же молитвы ясно определил св. Златоуст: велие, говорит он, есть оружие молитва, сокровище неоскудно, богатство никогда же иждиваемо, пристанище не бурное, причина тишины и множеству благих дел корень, источник и мати есть (Маргар. Сл. 5 о непостижимом).

В церкви на молитве стоять полезно с закрытыми очами, во внутреннем внимании; открывать же очи разве тогда, когда уныешь, или сон будет отягощать тебя и склонять к дреманию; тогда очи обращать должно на образ и на горящую перед ним свечу.

Если в молитве случится плениться умом в расхищение мыслей, то должно смириться пред Господом Богом и просить прощения, говоря: согреших, Господи, словом, делом, помышлением и всеми моими чувствами.

Посему всегда должно стараться, чтоб не предавать себя рассеянию мыслей; ибо чрез сие уклоняется душа от памяти Божией и любви Его, по действию диавола, как говорит св. Макарий: все супостата нашего тщание есть, да мысль нашу от памятования о Боге и страха и любви отвратит (Сл. 2, гл. 15).

Когда же ум и сердце соединены будут в молитве и помыслы души не рассеяны, тогда сердце согревается теплотою духовною, в которой воссиявает свет Христов, исполняя мира и радости всего внутреннего человека.

О всем мы должны благодарить Господа и предавать себя Его воле; должны также представлять Ему все свои мысли, слова и деяния, и стараться, чтобы все служило к Его благоугождению».

Несмотря на редкость посещений, пустынножителем Марку и Александру приходилось находить о. Серафима совершенно погруженным в богомыслие. В таком случае, не решаясь нарушать его духовных занятий, они ожидали, неведомо для старца, окончания их. Случалось и так, что, пождав около часа, они не получали свидания с ним, уходили в свои места и, имея такой живой урок подвижничества пред собою, сами с вящим усердием предавались духовным подвигам.

Из посторонних посетителей о. Серафима в это время особенно известен один Нижегородской губернии диакон, впоследствии иеромонах и подвижник Тимон. Он происходил из духовного звания, окончил полный курс учения в Нижегородской семинарии и был человеком образованным. Влияние духовной науки развило в нем, кроме умственных дарований, чувство благочестия с характером аскетическим. Однако же обстоятельства понудили его жениться, хотя и сверх его желаний. Потом он хиротонисан был во диакона. Но в скором времени Господь разрешил его от уз брачных: немного поживши, супруга его скончалась. Оставшись свободным, этот о. диакон часто ходил в Саровскую пустынь. Тут он сблизился с пустынножителями о. Серафимом и Марком. Старцы, видя его искреннее усердие к богоугодному житию, охотно приняли его в свое руководство и были его наставниками и учителями. Слова их падали на добрую землю. Отец диакон поступил в монашество и в сане иеродиакона был экономом при архиерейском доме. Нижегородский преосвященный желал посвятить его в иеромонаха. Но «аз, – говорил о себе Тимон, – никак не соглашался, потому что все желание мое было в пустыни жить одному, с единым Богом». Спустя много лет преосвященный послал его в городской монастырь строителем. Однажды, приехавши в монастырь для служения, архиерей сказал, что неприлично быть иеродиакону строителем, и хиротонисал его во иеромонаха, хотя он и не искал этого. «Аз же, – говорил о. Тимон, – пожелал на покой в Костромскую епархию, в Кривозерский монастырь, который и прежде знал». Святейший Синод его уволил от монастыря, и игумен Кривозерский благословил ему поселиться во внутренней пустыни, где он прожил один почти двадцать лет. Близ того места, где была внутренняя пустынь о. Тимона, стоял монастырский хутор и небольшая старая церковь. С хутора доставляли пустыннику пищу. Потом, «грех моих ради великих, – повествовал о. Тимон, – повелел Господь мне из пустыни выйти на хутор, жить там и основать монастырь. Но аз никак не хотел разлучиться с пустыней и воспротивился Господу своему. За то меня Господь наказал: разбил меня паралич, и аз лежал как мертвый. Приехали монастырские работники за лесом и, привезши мне пищи, нашли меня без памяти и без языка и всего разбитого, и взяли меня и привезли на хутор. Но Господь Бог мой чудесно меня исцелил в скором времени, яко николи же был болен. И аз благодарил Господа Бога моего, и более противиться воле Божией не стал, и остался на том месте жить, и Господь благословил место сие. И аз, с помощью Божией, в скором времени устроил сию обитель». Обитель эта называется ныне Надевскою пустынью и состоит в Костромской епархии².

Если же вне пустынной кельи своей старец неожиданно встречал кого-либо в Саровском лесу, то обыкновенно, не вступая в беседу, со смирением кланялся ему и удалялся прочь: «от молчания никто никогда не раскаивался», говорил он впоследствии в своих наставлениях. На людей, лично не знавших о. Серафима, такая внезапная встреча с ним в пустынной местности, при его костюме, производила чудное впечатление, никогда неизгладимое, и нередко поучала их добродетели не менее самой его беседы. Строгости его жизни и отношений к другим соответствовали и первые опыты его учения в духе подвижническом, отличающиеся верностью мысли, краткостью и силой выражения: «Совершенная любовь к Богу, – учил он, – соединяет.

² Об этом старце Тимоне иеромонах Парфений, строитель Гуслицкого монастыря, в известном сказании о своих странствиях (Москва, 1855 г., в 4-х частях) рассказывает следующее: «Однажды, избрав удобное время, я отправился к старцу Тимону и отправился в путь. В то время я был так глух, что 300-пудового колокола звону не мог слышать, а разговаривал манием или на письме.

Но когда начал подъезжать к Надевской пустыни, то открылись мои уши, хотя и не совершенно, и стал слышать человеческий разговор и церковное пение. Егда же, приехавши в пустынь, увидел блаженного старца иеромонаха отца Тимона и святолепные его седины, премного возрадовался душа моя и вострепета сердце мое. Он же меня благословил и ввел в келью свою, разверз медоточивые своя уста и начал мене поить от изобильных своих источников живою водою, и с малых слов растопил мое сердце, яко воск, и сделал меня таким, что яко бы никогда я не бывал раскольников, и в то же время перекрестил я лицо свое в три перста во имя Св. Троицы, и более уже не творил крестнаго знамения двумя перстами, даже до сего дня. Воистину дан сему старцу от Господа Бога такой дар премудрости, что ему никто не мог противиться, и во всем моем многолетнем странствии подобного ему в словесном даре не видал. Потом аз много его благодарил и просил его святых молитв, чтобы до кончины живота моего не оскудела вера моя в Господа Бога моего Иисуса Христа и во святую Его Церковь» (часть I, с. 193–195).

Любящих с Богом и между собою взаимно; ум, стяжавший духовную любовь, ничего несогласного с любовью не мыслит.

Уединение, молитва, любовь и воздержание суть четырехсоставная колесница, возносящая дух на небо.

Истоцай тело свое постом и бдением – и отразишь мучительный помысл сладострастия.

Как дело Божие правит миром, так дело души – управлять телом.

Похоть истребляется страданием и скорбью, или произвольной или посылаемой Промыслом.

Какою мерою меряешь своему телу, в такой же мере воздаст тебе Бог праведное воздаяние ожидаемых благ.

Бог есть неложный обещатель будущих благ; веруя Ему, подвижник желает будущего, как бы уже настоящего.

Если ум, совершенно забывая здешнее, более и более старается узнать будущее, это знак, что он живет в благих ожиданиях.

Хорошо бесстрастие: Сам Бог дает и утверждает это состояние в душах боголюбивых.

Не будь нерадив в деятельной жизни – и просветится ум твой; Сам Бог обещает это: *сокровища невидимая, сокровенная отверзу тебе* (Исайи, 45).

Уединение и молитва – великие средства к добродетели: очищая ум, они делают его прозорливым.

Подвижничество требует терпения и великодушия: ибо миролюбие искореняется только долговременным трудолюбием.

Кто переносит с молитвой удары невольных искушений, тот делается смиренным, благонадежным и опытным.

Терпение есть трудолюбие души, а трудолюбие состоит и в добровольных трудах, и в перенесении невольных искушений. Ум, получивший некоторую часть бесстрастия, иногда бывает непоколебим, но без дел неопытен.

Кому дана вера, от того требуется воздержание, которое, укореняясь, рождает терпение – навык многотрудный. Знаком терпения служит любовь к трудам, опираясь на них, ум надеется получить обетование будущих благ.

Обещание будущих благ привязывает ум к ожидаемому, так что мы забываем и отвергаем настоящее».

Видя столь искреннее, усердное и поистине высокое подвижничество старца о. Серафима, диавол, исконный враг всякого добра, вооружился против него разными искушениями. По своей хитрости, начиная с легчайших, он сперва наводил на подвижника разные *страхования*. Так, по сказанию одного почтенного летами иеромонаха Саровской пустыни, однажды во время молитвы он услышал вдруг за стенами кельи вой зверя; потом, точно скопище народа,

начали ломать дверь кельи, выбили у двери косяки и бросили к ногам молящегося старца претолстый кряж (отрубок) дерева, который восемью человеками с трудом был вынесен из кельи. В другие разы, и днем, особенно же ночью, во время стояния на молитве, ему *видимо* вдруг представлялось, что келья его разваливается на четыре стороны и что к нему со всех сторон рвутся страшные звери с диким и яростным ревом и криком. Иногда вдруг являлся перед ним открытый гроб, из которого вставал мертвец.

Так как старец не поддавался страхованиям, диавол воздвигал на него жесточайшие нападения. Так, он, по Божию попущению, поднимал его на воздух и оттуда с такою силою ударял об пол, что если бы не Ангел-хранитель, самые кости от таких ударов могли бы сокрушиться. Но и этим не одолел старца. Вероятно, при искушениях он духовным оком своим, проникавшим в горний мир, видел самых злых духов. Может быть, духи злобы и сами видимо в телесных образах являлись ему, как и другим подвижникам... По крайней мере, заметно, что старец точно видал злых духов. Ибо один мирянин в простоте сердца спрашивал его:

«Батюшка! Видали ль вы злых духов?»

Старец с улыбкой отвечал:

«Они гнусны... как на свет Ангела взглянуть грешному невозможно, так и бесов видеть ужасно: потому что они гнусны».

Все видения, искушения и нападения врага старец побеждал силою крестного знамения и молитвами. После них долгое время он пребывал мирно в своей пустыни, благодаря Господа за сей мир и спокойствие.

Духовное начальство знало о Серафима и понимало, как полезно было бы для многих сделать такого старца *аввою*, настоятелем где-нибудь в обители. Открылось место архимандрита в городе Алатыре. Отца Серафима предназначали было туда настоятелем монастыря с возведением в сан архимандрита. В прошлом и в текущем столетиях Саровская пустынь не раз давала из своей братии хороших настоятелей в другие обители. Но старец Серафим убедительнейше просил тогдашнего Саровского настоятеля Исаяю отклонить от него это назначение. Строителю Исаяи и братии Саровской жаль было отпустить от себя старца Серафима, усердного молитвенника и мудрого наставника. Желания обеих сторон сошлись вместе: все стали просить другого иеромонаха из Жарова же, старца Авраамия, принять на себя звание архимандрита в Алатырский монастырь, и брат, единственно из повиновения, принял на себя это звание. В другой раз о Серафима предназначили строителем в Краснослободский Спасский монастырь. Но и в настоящем случае, по просьбе о Серафима, по взаимной любви и согласию братии его заменил иеромонах Иероним.

Видя смиренномудрие старца Серафима, диавол воздвиг на него большое гонение, поднял в его душе мысленную брань и поддерживал борьбу эту с таким натиском и силой, от которых пал некогда великий во отцах Феофил, эконом Аданской церкви (см. Четьи-Минеи, 23 июля). В тяжком душевном обстоянии старец Серафим обратился к Господу, подвигоположнику нашего спасения, Иисусу Христу и Пречистой Его Матери, а сам решил усилить свои иноческие труды, чтобы при помощи свыше разрушить страшные козни диавола, повергавшие его в уныние. Благословясь, он принял на себя новый высший молитвенный подвиг.

В глухом лесу, на половине пути от кельи к монастырю, лежал необыкновенной величины гранитный камень. Вспомнив о трудном подвиге св. столпников, о Серафим решил принять участие в подвижничестве сего рода. Для сего он восходил, чтобы не быть ни от кого видимым, в ночное время на этот камень для усиления молитвенного подвига. Молился он обыкновенно или на ногах, или стоя на коленях, с воздетыми вверх, подобно св. Пахомию, руками, взывая мытаревым гласом: *Боже, милостив буди ми грешному*. Чтобы уравнивать ночные подвиги дневным, о Серафим и в келье имел камень. На нем он молился *во время дня* с утра до вечера, оставляя камень только для отдохновения от изнеможения сил и для подкрепления себя пищею. Такого рода молитвенный подвиг он нес по временам в течение тысячи суток. «Нам все стара-

ние должно иметь о душе, – говорил о. Серафим в наставлениях, – тело же подкреплять для того только, чтобы оно способствовало к подкреплению духа. Если самовольно изнурим свое тело до того, что изнурится и дух, то такое удручение будет безрассудное, хотя бы сие делалось для снискания добродетели». От стояния на камнях, от трудности этого молитвенного подвига тело его очень заметно изменилось, в ногах возобновилась болезнь, которая с этого времени до кончины дней не переставала мучить его. Отец Серафим понял, что продолжение таких подвигов повело бы к изнурению сил духа и тела, и оставил моление на камнях. Подвиги сии он проходил в такой тайне, что ни одна душа человеческая не ведала о них и не догадывалась. К бывшему после Исаяи игумену Нифонту был тайный запрос об о. Серафиме от епископа Тамбовского. В бумагах обители сохранился *черновой* отзыв Нифонта, в котором настоятель отвечал: «О подвигах и жизни о. Серафима мы знаем; о тайных же действиях каких, также и о стоянии 1000 дней и ночей на камне никому не было известно». При кончине дней своих, чтобы не остаться загадкой для людей, по подобию других подвижников, в числе прочих явлений своей жизни он, в назидание слушателям, рассказал и о своем подвиге некоторым из братии.

Один из слушателей этого рассказа, будучи подвижником удивлением к подвигам моления на камнях, заметил, что это свыше сил человеческих.

Подвижник в объяснение совершенной возможности дела заметил со смирением: «Св. Симеон Столпник сорок семь лет стоял на столпе, а мои труды похожи ли на его подвиг?»

Собеседник же со своей стороны прибавил: «В этом подвиге, конечно, для тебя ошутительна была помощь благодати укрепляющей?»

«Да, – отвечал старец. – Иначе сил человеческих не хватало бы... Внутренне подкреплялся и утешался я этим небесным даром, нисходящим свыше от Отца Светов...»

Потом, немного помолчав, прибавил: «Когда в сердце есть умиление, то и Бог бывает с нами».

В последних словах, против воли старца, высказался дух его моления. Он молился с умилением, и молитвы его были так близки к Богу, что он ощущал в себе присутствие Божие и укреплялся благодатным даром сего чувства.

Во всех искушениях и нападениях на о. Серафима диавол имел целью удалить его из пустыни. Однако же все усилия врага остались безуспешны: он был побежден, отступил со стыдом от своего победителя, но в покое его не оставил. Изыскивая новые меры к удалению старца из пустыни, злой дух начал воевать против него через злых людей. 12 сентября 1804 г. подошли к старцу три неизвестных ему человека, одетые по-крестьянски. Отец Серафим в это время рубил дрова в лесу. Крестьяне, нагло приступив к нему, требовали денег, говоря, что «к тебе ходят мирские люди и деньги носят». Старец сказал: «Я ни от кого ничего не беру». Но они не поверили. Тогда один из пришедших кинулся на него сзади, хотел свалить его на землю, но вместо того сам упал. От этой неловкости злодеи несколько оробели, однако же не хотели отступить от своего намерения. Отец Серафим имел большую физическую силу и, вооруженный топором, мог бы не без надежды обороняться. Эта мысль и мелькнула было мгновенно в его уме. Но он вспомнил при сем слова Спасителя: *все приемшиши ножом погубиши* (Мф. 26, 52), не захотел сопротивляться, спокойно опустил на землю топор и сказал кротко, сложивши крестообразно руки на груди: «Делайте, что вам надобно». Он решился претерпеть все безвинно Господа ради. Тогда один из крестьян, поднявши с земли топор, обухом так крепко ударил о. Серафима в голову, что у него изо рта и ушей хлынула кровь. Старец упал на землю и пришел в беспамятство. Злодеи тащили его к сенам кельи, по дороге яростно продолжая бить, как звероловную добычу, кто обухом, кто деревом, кто своими руками и ногами, даже поговаривали и о том, не бросить ли старца в реку... А как увидели, что он уже был точно мертвый, то веревками связали ему руки и ноги и, положив в сенах, сами бросились в келью, соображая найти в ней несметные богатства. В убогом жилище они очень скоро все перебрали, пересмотрели, разломали печь, пол разобрали, искали, искали и ничего для себя не нашли:

видели только у него св. икону да попало несколько картофелю. Тогда совесть сильно заговорила у злодеев, в сердце их пробудилось раскаяние, что напрасно, без всякой пользы даже для себя, избили благочестивого человека, какой-то страх напал на них, и они в ужасе убежали. Между тем о. Серафим от жестоких смертных ударов едва мог прийти в чувство, кое-как развязал себя, поблагодарил Господа, что сподобился ради Него понести раны безвинно, помолился, чтобы Бог простил убийц, и, проведши ночь в келье в страданиях, на другой день с большим трудом, однако же сам, пришел в обитель во время самой литургии. Вид его был ужасен! Волосы на бороде и голове были смочены кровью, смяты, спутаны, покрыты пылью и сором; лицо и руки избиты; вышиблено несколько зубов; уши и уста запеклись кровью; одежды, измятые, окровавленные, засохли и по местам пристали к ранам. Братия, увидев его в таком положении, ужаснулись и спрашивали: что с ним такое случилось? Ни слова не отвечая, о. Серафим просил пригласить к себе настоятеля о. Исаяю и монастырского духовника, которым в подробности и рассказал все случившееся. И настоятель и братия глубоко опечалены были страданиями старца. Таким несчастьем о. Серафим вынужден был остаться в монастыре для поправления здоровья. Дьявол, воздвигший злодеев, по-видимому, торжествовал теперь победу над старцем, воображая, что навсегда изгнал его из пустыни. Первые восемь суток были для больного очень тяжки: не принимая ни пищи, ни воды, он не имел и сна от нестерпимой боли. В монастыре не надеялись, чтобы он пережил свои страдания. Настоятель старец Исаяя, на седьмой день болезни, не видя перелома к лучшему, послал в Арзамас за врачами. Освидетельствовав старца, врачи нашли болезнь его в следующем состоянии: голова у него была проломлена, ребра перебиты, грудь оттоптана, все тело по разным местам покрыто смертельными ранами. Удивлялись они, как это старец мог остаться в живых после таких побоев. По старинной методе лечения врачи считали необходимым открыть кровь больному. Настоятель, зная, что больной и без того много потерял ее от ран, не соглашался на эту меру, но, по настоятельному убеждению консилиума врачей, решился предложить это о. Серафиму. Консилиум опять собрался в келье о. Серафима; он состоял из трех врачей, с ними было три подлекаря. В ожидании настоятеля они опять осмотрели больного, долго на латинском языке рассуждали между собою и положили: пустить кровь, обмыть больного, к ранам приложить пластырь, а в некоторых местах употребить спирт. Согласились также насчет того, что помощь необходимо подать как можно скорее. Отец Серафим с глубокой признательностью в сердце примечал их внимательность и попечение о себе. Когда все это происходило, кто-то вдруг крикнул: «Отец настоятель идет, идет отец настоятель!» В эту минуту о. Серафим уснул: сон его был краткий, тонкий и приятный. Во сне увидел он дивное видение. Подходит к нему с правой стороны постели Пресвятая Богородица, в царской порфире, окруженная славою. За Нею следовали свв. апостолы Петр и Иоанн Богослов. Оставаясь у одра, Пресвятая Дева перстом правой руки показывала на больного и, обратясь пречистым ликом Своим в ту сторону, где стояли врачи, произнесла: «Что вы трудитесь?» Потом опять, обратясь лицом к старцу, сказала: «*Сей от рода нашего*», и кончилось видение, которого присутствующие не подозревали. Когда вошел настоятель, больной опять пришел в сознание. Отец Исаяя с чувством глубокой любви и участия предложил ему воспользоваться советами и помощью врачей. Но больной, после стольких забот о нем, при отчаянном состоянии здоровья своего, к удивлению всех, отвечал, что он не желает теперь пособия от людей, прося отца настоятеля предоставить жизнь его Богу и Пресвятой Богородице, истинным и верным Врачам душ и телес. Нечего было делать, оставили старца в покое, уважая его терпение и удивляясь силе и крепости веры. Он же от дивного посещения исполнился неизреченной радости, и сия радость небесная продолжалась часа четыре. Потом старец успокоился, вошел в обыкновенное состояние, почувствовав облегчение от болезни; сила и крепость стали возвращаться к нему; встал он с постели, начал немного ходить по келье и вечером в девятом часу подкрепился пищей, вкусил немного хлеба и белой квашеной капусты. С того же дня он опять стал понемногу предаваться духовным подвигам.

Еще в прежнее время о. Серафим, занимаясь однажды работами в лесу, при порубе дерева был придавлен им и от этого обстоятельства потерял свою естественную прямогу и стройность, сделался согбенным. После нападения разбойников от побоев, ран и болезни согбенность еще больше увеличилась. С этого времени он начал ходить, подкрепляясь топориком, мотыгой или палкой. Так эта согбенность, это уязвление в пяту служили всю жизнь венцом победы великого подвижника над диаволом.

Со дня болезни старец Серафим провел в монастыре, не видя своей пустыни, около пяти месяцев. Когда здоровье возвратилось к нему, когда он почувствовал себя опять крепким к прохождению пустынноческой жизни, то просил настоятеля Исаяю снова отпустить его из монастыря в пустынь. Настоятель же, по внушению братии, и сам искренне жалея старца, упрашивал было его остаться навсегда в монастыре, представляя возможным повторение подобных крайне несчастных случаев. Отец Серафим отвечал, что ни во что вменяет такие нападения и готов, подражая св. мученикам, страдавшим за имя Господне, даже до смерти перенести всякие оскорбления, какие бы ни случились. Он боялся только душевных разбойников, твердо помня слово Спасителя: *не убойтесь от убивающих тело, души же не могущих губити, убойтесь же паче могущаго и душу и тело погубити в геенне* (Мф. 10, 28). Уступая христианской неустрашимости духа и любви к пустынножительству, о. Исаяя благословил желание старца, и старец Серафим снова возвратился в свою пустынную келью.

С новым поселением старца в пустыни диавол претерпел совершеннейшее поражение. Крестьяне, избившие старца, были найдены; они оказались крепостными людьми помещика Татищева, Ардатовского уезда, из села Кременок. Но о. Серафим не только простил их самих, но и спрашивал настоятеля обители не взыскивать с них, а затем такую же просьбу написал помещику. Все были до такой степени возмущены поступком этих крестьян, что казалось невозможным простить их, а о. Серафим настаивал на своем. «В противном случае, – говорил старец, – я оставлю Саровскую обитель и удалюсь в другое место». Строителю же о. Исаяе, своему духовнику, он говорил, что лучше его удалили бы из обители, нежели нанесли крестьянам какое-либо наказание. Отец Серафим представил отмщение Господу Богу. Гнев Божий действительно настиг этих крестьян; в непродолжительном времени пожар истребил жилища их. Тогда они пришли сами просить у о. Серафима, со слезами раскаяния, прощения и св. его молитв.

Из своей продолжительной и разнообразной борьбы с диаволом о. Серафим вынес основательный и верный взгляд на жизнь и труды пустынножителя, которыми приносил большую пользу другим во спасение души. Так, один инок, намереваясь поселиться в совершенном уединении, пришел к о. Серафиму в пустынь и, волнуемый разными мыслями насчет пустынножительства, спросил его:

«Отче! Говорят некоторые, что удаление от общежителства в пустынь есть фарисейство; что пременением оказывается пренебрежение братии или, еще, бросается на нее осуждение. Как ты думаешь?»

Старец отвечал: «Не наше дело судить других. А удаляемся мы из общества братства не из ненависти к нему, а более для того, что мы приняли и носим на себе чин ангельский, которому неместительно быть там, где словом и делом прогневляется Господь Бог. И потому мы, отлучаясь от братства, удаляемся только от слышания и видения того, что противно заповедям Божиим, как это случается неизбежно при множестве братии. Мы избегаем не людей, которые одного с нами естества и носят одно и то же имя Христово, но пороков, ими творимых, как и великому Арсению сказано было: *бегай людей и спасешься* (Четьи-Минеи, 8 мая)».

Другому иноку, после тщательного испытания, было дано настоятелем благословение начать пустынноческую жизнь. Настоятель писал и письмо к отцу Серафиму, прося его принять к себе этого инока и наставить на путь пустынной жизни. Отец Серафим весьма ласково принял его и благословил ему построить себе пустынную келью неподалеку от своей. Когда

инок стал еще прежде сего просить у него наставлений касательно пустынножительства, то старец, по глубочайшему смирению, а еще скорее по великому благоразумию и опытности в этом деле, отвечив: «Я сам ничего не знаю». Потом, как бы желая удовлетворить любознанию инока, присовокупил: «Спаситель сказал: *научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем: и обряцете покой душам вашим* (Мф. 11, 29). По разуму св. Иоанна Лествичника, не от Ангела или человека, но от Самого Господа мы должны научиться».

Вообще, он неохотно советовал другим поселяться в пустыни и в предостережение объяснял, что живущий в пустыни должен быть как бы распятым на кресте; что в монастыре иноки борются с противными силами, как с голубями, а в пустыни – точно как со львами и леопардами. А потому если и склонялся в сторону пустынножительства, то никому не благословлял уединяться одному, а советовал отходить на пустынные подвиги двум или даже трем одновременно. В доказательство он приводил всегда следующие слова из Писания: блази два паче единого, им же есть мзда блага в труде их: яко аще падется един от них, воздвигнет другой причастника своего: и горе тому единому, егда падет, и не будет второго воздвигнута его: и вервь переплетена не скоро расторгнется (Екк. 4, 9-12). Брат от брата помогает, яко град тверд и высок, укрепляется же, яко же основанное царство (Притч. 18,19).

Лучшим свидетельством верности и основательности взглядов о. Серафима на жизнь иноческую и пустынную служат его аскетические статьи.

Господь Бог в награду за подвиги и победу над диаволом ниспослал на о. Серафима дар прозорливости, действия которого обнаруживались в первый раз именно здесь, в дальней пустыни. Так, Саровские иноки свидетельствуют следующее: один боголюбивый посетитель Саровской обители положил в душе своей непременно вступить в нее для спасения себя в звании иноческом; но, возвратясь домой, он увлекся мирскою жизнью, потом вступил в брак и имел двух детей. Совесть, однако же, напомнила ему обеты сердца, и он, прибыв снова в Саров, как грешник, кланялся в ноги Саровским старцам в церкви после богослужения, прося их обсудить его вину, дать совет и благословение на поступление в обитель. Один из старцев присоветовал ему обратиться к о. Серафиму. Увидав о. Серафима, выходящего из кельи, с заступом в руках, так как это был праздничный день, когда старец являлся к литургии, этот приезжий бросился к нему в ноги, умоляя дать совет в его душевном расстройстве и помолиться Господу, чтобы Он принял его на желанный путь иноческий. Отец Серафим, выслушав его безмолвно, спросил: «Исполнишь ли ты по обету все иноческие правила?» Когда же он, забыв о жене и детях, клялся быть до смерти верным исполнителем монастырских правил, изъявляя готовность и усердие понести какую-нибудь епитимию, то старец Серафим, провидя возможность исполнения его обещания, сказал: «Если ты точно по обету своему исполнишь все иноческие правила, то гряди с миром в путь твой!» Затем он благословил этого человека и отпустил от себя. Вскоре действительно умерла жена, а за нею и дети его, так что он, не связанный более с миром никакими житейскими узами, пришел в Саровскую пустынь, был в ней пострижен в монашество и умер истинным иноком.

Глава V

Настоятель Саровской пустыни иеромонах Исая. Избрание после него в настоятели о. Серафима и отказ последнего. Смерть о. Исая и духовное сиротство Серафима. Игумен Нифонт. Дивеевская общинка по смерти матери Александры. Избрание в начальницы Анастасии Кирилловны и увеличение числа сестер до 52. Смерть Анастасии Кирилловны в 1796 году и избрание Ксении Михайловны Кочуловой. Пожертвование графиней Толстой 32 десятин на огород. Рассказы сестер о Ксении Михайловне. Молчаливость о. Серафима после смерти игумена Исая. Вопрос о причащении о. Серафима Христовых Тайн во время молчаливости. Затворничество в монастыре и причащение в келье. Постановление дубового гроба в сенях кельи. Посещение о. Серафима Тамбовским епископом Ионой и губернатором А. М. Безобразовым. Инок Гавриил, любимый о. Серафимом. Наставления о. Серафима инокам Саровской пустыни

Восьмой строитель Саровской пустыни иеромонах Исая, как было упомянуто, принадлежал к купечеству города Суздаля по фамилии Зубков и на 22-м году от рождения своего оставил мир и поступил в Киево-Печерскую лавру, где трудился в послушании 7 лет. В 1770 году он возвращался по своим надобностям на родину в Суздаль и, узнав об уединенности Саровской обители и о нахождении в ней многих великих старцев, возгорелся духом и пришел в пустынь. В 1772 году он был пострижен в монашество и рукоположен в иеродиакона, в 1777 году, во иеромонаха, и в 1785 году избран в казначеи по общему согласию. Мы видели, насколько его любил и ценил о. Пахомий. По смерти последнего в 1794 году о. Исая был назначен настоятелем Саровской пустыни.

Строгий монах-подвижник, о. Исая поощрял братию к иноческим подвигам и тем приобрел доверенность и расположение к себе братства. Слава о его добродетелях скоро достигла отдаленнейших мест и привлекла к нему немалое число иноков и мирских людей, ищущих своего спасения. Отец Исая заботился также о приведении пустыни в большее благоустройство и сохранении порядка, утвержденного покойным настоятелем о. Пахомием. Саровская обитель за соблюдение строгих правил монашеских была уважаема и иерархами, которые славились в свое время особенным даром учительства и добродетельной жизнью. Так, Никифор, архиепископ Астраханский, имел переписку с о. Исаяй. Последний был также сострадателен к нищим и убогим и строго наблюдал, чтобы на них были, по древнему обыкновению, употребляемы избытки монастырских доходов. Издревле была заведена в Сарове раздача 1 октября, в праздник Покрова Пресвятой Богородицы, одежды, платья, полушубков, кафтанов, сапог и рукавиц. Оттого к этому дню приходило множество бедных. По окончании литургии их собирали в ограду на гостиный двор и наделяли платьем, смотря по нуждам.

Старец о. Исая очень почитал и любил о. Серафима, а также дорожил его беседами, поэтому он, когда был свеж, бодр и наслаждался здоровьем, нередко сам ходил в пустынь к о. Серафиму. В 1806 г. Исая, по старости лет и от трудов, понесенных для спасения себя и братии, сделался особенно слаб здоровьем и, по собственному прошению, уволился от обязанности и звания настоятеля. Жребий занять его место в обители по общему желанию братии пал на о. Серафима. Вот уже третий раз старец избирается на начальственные должности по монастырям, но и на этот раз, по своему смирению и из крайней любви к пустыни, он отказался от предлагаемой почести. Тогда голосом всей братии настоятелем избран был старец Нифонт, исполнявший до того времени послушание казначея. Поступивши в число братии, бывший настоятель о. Исая еще год прожил и все время болел. Не будучи в силах ходить в пустынь к о. Серафиму, он никак не хотел, однако же, лишиться утешения беседовать с ним, а потому братия, по усердию, возили в тележке бывшего своего настоятеля, больного старца, в пустынь, и о. Серафим успокаивал свою беседу духовного отца и услаждал последние минуты его жизни.

4 декабря 1807 года, на 67-м году от рождения, опочил доблестный старец, оставив по себе во всех добрую память. Потеря такого собеседника, духовного отца и начальника поразила глубокой скорбью любвеобильное к нежное сердце о. Серафима. Мысли о тленности настоящей жизни, о неизбежности и нечаянности смертного часа, о страшном суде Божиим еще живее представились сердцу о. Серафима в образе почившего старца и духовного друга. Теперь уже не было в живых самых близких и лучших друзей и руководителей старца. Кости Иосифа, который учил его отеческому пути, давно почивали в могиле. Праведная душа старца Пахомия, которого о. Серафим считал не только благодетелем, но и духовным другом своим, тоже витала в загробном мире. Умер и старец Исаяя, любивший о. Серафима как свое духовное чадо и почитавший в нем высокого подвижника и мудрого собеседника. Всякий раз, проходя мимо кладбища, он считал обязанностью зайти на могилы их, преклонить колена у священного праха и вознести молитву о них Господу. Однажды в беседе с начальницей Ардатовской общины матерью Евдокией он дал ей следующее наставление: «Когда идешь ко мне, зайди на могилки, положи три поклона, прося у Бога, чтобы Он упокоил души рабов Своих: Исаяи, Пахомия, Иосифа, Марка и проч., и потом припади ко гробу, говоря про себя: простите, отцы святии, и помолитесь обо мне». Так он внушал вообще молиться о Саровских подвижниках, называя их, по высоте и горячности молитв, *огненными столпами от земли до небес*. В смерти строителя Исаяи о. Серафим утешался мыслью, что его место занял старец *Нифонт*, человек редких свойств, ценивший и любивший его. Тем не менее со смертью Исаяи последующая жизнь о. Серафима приняла новое, в аскетическом смысле высшее духовное направление. Девятый настоятель Саровской пустыни игумен Нифонт был из мещан города Темникова. Еще в отроческом возрасте он горел желанием посвятить себя на жительство в Саровской пустыни, куда убедительно и просился, но не был принят за несовершеннолетием, по правилам обители, возбраняющим принимать в монастырь отроков. По достижении же 25-летнего возраста он оставил мир и пришел в Саровскую пустынь в 1787 году, при строителе Пахомии. С первого шага он выказал твердое решение отказаться от своей воли и все свое достояние положил к ногам о. Пахомия, отдавая усердно с тем вместе и себя в послушание ему. Это удивило старца строителя и поэтому он внимательно следил за ним. Василий, как его звали в миру, надев монастырское одеяние, исполнял с усердием и смирением клиросное и келарное послушание и через 5 лет, в 1792 году (14 июня), был пострижен в монашество с переименованием в Нифонта. Добродетели и иноческие подвиги его заставили о. Пахомия просить о посвящении Нифонта в 1793 году в иеродиакона, а в 1796 году его посветили в иеромонаха и определили общим духовником братии. В 1805 г. он был сделан казначеем.

Управляя обителью, игумен Нифонт особенно заботился о поддержании монашеских правил, преподанных первоначальником, и ни одна служба без него не отправлялась. Усердие его к богослужению служило примером для всех в обители, так как он превозмогал усталость, несмотря на свою старость и слабость телесных сил. Он следил, чтобы не начали часы перед литургией, пока не прочтутся все тетрадки поминальные. С другой стороны, в его управлении обителью приобретено много украшений и возведено несколько строений. Истинные сыны обители всегда находили в нем отца и благодетеля. Отец Нифонт любил монашеский тесный и прискорбный путь, предпочитал нищету и был образчиком трудолюбия, смирения и особенно нестяжательности и целомудрия. Он изнурял свою плоть тяжкими подвигами, и слабое здоровье его, расстроенное непрерывными трудами и борьбой с обстоятельствами, постепенно угасало. Простота, соединенная с духовной мудростью, радушие и приветливость вселяли к нему невольное уважение. Из посетителей обители он никого не отпускал без того, чтобы не поселить в сердце его памяти о добром ее настоятеле. Как любитель безмолвной, пустынной жизни, для большего успеха в подвигах духовных он наблюдал строгий пост и непрестанно молился. Особенно любил и уважал о. Нифонта знаменитый настоятель новгородского Юрьева

монастыря архимандрит Фотий, который и был с ним в переписке. Любя Саровскую обитель, Тамбовские преосвященные почитали утешением для себя посещать ее.

По смерти первоначальницы Дивеевской общинки матери Александры остались три послушницы, а именно: две девицы Евдокия Мартыновна и Анастасия Кирилловна и третья – вдовица Фекла Кондратьевна, из села Дивеева. Выбирая между собой старшую, они поставили на место первоначальницы *Анастасию Кирилловну*, которая в продолжение семи лет собрала в общинку до 52 сестер. Управление ее ничем особенным не отличалось, но прошло прекрасно, тихо, с соблюдением установлений матери Александры. Ничего так не боялась Анастасия Кирилловна, как малейшего нарушения Саровского устава, и поэтому она относилась, согласно свидетельству Евдокии Мартыновны, невозможно строго к исполнению молитвенных правил и Саровского устава. Во всем она благословлялась у духовника общинки, настоятеля пустыни о. Пахомия, который до последнего дня своей жизни продолжал отечески заботиться о послушницах Дивеевской общинки. Пища привозилась по-прежнему раз в день с Саровской трапезы, а сестры работали шитьем и вязаньем для братии обители. С кончиной о. Пахомия общинка потеряла своего заботливого отца. Игумен Исаяя сделался духовным отцом Дивеевских сестер, но уже не занимался ими, как о. Пахомий.

В числе вновь поступивших послушниц была из г. Тулы вдова оружейного мастера Ксения Михайловна Милованова, по мужу Кочеулова, с малолетней дочерью Ириной Прокопьевной. До чего матушка Анастасия Кирилловна была исполнительна и строга, можно судить по ничтожному эпизоду, переданному сестрами. Однажды она увидела вдову Ксению Михайловну, собирающую сухие корки каши от трапезы для своей малолетней дочери Ирины; Ксения хотела их размочить водою и дать лишний раз голодавшей девочке, но матушка Анастасия Кирилловна сурово выговорила ей и даже определила наказание, запретив наистрожайше раз навсегда, даже ради детей, нарушать заведенный устав их: однажды только в день вкушать пищу и в назначенный, без исключения, для всех равно, час общей трапезы.

В 1796 году скончалась Анастасия Кирилловна, и ее похоронили на кладбище Казанской церкви, вблизи первоначальницы матери Александры.

Начальницей общинки, по выбору сестер, была поставлена *Ксения Михайловна Кочеулова*. Маленькая, сухая, крайне подвижная и деятельная, но плохенькая на вид, она проводила жизнь настолько сурово, неся подвиги, посильные только монахам, что о ее правлении сохранилось воспоминание, как о времени невыносимо трудном, подвижническом, но которое выработало великих стариц для будущего Дивеевского монастыря и наставниц истинной духовной жизни. Не допуская никакого исключения, снисхождения и малодушия, она даже казалась некоторым жестокой. Совершенно равная ко всем сестрам, она не жалела и своей слабой и хилой дочери Ирины Прокопьевны. Так, например, однажды кто-то подарил Ирине Прокопьевне чайник и чашечку, зная, что она под названием чая любит пить вообще горячее, как-то целебную травку или сухую малину. Узнала это матушка Ксения Михайловна и страшно огорчилась; запретила наистрожайше употреблять этот чайник и чашку. Ирина Прокопьевна обещалась не дотрагиваться до них, но Ксения Михайловна не успокаивалась и с истинным сердечным огорчением и крайним сокрушением сказала: «Что ты, что ты! Из них хотя пить-то не будешь, Оря, все же я непокойна, соблазн-то какой! Утешь ты меня старуху, Орюшка, разбей ты их, матушка, да от соблазну-то и черепки их в землю зарой! Можно ведь пить и из деревянной или чугунной посудки, а то, гляди-с, грех-то какой! Какое малодушие!» Только тогда она успокоилась, когда дочь ее, уже старица также, за святое послушание начальницы-матери, разбила чайник и чашку и зарыла глубоко в землю все черепки.

Чрезмерно суровая строгость Ксении Михайловны настолько не понравилась сестрам, собранным покойной Анастасией Кирилловной, что из 52 выбыло в первый год ее управления 40; тогда всего в общинке осталось 12 сестер, но затем стали прибывать новые, так что к 1825 году, когда батюшка о. Серафим, окончив все свои внутренние, духовные благоустрое-

ния, достиг совершенства и мог, по заповеди матушки Александры, обратить все свое внимание на устройство Дивеевской обители, обетованной Божией Матерью, в названной общинке снова собралось до 50 сестер. Стало не хватать земли для общины, и соседка-помещица графиня Толстая поэтому пожертвовала на огород 32 десятины.

Матушка Ксения Михайловна при своей строго подвижнической жизни отличалась особо сильной любовью и жалостью ко всякой вообще Божией твари. Так, однажды на единственную имевшуюся в то время в общине лошадку сестры наложили слишком много дров, и она поэтому встала. Увидев это, Ксения Михайловна разогорчилась и закричала послушникам: «Ах, ах, какие вы безжалостные! Ну, что лошадь-то как мучаете! Разве не знаете, что блажен тот, аще и скоты милует, сказал Господь!» Тут же Ксения Михайловна приказала сестрам поклониться лошадке в ноги и просить у нее прощения.

Рассказывают еще такой случай. В деревне Дивеево рядом с общинкой сделался пожар. Сестры начали выносить свое имущество и убирать, а больше всех хлопотала сама Ксения Михайловна. Наконец старица вручила послушникам тщательно закрытый и завернутый короб, вроде лукошка, и строго сказала: «Смотрите, как можно дальше унесите от пожара этот короб, да оберегите, пока горит-то, тут все нужное!» Сестры понесли, но вдруг что-то зашевелилось в коробе, и с испуга они поставили короб на землю. Открыть не смеют, боятся, но и ничего не могут понять... Смотрят, а из него начали выпрыгивать разные кошки... Расхохотались сестры, но вновь испугались, так как уstraшились строгой матушки: как ей сказать, а не сказать тоже нельзя. Наконец пошли и признались. «Глупые вы, глупые! – ответила Ксения Михайловна. – Ведь сказала я вам, что блажен, аще и скоты милует! Что скот-то – ничто, и весь токмо от единого человека зависит! Ведь если бы не я, бедные сгорели бы! Кто ж станет на скота глядеть, заботиться, спасать да тварь оберегать, а она хоть тварь, но все то ж творение Божие! Вот и дала я вам, не сказав, что даю, зная вашу безжалостность!»

Монахиня Ермиония, старица, определенная в обитель самим о. Серафимом, рассказывала, что когда она пришла к о. Серафиму, то, посылая ее жить в Дивеево к родной тетке, послушнице Евдокии Ефремовне (впоследствии монахине Евпраксии, удостоенной в день Благовещения видения Божией Матери в Серафимовой келье), батюшка сказал последней, державшей ее за руку и приведшей на благословение: «Отведи ее к матушке Ксении Михайловне. Во, матушка! – сказал старец, обращаясь к отроковице. – Ксения-то Михайловна жизни высокой, бич духовный, матушка!» «И действительно, – рассказывает монахиня Ермиония, – и вправду она была строга; станет выговаривать, думаешь, вот-вот убьет, сейчас тут умрешь, а кончит – делается прещедрая; скажет бывало: «Ну-ка, ну-ка, Оря (так звали ее дочь), прочти-ка вот ей такое-то житие!» Она сама была неграмотная. И прочтет Ирина Прокофьевна, что велит матушка». «Вот видишь ли, Евдокиюшка, – скажет Ксения Михайловна, – как трудно идти-то в Царствие Небесное, ведь оттого так-то я и выговариваю. Ну, матушка, иди! Погляди-ка, Оря, нет ли тут у нас чего, не принес ли кто чего-нибудь, дай ей!» «И мне же, бывало, чего сунув, отпустит», – говорила Евдокия Ефремовна.

Последняя жила одно время у Ксении Михайловны келейной, и у нее были две красненькие тесемочки; раз подпоясалась она ими. Увидала это матушка. «Что это, – говорит, – вражьё-то силу ты на себя надела!» Взяла Ксения Михайловна, сняла тесемочки с нее и сожгла их в печке. Не терпела она, чтобы носили хорошую одежду.

«Было это с Евдокией, – повествует монахиня Ермиония. – Раз как сшили ей первую ряску, матушка ее не видала. Пришла она в церковь, стоит, а она, наша голубушка, свою клюшкою-то и достает. «Кто это? Кто это? – спрашивает Ксения Михайловна. – Ах! Это всечестная Евдокия! Что это ты делаешь, матушка: на что это ты восемь-то бесов себе посадила! (т. е. восемь клиньев). Выпори, выпори, – говорит матушка, – четыре-то беса!» В другой раз идет тетка Евдокия двором, надев сарафан из посконного холста, только что выкрашенный, новый. Увидала матушка, кричит: «Стой! Стой!» Подошла она. «Аи, аи, матушка, – говорит она. –

Бога ты не боишься, Евдокиюшка всечестная! Что надела плисовый-то сарафан! Подбери, подбери все кругом, матушка, подрежь, чтобы рубашка была бы видна, чтоб не до полу было!» Так была строга матушка Ксения Михайловна».

Все начальницы и сестры Дивеевской общины ходили в трудные часы испытаний, горей и борьбы духовной подкрепляться молитвой на могилку незабвенной и великой старицы Матери Александры. По свидетельству сестер первой общинки, переданному протоиерею о. Василию Садовскому, и также согласно показаниям священника обители о. Александра Филиксова, все жившие при Казанской церкви священнослужители и многие другие видели по ночам на могиле матери Александры огонь и горящие свечи, по временам слышали необычайный звон, а некоторые ощущали необыкновенное благоухание, исходящее из могилы ее. Затем в могиле слышалось какое-то журчание, и поэтому сложилось поверье в народе, что источник, открывавшийся под горою, исходит из могилы матери Александры. Так называемый дальний источник матери Александры великая старица сама вырыла, когда для создаваемой ею Казанской церкви ломали камень для извести. Она приходила носить камни и для утоления жажды рабочих и прохладения от трудов и жары вырыла этот колодезь. Народ считает этот источник целебным и приносит купать в нем больных детей.

Как было уже сказано, старец о. Серафим после смерти строителя Исайи не изменил прежнего рода жизни и остался жить в пустынке. Он только принял на себя еще больший труд, а именно *молчальничество*. «Паче всего должно украшать себя молчанием, – говорил он, – ибо св. Амвросий Медиоланский говорит, что молчанием многих видел я спасающихся, многоглаголением же ни единого. И паки некто из старцев говорит: молчание есть таинство будущего века, слова же – орудия суть мира сего». Отец Серафим стал руководиться деяниями двух древних подвижников – Арсения Великого и Иоанна молчальника и пустынника. К посетителям он более не выходил. Если ему самому случалось неожиданно встретить кого в лесу, старец падал ниц лицом и до тех пор не поднимал глаз, пока встретившийся не проходил мимо. Таким образом он безмолвствовал в продолжение трех лет и некоторое время перестал посещать обитель по воскресным и праздничным дням. Один из послушников носил ему и пищу в пустынь, особенно в зимнее время, когда у о. Серафима не было своих овощей. Пища приносилась однажды в неделю, в день воскресный. Трудно было назначенному иноку совершать это послушание в зимнее время, так как в пустынку о. Серафима дороги не было. Бывало, бредет он во время вьюги по снегу, утопая в нем по колена, с недельным запасом в руках для старца-молчальника. Вошедши в сени, он произносит молитву, а старец, сказавши про себя: *аминь*, отворял дверь из кельи в сени. Сложив руки на груди крестообразно, он становился у дверей, потупив лицо долу на землю: сам ни благословит брата, ни даже взглянет на него. А пришедший брат, помолвившись, по обычаю, и поклонившись старцу в ноги, полагал пищу на лоточек, лежавший на столе в сенях.

Со своей стороны о. Серафим клал на лоточек же или малую частицу хлеба, или немного капусты. Пришедший брат внимательно замечал это. Этими знаками старец безмолвно давал знать, чего принести ему в будущее воскресенье: хлеба или капусты. И опять принесший брат, сотворив молитву, кланялся старцу в ноги и, попросив молитв его о себе, возвращался в обитель, не услышав от о. Серафима ни единого слова. Все это были только видимые, наружные знамения молчальничества. Сущность же подвига состояла не в наружном удалении от общительности, но в безмолвии ума, в отречении от всяких житейских помыслов для чистейшего посвящения себя Господу. Такое молчальничество, по описанию самого старца, имело многие плоды. Оно решительно обезоруживало диавола для борьбы с пустынножителем. «Когда мы в молчании пребываем, – говорил о. Серафим, – тогда враг, диавол, ничего не успеет относительно к потаенному сердца человеку: сие же должно разуметь о молчании в разуме. Оно рождает в душе молчальника разные плоды духа. От уединения и молчания, – говорил он, – рождаются умиление и кротость: действие сей последней в сердце человеческом можно уподо-

бить тихой воде Силоамской, которая течет без шума и звука, как говорит о ней пророк Исая: *воды Силоамли текуция тисе* (тихо) (Исайи 8, 6). В соединении с другими занятиями духа молчаливость возводит человека к благочестию. Пребывание в келье в молчании, в упражнении, в молитве и поучении день и ночь закону Божию делает человека благочестивым; ибо, по словам св. отцов, келья инока есть печь Вавилонская, в которой трие отроцы Сына Божия обретоша. Молчание приближает человека к Богу и делает его как бы земным ангелом. Ты только сиди в келье своей во внимании и молчании и всеми мерами старайся приблизить себя к Господу, а Господь готов сделать тебя из человека Ангелом: *на кого бо*, говорит Он, *воззрю, токмо на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго словес Моих* (Исайи 66). Плодом молчания, кроме других духовных приобретений, бывает мир души. Молчание учит безмолвию и постоянной молитве, а воздержание делает помысл не развлекаемым. Наконец приобретшаго сие ожидает мирное состояние». Вот как старец Серафим проходил подвиг молчаливости! Вот чего хотел он достигнуть путем сим, *возложив всю печаль свою на Господа* (1 Петр. 5, 7).

Многие из братии очень жалели об удалении старца от общежития с ними. С возложением на себя молчания он лишал их своих советов и руководства. Ближайшие к нему даже спрашивали его, зачем он уединяется, когда бы, пребывая в близком общении с братиею, мог назидать их словом и примером, не терпя ущерба и в благоустроении души своей. Старец отвечал, говоря словами св. отцов: «Возлюби прайдность безмолвия предпочтительно насыщению алчущих в мире, – сказал св. Исаак Сирий. И св. Григорий Богослов рек: прекрасно богословствовать для Бога, но лучше сего, если человек себя очищает для Бога».

Молчаливость не было, однако же, таким подвигом, на котором старец Серафим решил бы покончить жизнь свою. Чрез него, как бы лестницею, получив большее совершенство, он перешел к высшему подвижничеству, называемому *затвором*. Поводом к этому послужило следующее обстоятельство. В описываемое время настоятелем был, как уже известно, о. Нифонт, муж богобоязненный, добродетельный, отечески любивший братию, входивший во все потребности и нужды каждого брата, ревнитель устава и порядков церковных. Отец же Серафим, со времени смерти старца Исаяи, наложив на себя труд молчания, жил в пустыни своей безвыходно, точно как в затворе. Прежде он хаживал по воскресеньям и праздникам в обитель причащаться Св. Тайн. Теперь, со времени стояния на камнях, у него болели ноги, ходить он не мог. Было неизвестно, кто его причащает Св. Тайн, хотя ни на минуту не сомневались, что он без вкушения Тела и Крови Христовой не оставался. Строитель созвал монастырский собор из старших иеромонахов и вопрос о причащении о. Серафима предложил на рассмотрение. Решили же дело так: предложить о. Серафиму, чтобы он или ходил, буде здоров и крепок ногами, по-прежнему в обитель по воскресным и праздничным дням для причащения Св. Тайн, или же, если ноги не служат, перешел бы навсегда жить в монастырскую келью. Общим советом присудили спросить через брата, носившего пищу по воскресеньям, что изберет о. Серафим. Брат в первый же приход к старцу исполнил решение Саровского собора, но о. Серафим, выслушав безмолвно предложение собора, отпустил брата, не сказав ни слова. Брат, как дело было, передал строителю, а строитель велел ему повторить соборное предложение в следующее воскресенье. Принесши пищу на будущую неделю, брат повторил предложение... Тогда старец Серафим, благословив брата, вместе же с ним отправился пешком в обитель. Приняв второе предложение собора, старец показал, что он не в силах был по болезни ходить, как прежде, по воскресным и праздничным дням в обитель. Это было весной 8 мая 1810 года. Вступив в монастырские ворота после 15-летнего пребывания в пустыни, о. Серафим, не заходя в свою келью, отправился прямо в больницу. Это было днем до наступления всенощной службы. Когда ударили в колокол, о. Серафим явился на всенощное бдение в храм Успения Богородицы. Столько лет уже не бывал старец в обители! Братия удивились, когда мгновенно разнесся слух, что о. Серафим решил жить в обители. Но удивление их возросло еще более, когда произошли следующие обстоятельства. На другой день, 9

мая, в день святителя и чудотворца Николая, о. Серафим пришел, по обычаю, в больничную церковь к ранней литургии и причастился Св. Христовых Тайн. По выходе же из церкви он направил стопы свои в келью строителя Нифонта и, принявши от него благословение, водворился в прежней своей монастырской келье, к себе никого не принимал, сам никуда не выходил и не говорил ни с кем ни слова, то есть он принял на себя новый, труднейший подвиг затворничества. Молчание о. Серафима было, видимо, переходом к затвору. В келье монастырской о. Серафим продолжал то, что уже начато года три тому назад в пустыни, с которою, быть может, он и соединил бы затвор, если бы не повстречались указанные обстоятельства.

О подвигах о. Серафима в затворе известно еще менее, чем о его пустынножительстве. В келье своей он не хотел иметь, для отсечения своеволия, ничего, даже самых общих вещей. Икона, пред которой горела лампада, и отрубок пня, служивший взамен стула, составляли все. Для себя же он не употреблял даже огня. По словам Саровских старцев, в это время для умерщвления плоти, *да дух спасется*, он носил на плечах своих под рубашкой на веревках большой пятивершковый железный крест, который, вероятно, и назван веригами в прежних его жизнеописаниях. Но собственно вериг и власяницы о. Серафим не носил и другим не советовал надевать их. «Кто нас оскорбит словом или делом, и если мы переносим обиды по-евангельски – вот и вериги наши, вот и власяница! Эти духовные вериги и власяница выше железных, которые надевают на себя нынешние люди». В Дивеевском жизнеописании о. Серафима, наоборот, говорится о веригах и поясе, которые и доныне хранятся в церкви Преображения.

Послушник Иван Тихонов рассказывает (Сказание о подвигах и событиях жизни старца Серафима, с. 37), что, поступив в Саровскую пустынь 18 лет и читая жития св. отцов, решил он непременно, Господа ради, возложить на себя что-нибудь для умерщвления тела. Он в течение трех лет домогался получить чрез каких-либо духовных особ желаемые вериги или власяницу, и когда он добыл вериги, то «восхитился тщеславной мыслью, которая неприметно закралась в глубину его сердца». Когда он пришел к о. Серафиму, то великий старец сказал ему, улыбаясь: «Вот что я скажу тебе: приходят ко мне Дивеевские младенцы и просят моего совета и благословения, один носить вериги, а другие – власяницы, то как ты думаешь: по дороге ли их дорога-то? Скажи мне». Ничего не понимая, Иван Тихонов ответил: «Я, батюшка, не знаю». Когда же батюшка Серафим повторил вопрос, то Иван Тихонов, как уверяет, вдруг вспомнил, что ведь и он пришел к старцу за благословением носить вериги, а потому высказал о. Серафиму свою просьбу. «Как же ты не понимаешь? Ведь я тебе об этом-то и говорю!» – сказал о. Серафим. Затем старец начал объяснять ему все безумие его подвига. «Многие из св. отцов носили вериги и власяницу, – говорил о. Серафим, – но они были мужи мудрые и совершенные; и все это делали из любви Божией, для совершенного умерщвления плоти и страстей и покорения их духу. Но младенцы, у которых царствуют в теле страсти, противящиеся воле и закону Божию, не могут этого делать. Что в том, что наденем и вериги, власяницу, а будем спать, и пить, и есть столько, сколько нам хочется?» Затем, намекая на недостатки Ивана Тихонова, о. Серафим продолжал: «Мы не можем и самомалейшего оскорбления от брата перенести великодушно. От начальнического же слова и выговора впадаем в совершенное уныние и отчаяние, так что и в другой монастырь выходим мыслью и, с завистью указывая на других из своих собратий, которые в милости и доверенности у начальника, принимаем все его распоряжения за обиду, за невнимание и недоброжелательство к себе. Из этого рассуди сам, как мало или вовсе нет в нас никакого фундамента к монашеской жизни; и это все оттого, что мы мало о ней рассуждаем и внимаем ей».

Одежда о. Серафима теперь была та же самая, что и в пустыни. Питием его была одна вода, а в пище он употреблял только толокно да белую рубленую капусту. Воду и пищу доставлял ему брат, отец Павел, вблизи живущий, подошедши к келье, сотворив молитву, ставил пищу у дверей. Затворник, чтобы никто не видал его, накрывал себя большим полотном и, взявши блюдо, стоя на коленях, как бы принимал пищу из рук Божиих, уносил ее в келью.

Там, подкрепивши себя пищею, посуду ставил на прежнее место, опять скрывая лицо свое под полотном. Покров, набрасываемый на лицо, объясняется примерами древнейших пустынножителей, которые куколом скрывали вид свой, *во еже не видети суеты*. Случалось и так, что старец вовсе не являлся брату, и носивший пищу опять уносил все, что было предложено: старец оставлял себя без вкушения пищи.

Молитвенные труды его в затворе, по свидетельству Саровских иноков, были велики и разнообразны. Как и в пустыни, он совершал теперь *свое* правило и все ежедневные службы, кроме божественной литургии. Сверх того, он предавался подвигу умной молитвы, читая в сердце попеременно то молитву Иисусову, то Богородичну. Иногда, стоя на молитве, старец погружался в продолжительное умное созерцание Бога: он стоял пред св. иконой, не читая никакой молитвы и не кладя поклонов.

В течение недели он прочитывал весь Новый Завет по порядку: в понедельник – Евангелие от Матфея, во вторник – от Марка, в среду – от Луки, в четверг – от Иоанна, в остальные дни – Деяния и послания св. Апостолов. В сенях, сквозь дверь, иногда слышно было, как он, читая, толковал про себя Евангелие и Деяния св. Апостолов. Деяния св. Апостолов он толковал вслух довольно продолжительное время. Многие приходили и слушали его слово в сладость утешения и назидание. Иной же раз он сидел над книгой, не перебирая листов, будучи весь погружен в созерцание чистой возвышенной мысли Св. Духа. Ни один орган тела его не шевелился: очи неподвижно устремлены были на один предмет.

В течение всех лет затвора старец во все воскресные и праздничные дни причащался Св. Тела и Крови Христовой.

Для сохранения во всей чистоте затвора и молчаливоства пренебесные Тайны по благословию строителя Нифонта приносили ему из больничной церкви в келью после ранней литургии.

Чтобы никогда не забывать о часе смертном, чтобы яснее представить и ближе видеть его пред собой, о. Серафим сделал себе гроб и поставил его в сенях затворнической кельи. Здесь старец часто молился, готовясь к исходу от настоящей жизни. Отец Серафим в беседах с Саровскими братьями часто говорил насчет этого гроба: «Когда я умру, умоляю вас, братия, положите меня в моем гробе».

Из сокровенных подвигов этого времени нечаянно сделался известен один, в котором с духовным деланием старец соединял телесный труд, освежая грудь свою чистым воздухом. Это открыл случайно брат, исполнявший в монастыре послушание будильщика. Однажды утром, вставши ранее обыкновенного, послушник отправился на кладбище близ соборного храма, где почивают достоблаженные и приснопамятные пустынники. Находясь среди памятников, брат приметил у кельи о. Серафима человека, который двигался быстро взад и вперед. Воображение инока встрепенулось. Он оградил себя крестным знаменем и с молитвой стал всматриваться в ночное видение. Оказалось, это был сам подвижник, старец Серафим. Читая чуть слышно молитву Иисусову, он переносил тихонько небольшую поленницу дров с одного на другое ближайшее к келье место. Обрадованный видением затворника, который давно никому не являлся, будильщик бросился к нему в ноги и, целуя их, просил его благословения. Старец, благословив его, сказал: «Оградись молчанием и внимай себе».

Старец провел в затворе около пяти лет, потом несколько ослабил внешний вид его. Келейная дверь у него была открыта: всякий мог прийти к нему, видеть его, старец не стеснялся присутствием других в своих духовных занятиях. Некоторые, вступив в келью, предлагали разные вопросы, имея нужду в советах и наставлениях старца; но, принявши на себя обет молчания пред Богом, старец на вопросы не давал ответов, продолжая обычные занятия.

Тамбовские архиереи, любя Саровскую пустынь, с усердием посещали ее, обыкновенно раз в год в августе месяце, на храмовый праздник Успения Богородицы. В одно из таких посещений епископ Иона (впоследствии экзарх Грузии), желая видеть о. Серафима, пришел было

к его келье, но старец, твердо исполняя свои обеты пред Богом и опасаясь человекоугодничества, не нарушил своего молчания и затвора. Отец Серафим в настоящем обстоятельстве мог руководствоваться еще примером Арсения Великого, которому подражал в подвигах затвора и молчания. Феофил, архиепископ Александрийский, желая прийти к Арсению, послал наперед узнать, отворит ли он ему двери? Арсений отвечал: «Если для тебя отворю, то и для всех отворю». Феофил сказал: «Лучше мне не ходить к нему». Так и о. Серафиму еще не наступило время – хотя и недалеко уже оно было – оставить затвор. Игумен Нифонт предлагал было снять двери с крюков, думая, вероятно, не отошел ли старец уже ко Господу; но преосвященный Иона не согласился на это, говоря: «Как бы не погрешить нам». Оставив старца, он удалился в мире из обители. Через неделю после этого случая прибыл в Саров тогдашний тамбовский губернатор Александр Михайлович Безобразов, с ним была жена его, и оба они пожелали принять благословение о. Серафима. В это время, видно, окончился срок строгого затворничества и молчания, положенный на сердце о. Серафимом. Когда губернатор с женой подошли к келье, старец сам отворил первым им двери своего затвора и благословил их. Это было через десять лет после начала затвора. С этого времени начали приходиться к нему многие из братии, с которыми он стал уже вступать в беседу.

Так, из братии нередко бывал у о. Серафима инок Гавриил. Вступивши в обитель, он два года не видал о. Серафима и после очень жалел об этом, но когда пришел к отцу Серафиму, старец с первого же раза привлек к себе его сердце. Со своей стороны и Гавриил полюбился старцу, ибо он имел сердце чистое, прямое, со всеми обращался как перед Богом, удаляясь всякой скрытности. После сего этот Гавриил пять лет находился под руководством чудного старца, пережив в обители и его кончину. Если что смущало молодого инока, располагало к искушениям, он шел к старцу Серафиму, тревожимый страхом, но после беседы с ним возвращался в свою келью в мире и восхищении духовном. И во всем простосердечный Гавриил поступал так, как руководствовал его батюшка о. Серафим.

Много сказано было ему на пользу вперед. Не скрыл батюшка Серафим и того, как много горестного предстоит молодому иноку на пути жизни. По переселении о. Серафима в вечность Гавриил с восхищением вспоминал о его жизни и своих беседах с ним и с глубокою горестью говорил о важности сей потери для него. В отраду же сердца и жизни он взял и всегда имел при себе портрет старца Серафима.

Здесь представим в общих чертах те наставления, какие делал старец приходящим к нему инокам Саровской обители. Все было направлено к утверждению их в соблюдении правил иночества. Он внушал братии совершать церковное богослужение неопустительно по церковному уставу и, присутствуя в храме, сам следил за этим делом, советовал всем ходить на церковные службы, на молитве в церкви стоять с закрытыми очами, во внутреннем внимании; открывать же разве тогда, как уныешь или сон отягощать станет; обращать в таком случае глаза на образ или на горящую свечу! Развивая эту мысль подробнее, о. Серафим учил так: «На жизнь нашу смотреть надобно, как на свечу, делаемую обыкновенно из воска и светильни и горящую огнем. Воск – это наша вера, светильня – надежда, а огонь – любовь, которая все соединяет вместе, и веру и надежду, подобно тому, как воск и светильня горят вместе при действии огня. Свеча дурного качества издает смрад при горении своем и угасая – так смрадна в духовном смысле и жизнь грешника пред Богом. А потому, глядя на горящую свечу, особенно когда стоим в Божием храме да вспоминаем начало, течение и конец нашей жизни; ибо как тает свеча, зажженная пред ликом Божиим, так с каждою минутою умалется и жизнь наша, приближая нас к концу. Эта мысль поможет нам менее развлекаться в храме, усерднее молиться и стараться, чтоб жизнь наша пред Богом похожа была на свечу из чистого воска, не издающую смрада». Отец Серафим внушал непрестанно заниматься умною молитвою, каждому проходить неопустительно и усердно свое послушание, не вкушать пищи до времени, определенного уставом: на трапезу непременно ходить, хотя бы и не хотел кто кушать, чтобы отсут-

ствием не соблазнял братии; за трапезою сидеть с благоговением и страхом Божиим, с благодарностью вкушать предлагаемое; без уважительной причины и благословения не выходить за ворота монастыря, а тем более не покидать совсем иноческого пути, удерживаться от своеволия, гибельные последствия которого неисчислимы; терпеливо сносить все искушения для спасения души (Мф. 10, 22), хранить взаимный мир. Бог обитает только в жилище мира, как сказано: *в мире место Его* (Пс. 75, 3).

На иноке, который исправлял в больничной церкви пономарскую должность, лежало послушание ежедневно, после каждой литургии, носить к о. Серафиму часть св. антидора, собственно для него отделяемую. Затворник иногда сам принимал этот дар, а иногда не являлся к принесшему брату. Последний полагал в таком случае часть антидора в чистую сумочку, для сего повешенную у двери, и, сотворив молитву, якоже обычно, удалялся восвояси. Из больничной же церкви по воскресным и праздничным дням ему носили в келью Св. Дары для причащения.

Глава VII

Явление Божией Матери о. Серафиму в 1815 году и окончание затвора. Примеры прозорливости. Михаил Васильевич и Елена Васильевна Мантуровы. Возложение о. Серафимом подвига самопроизвольной нищеты на М. В. Мантурова. Труды Михаила Васильевича в Дивееве. Столкновение начальницы общинки Ксении Михайловны с Московским генерал-губернатором графом Закревским и вмешательство о. Серафима. Загадочные поручения, даваемые батюшкой Михаилу Васильевичу. Странная судьба Елены Васильевны Мантуровой. Семейство Мелюковых. Дивный отрок Мария Семеновна. Прасковья Семеновна – славная раба Божия и племянница ее Елена Ивановна. Иван Семенович Мелюков и рассказ его о батюшке о. Серафиме. Ксения Васильевна Путкова. Священник отец Василий Никитич Садовский.

В 1815 году Господь, по новому явлению о. Серафиму Пречистой Матери Своей, повелел ему не скрывать своего светильника под спудом и, отворив двери затвора, быть доступным и видимым для каждого. Поставя себе в пример Илариона Великого, он стал принимать всех без исключения, беседуя и поучая спасению. Маленькая келья его освещалась всегда одной только лампадой и возжженными у икон свечами. Она не отапливалась никогда печкой, имела два маленьких оконца и была всегда завалена мешками с песком и камнями, служившими ему вместо постели, обрубок дерева употреблялся вместо стула, и в сенях дубовый гроб, изготовленный его же руками. Келья растворялась для всех братии монастыря во всякое время, для сторонних после ранней обедни до 8 ч. вечера. Теперь жизнь старца приняла новое христиански-общественное направление. До сих пор он видимо заботился об одном себе и о спасении души своей. Деятельность его о спасении ближних исключительно состояла в молитве о всем мире, о живых и усопших православных христианах. По свойству пустынножительства и затвора, практическая польза и руководство ближних еще не входили в разряд его действий. До сих пор духовно работая над собою, он только готовился выйти на поле общественного служения. Теперь настало такое время, с которого о. Серафим, ставши в духовной жизни выше множества христиан и чувствуя подкрепление со стороны благодати Божией, посвятил себя подвигам веры и душеспасительного назидания и руководства ближних.

Старец принимал к себе всех охотно, давал благословение, и каждому, смотря по душевным потребностям, делал различного рода краткие наставления. Приходящих старец принимал так: он одет был в обыкновенный белый балахон и полумантию; на шее имел епитрахиль и на руках поручи. Епитрахиль и поручи он носил на себе не всегда при приеме посетителей, а в те лишь дни, когда причащался Св. Тайн, следовательно, по воскресным и праздничным дням. В ком видел он искреннее раскаяние во грехах, кто являл в себе горячее усердие к христианскому житию, тех принимал с особенным усердием и радостью. После беседы с ними он, заставив их склонить голову, возлагал на нее конец епитрахили и правую руку свою, предлагая произносить за собою следующую покаянную молитву: *«Согрешил я, Господи, согрешил душою и телом, словом, делом, умом и помышлением и всеми моими чувствами: зрением, слухом, обонянием, вкусом, осязанием, волею или неволею, ведением или неведением»*. Сам затем произносил молитву разрешения от грехов: *«Господь и Бог наш Иисус Христос, благодатию и щедротами человеколюбия Своего, да простит ти, чадо (имя его), вся согрешения твоя, и аз, недостойный иеромонах Серафим, властью Его, мне данною, прощаю и разрешаю тя от всех грехов твоих, во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, Аминь»*. При последних словах он благословлял наклоненную голову пришедшего. Старец делал это по обычаю, доселе существующему на Востоке между освященными, то есть имеющими степень священства, аввами. Получившие разрешение чувствовали облегчение совести и вкушали несродное земным благам духовное удовольствие. По окончании такого действия он помазывал крестообразно чело пришедшего елеем от св. иконы, и если это было ранее полудня, следовательно, до принятия

пищи, давал вкушать из чаши *великой агиасмы*, то есть св. богоявленской воды, благословлял частицею антидора либо св. хлеба, освящаемого на всенощном богослужении. Потом, целуя пришедшего в уста, говорил во всякое время: «*Христос воскрес!*», – и давал прикладываться к образу Божией Матери или ко кресту, висевшему у него на груди. Иногда же, особенно знатным особам, он советовал зайти в храм помолиться Матери Божией пред св. иконой Ее Успения или Живоносного Источника.

Если пришедший не имел нужды в особенных наставлениях, то старец делал общехристианское назидание. В особенности он советовал всегда иметь память о Боге и для сего непрестанно призывать в сердце имя Божие, повторяя молитву Иисусову: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго*. «В этом да будет, – говорил он, – все твое внимание и обучение! Ходя и сидя, делая и в церкви до начала богослужения стоя, входя и исходя, сие непрестанно содержи на устах и в сердце твоём. С призыванием, таким образом, имени Божия, ты найдешь покой, достигнешь чистоты духовной и телесной, и вселится в тебя Св. Дух, источник всех благ, и управит Он тебя во святине, во всяком благочестии и чистоте».

Из частных наставлений отца Серафима было еще: «Ради будущего блаженства стяжите целомудрие, храните девство. Дева, хранящая свое девство ради любви Христовой, имать честь со Ангелами и есть невеста Христу: Христос есть Жених ей, вводящий ю в Свой чертог небесный. Всякая человеческая душа есть дева; душа же, во грехах пребывающая, вдова нерадивая, в сластолюбии заживо умершая».

Многие, приходя к о. Серафиму, жаловались, что они мало молятся Богу, даже оставляют необходимые дневные молитвы. Иные говорили, что делают это по безграмотству, другие – по недосугу). Отец Серафим завещал таким людям следующее молитвенное правило: «Вставши от сна, всякий христианин, став пред св. иконами, пусть прочитает молитву Господню «Отче наш» трижды, в честь Пресвятой Троицы, потом песнь Богородице «*Богородице Дево, радуйся*» – также трижды, и наконец Символ веры: «*Верую во Единого Бога*» – единожды.

Совершив это правило, всякий христианин пусть занимается своим делом, на которое поставлен или призван. Во время же работы дома или на пути куда-нибудь пусть читает тихо: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго или грешную*; а если окружают его другие, то, занимаясь делом, пусть говорит умом только это: *Господи, помилуй*, и продолжай до обеда.

Пред самым же обедом пусть совершает вышепоказанное утреннее правило.

После обеда, исполняя свое дело, всякий христианин пусть читает также тихо: «*Пресвятая Богородице, спаси мя грешнаго*», и это пусть продолжает до самого сна.

Когда случится ему проводить время в уединении, то пусть читает он: «*Господи Иисусе Христе, Богородицею помилуй мя грешнаго или грешную*».

Отходя же ко сну, всякий христианин пусть опять прочитает вышепоказанное утреннее правило, то есть трижды *Отче наш*, трижды *Богородице* и однажды *Символ веры*. После того пусть засыпает, оградив себя крестным знамением».

Относительно достоинства этого малого правила о. Серафим толковал, что, держась его, можно достигнуть меры христианского совершенства, ибо означенные три молитвы – основание христианства: первая – как молитва, данная Самим Господом, есть образец всех молитв; вторая – принесена с неба Архангелом в приветствие Деве Марии, Матери Господа. Символ же вкратце содержит в себе все спасительные догматы христианской веры.

Если кому невозможно выполнить, как бы следовало, и этого малого правила по обстоятельствам благословным, то старец советовал читать его во всяком положении: и во время занятий, и на ходьбе, и даже на постели, помня слова Господа: всякий, кто только призывает имя Господне, *спасется* (Иоил. 2, 32; Римл. 10, 13).

А кто располагает временем больше, чем какое требуется на это правило, и вдобавок он человек грамотный, тот пусть к этому присоединяет и другие полезные молитвословия и

чтения, как-то: чтение нескольких зачал из св. Евангелия и Апостолов, чтение канонов, акафистов, псалмов и разных других молитв. Читая же, пусть благодарит он Господа со всяким смирением и за то, что имел время принести Ему в жертву и еще нечто из священных плодов. Таким путем христианин мало-помалу может подниматься наверх христианских добродетелей.

В качестве посетителей к нему являлись и знатные государственные люди. Отец Серафим относился к ним с должной честью и с христианской любовью и, беседуя с ними в таком духе, обращал внимание на важность их сана, поучая их отсюда быть верными св. Православной Церкви, своему природному государю и отечеству. Указывая на знаки отличия, украшающие грудь их, он напоминал им о Христе Иисусе, ради спасения нашего распятом на кресте, и говорил, что знаки сии должны служить им живой проповедью о их обязанности: быть всегда готовыми жертвовать всем, даже, если нужно, самую жизнь для блага родины и Церкви. Более же всего, по нуждам того времени, он умолял их охранять великую, святую православную, кафолическую Церковь, сильно колеблемую и внешними бедствиями, и суетными мудрованиями века. «Этого, – говорил он, – ждет от вас народ русский, к тому должны побуждать вас совесть, для сего избрал вас и возвеличил государь, к этому обязывает св. Церковь и Сам Господь Бог, ее основатель и хранитель».

В 1825 или 1826 году великий князь Михаил Павлович, посетив (инкогнито) Саровскую обитель, в проезд через Тамбов и Пензу, также заходил к старцу Серафиму и принял от него благословение.

Еще гораздо более являлось к нему простых людей, которые требовали не одних советов, но подчас и помощи. Так, однажды прибежал в обитель простой крестьянин с шапкой в руке, с растрепанными волосами, спрашивая в отчаянии у первого встречного инока: «Батюшка! Ты, что ли, о. Серафим?» Ему указали о. Серафима. Бросившись туда, он упал к нему в ноги и убедительно говорил: «Батюшка! У меня украли лошадь, и я теперь без нее совсем нищий; не знаю, чем кормить буду семью. А говорят, ты угадываешь». Отец Серафим, ласково взяв его за голову и приложив к своей, сказал: «Огради себя молчанием и поспеши в *такое-то* (он назвал его) село. Когда будешь подходить к нему, свороти с дороги вправо и пройди задами четыре дома, там ты увидишь калиточку, войди в нее, отвяжи свою лошадь от колоды и выведи молча». Крестьянин тотчас с верою и радостью побегал обратно, нигде не останавливаясь. После в Сарове был слух, что он действительно отыскал лошадь в показанном месте.

Другой подобный сему случай рассказывал о. Павел, инок Саровский. «Однажды привел я, – говорит он, – к о. Серафиму молодого крестьянина с уздой в руках, плакавшего о потере своих лошадей, и оставил их одних. Через несколько же времени, встретив опять этого крестьянина, я спросил у него: «Ну, что? Отыскал ли ты своих лошадей?»

«Как же, батюшка, отыскал», – отвечал крестьянин.

«Где и как?» – спросил я еще его.

А он отвечал: «Отец Серафим сказал мне, чтобы я шел на торг и там увижу их. Я и вышел, и как раз увидел и взял к себе моих лошадок»».

Жена управляющего селом Елизарьевым, находящимся в Ардатовском уезде Нижегородской губернии, А. И. Моляева, рассказывала следующий случай прозорливости о. Серафима, принадлежавший настоящему времени: «Муж мой Николай Кириллович Моляев, лишившись места управляющего в селе Елизарьево, вскоре получил такое же место в селе Череватове, Ардатовского же уезда, и здесь жестоко занемог; это было в 1822 году. Зная мою преданность к о. Серафиму и его ко мне благоволение, он послал меня к нему попросить его св. молитв и благословения и спросить: может ли он надеяться на выздоровление или нет?

Я отправилась в Саров и, по прибытии моем туда, нашла, что о. Серафим затворился и никого к себе не принимал. Несмотря на то, я пробралась сквозь множество народа, ожидавшего выхода о. Серафима, к его келье, и вдруг старец Божий, как бы провидя мою крайнюю нужду видеть его, показался в дверях своей кельи и, не обращая внимания на остальной народ,

обратился ко мне и сказал: «Дочь Агриппина, подойди ко мне скорее, потому что тебе нужно поспешить домой». Когда я подошла к нему, он, предупреждая слова мои, дал мне св. воды, антимона, красного вина и несколько сухарей и сказал: «Вот, скорее вези это к своему мужу». Потом, взяв мою руку, он положил ее к себе на плечо и, дав осязать бывший на нем большой железный крест, сказал: «Вот, дочь моя, сперва мне было тяжело носить это, но ныне весьма приятно. Спеши же теперь и помни мою тяжесть. Прощай». С этими словами он благословил меня и ушел опять в свою келью, где снова затворился и никого к себе не принимал. По приезде домой я нашла своего мужа при последних минутах жизни; у него уже отнялся язык. Тогда я вспомнила о кресте старца и поняла, что он предсказывал мне о трауре. Едва дала я, по приказанию о. Серафима, больному красного вина с антимонем и потом св. воды, больной снова заговорил и сказал: «Прости меня, святой отец, в последний раз получаю от тебя благословение». После этих слов он благословил еще детей наших, простился со мной и сказал: «Велики дела о. Серафима!» – лег снова и мирно отошел к Господу».

Нижегородской губернии Ардатовского уезда, в родовом своем имении селе Нуче, жили сироты, брат с сестрой, дворяне-помещики Михаил Васильевич и Елена Васильевна Мантуровы. Михаил Васильевич много лет служил в Лифляндии на военной службе и женился там на лифляндской уроженке Анне Михайловне Эрнц, но затем так сильно заболел, что принужден был оставить службу и переехать на жительство в свое имение, село Нучу. Елена Васильевна, гораздо моложе своего брата по годам, была веселого характера и мечтала только о светской жизни и скорейшем замужестве.

Болезнь Михаила Васильевича Мантурова имела решающее влияние на всю жизнь его, и самые лучшие доктора затруднялись определить ее причину и свойства. Таким образом, всякая надежда на медицинскую помощь была потеряна, и оставалось обратиться за исцелением к Господу и Его Святой Церкви. Молва о святой жизни батюшки о. Серафима, обежавшая уже всю Россию, конечно, достигла и села Нучи, лежавшего всего в 40 верстах от Сарова. Когда болезнь приняла угрожающие размеры, так что у Михаила Васильевича выпадали кусочки кости из ног, он решился ехать, по совету близких и знакомых, в Саров к о. Серафиму. С большим трудом он был приведен крепостными людьми своими в сени кельи старца-затворника. Когда Михаил Васильевич, по обычаю, сотворил молитву, батюшка о. Серафим вышел и милостиво спросил его:

– Что пожаловал, посмотреть на убогого Серафима?

Мантуров упал ему в ноги и стал слезно просить старца исцелить его от ужасного недуга. Тогда с живейшим участием и отеческой любовью трижды спросил его о. Серафим: «Веруешь ли ты Богу?» И получив, также трижды, в ответ самое искреннее, сильное, горячее уверение в безусловной вере в Бога, великий старец сказал ему: «Радость моя! Если ты так веруешь, то верь же в то, что верующему все возможно от Бога, а потому веруй, что и тебя исцелит Господь, а я, убогий Серафим, помолюсь». Затем о. Серафим посадил Михаила Васильевича близ гроба, стоящего в сенях, а сам удалился в келью, откуда спустя немного времени вышел, неся с собою святого елея. Он приказал Мантурову раздеться, обнажить ноги и, приготовившись потерять их принесенным святым елеем, произнес: «По данной мне от Господа благодати, я первого тебя врачую!» Отец Серафим помазал ноги Михаилу Васильевичу и надел на них чулки из посконного холста. После того старец вынес из кельи большое количество сухарей, высыпал ему их в фалды сюртука и приказал так и идти с ношею в монастырскую гостиницу. Михаил Васильевич вначале исполнил приказание батюшки не без страха, но затем, удостоверившись в совершенном с ним чуде, пришел в невыразимую радость и какой-то благоговейный ужас. Несколько минут тому назад он не был в состоянии взойти в сени к о. Серафиму без посторонней помощи, а тут вдруг по слову святого старца нес уже целую грудку сухарей, чувствуя себя совершенно здоровым, крепким и как бы никогда не болевшим. В радости он бросился в ноги о. Серафиму, лобызая их и благодаря за исцеление, но великий старец приподнял Михаила

Васильевича и строго сказал: «Разве Серафимово дело мертвить и живить, низводить во ад и возводить? Что ты, батюшка! Это дело единого Господа, Который творит волю боящихся Его и молитву их слушает! Господу всемогущему да Пречистой Его Матери даждь благодарение!» Затем о. Серафим отпустил Мантурова. Прошло некоторое время. Вдруг Михаил Васильевич с ужасом вспомнил про прошедшую болезнь свою, которую он уже начал совершенно забывать, и решил еще раз съездить к о. Серафиму, принять его благословение. Дорогою Мантуров размышлял: ведь должен же я, как сказал батюшка, поблагодарить Господа. И только он приехал в Саров и вошел к о. Серафиму, как великий старец встретил его словами: «Радость моя! А ведь мы обещались поблагодарить Господа, что Он возвратил нам жизнь-то!» Удивясь прозорливости старца, Михаил Васильевич ответил: «Я не знаю, батюшка, чем и как; что же вы прикажете?!» Тогда о. Серафим, взглянув на него особенным образом, весело сказал: «Вот, радость моя, все, что ни имеешь, отдай Господу и возьми на себя самопроизвольную нищету!» Смущенный Мантуров; тысяча мыслей пробежали у него в голове в один миг, ибо он никак не ожидал такого предложения со стороны великого старца. Ему вспомнился Евангельский юноша, которому Христос предложил также добровольную нищету для совершенного пути в Царство Небесное... Ему вспомнилось, что он не один, имеет молодую жену и что, отдав все, нечем будет жить... Но прозорливый старец, уразумев мысли его, продолжал: «Оставь все и не пекись о том, о чем ты думаешь; Господь тебя не оставит ни в сей жизни, ни в будущей; богат не будешь, хлеб же насущный все будешь иметь». Горячий, впечатлительный, любящий и готовый, по чистоте своей души, исполнить каждую мысль, каждое требование столь великого и святого старца, которого он видел всего второй раз, но любил уже, без сомнения, больше всего на свете, Михаил Васильевич тотчас ответил: «Согласен, батюшка! Что же благословите мне сделать?» Но великий и мудрый старец, желая испытать пылкого Михаила Васильевича, ответил: «А вот, радость моя, помолимся, я укажу тебе, как вразумит меня Бог!» После этого они расстались, как будущие друзья и самые верные слуги Дивеевской обители, избранной Царицей Небесною Себе в земной жребий. По благословию батюшки о. Серафима Михаил Васильевич Мантуров продал свое имение, отпустил на свободу крепостных людей своих и, сохранив до времени деньги, купил только в селе Дивееве 15 десятин земли, на указанном ему о. Серафимом месте, со строжайшей заповедью: хранить эту землю, никогда не продавать, никому не отдавать ее и завещать после смерти Серафимовой обители. На этой земле Михаил Васильевич поселился с женой и стал терпеть недостатки. Он претерпевал множество насмешек от знакомых и друзей, а также упреков от своей жены Анны Михайловны, лютеранки, вовсе не подготовленной к духовным подвигам, молодой женщины, не терпящей бедности, весьма нетерпеливого и горячего характера, хотя, в общем, хорошей и честной особы. Всю жизнь свою чудесный Михаил Васильевич Мантуров, истинный ученик Христов, терпел унижения за свой евангельский поступок. Но он переносил все безропотно, молча, терпеливо, смиренно, кротко, с благодушием, по любви и необычайной вере своей к святому старцу, во всем беспрекословно его слушаясь, не делая шага без его благословения, как бы предав всего себя и всю жизнь свою в руки о. Серафима. Неудивительно, что Михаил Васильевич стал наивернейшим учеником о. Серафима и ближайшим, любимейшим его другом. Батюшка о. Серафим, говоря о нем с кем бы то ни было, не иначе называл его, как «Мишенька», и все, касающееся устройства Дивеева, поручал только ему одному, вследствие чего все знали это и свято чтили Мантурова, повинуюсь ему во всем беспрекословно, как бы распорядителю самого батюшки.

До какой степени доходила нужда и что переживали Мантуровы, неся крест добровольной нищеты, можно судить по записанному рассказу самой Анны Михайловны, когда она жила в Дивееве вдовой и тайною монахиней. «Часто и почти непрестанно, – говорила Анна Михайловна, – я роптала и негодовала на покойного мужа за произвольную нищету его. Говорю я, бывало: ну, можно почитать старца, можно любить его и верить ему, да уже не до такой степени... Михаил Васильевич все, бывало, слушает, вздыхает и молчит. Меня это еще более

раздражало. Так вот раз, когда мы до того уже дошли зимою, что не было чем осветить комнату, а вечера длинные, тоскливые, темные, я раздосадовалась, разворчалась, расплакалась без удержу, сперва вознегодовала на Михаила Васильевича, потом на самого батюшку о. Серафима, начала роптать и жаловаться на горькую судьбу мою. А Михаил Васильевич все молчит да вздыхает... Вдруг слышу какой-то треск... Смотрю, Господи, страх и ужас напал на меня. Боюсь смотреть и глазам своим не верю... Пустая, без масла лампада у образов вдруг осветилась белым огоньком и оказалась полною елєю. Тогда я залилась слезами, рыдая и все повторяя: батюшка Серафим, угодник Божий, прости меня, Христа ради, окаянную, роптунью, недостойную, никогда более не буду! И теперь без страха не могу вспомнить этого. С тех пор я никогда не позволяла себе роптать, и как ни трудно бывало, а все терпела». (Записки Н. А. Мотовилова и тетрадь № 1 рассказов, записанных за монахинями.)

Отец Серафим после исцеления М. В. Мантурова начал принимать других посетителей и, верный обещанию, данному о. Пахомию, не забывал Дивеевской общины. Он посылал некоторых послушников к начальнице Ксении Михайловне и, ежедневно молясь о них, получал откровения о будущем этой общины, что видно из поручений, даваемых им Михаилу Васильевичу Мантурову. Последний довольно часто уже ездил в Дивеево. Вскоре произошел весьма неприятный эпизод из-за наговоров управляющего местного помещика, знаменитого генерал-губернатора г. Москвы, графа Закревского. По приезде последнего в свои имения почему-то управляющему его потребовалось доложить, что Дивеевская общинка есть не что иное, как скопище развратных беглых девок. Граф Закревский потребовал к себе в контору почтенную старицу Ксению Михайловну и, не разобрав ничего, при всех неслыханно грубо оскорбил ее. Михаил Васильевич в негодовании поспешил рассказать все произошедшее батюшке о. Серафиму. Старец же поручил Михаилу Васильевичу, не горячась и не оскорбляя, кротко объяснить всеильному графу его ошибку, заключающуюся в превратном понимании новоустроившейся во славу Божию общины, и выразить ему, что он совершенно напрасно оскорбил ничем неповинную Божию старицу; затем, низко кланяясь графу, смиреннейше благодарить его за им соделываемое благодеяние этой же общинке. Всегда буквально и беспрекословно послушный Михаил Васильевич дождался приезда вельможи в Саров и, по выходе его из храма, громко при всех, не боясь силы и славы графа Закревского, выразил ему все, что приказал старец, и на непозволительно грубые за то ругательства и угрозы рассерженного всеильного генерал-губернатора смирил себя, подавил свое негодование, перенес молча оскорбления своего достоинства и, всеусерднейше кланяясь, благодарил его за соделываемое им благодеяние этой же общинке. Впоследствии подтвердилось и объяснилось предсказание о. Серафима. Приехав в Москву, граф Закревский поднял большой шум, выразил свое негодование, по которому было немедленно наряжено два следствия об общинке: светское и духовное, которые окончились полным оправданием ее и официальным признанием ее общинкой при Казанской церкви. Хотя она и не получила вполне документальное утверждение от епархии, тем не менее как бы приобрела чрез это законное дозволение на свое существование.

Протоиерей о. Василий Садовский пишет в своих записках по этому поводу следующее: «Матушка Ксения Михайловна правила 60 сестрами целых 43 года. Когда графиня Толстая, проездом в свои имения, посетила общинку и убедилась в богоугодном житии сестер, то, соболезнуя убогому их положению, подарила им небольшую полосу своей земли, прилегающую к земле общинки. За это враг, не терпящий богоугодного жития сестер и водворения здесь обители, воздвигнул, по попущению Божию, великую на них скорбь и смуту. Ксении Михайловне даровано было претерпеть и понести унижение, клевету ради общинки. Вот как это было: узнав о подаренной графиней полосе земли, недовольный за то управляющий зятя ее, тогда Московского генерал-губернатора графа Закревского, немедля донес о том своему господину, елико возможно грязно и черно оклеветав собрание сестер в с. Дивеево, и все выставил в совершенно превратном виде. Почему верующий правдивости его слов граф, проездом в

свои имена, при виде ничего не значащей и подошедшей к нему с просьбой старицы Ксении Михайловны, вскипел негодованием до самозабвения и грозно закричал: «Ах ты, старая развратница!» Осыпав ее потоком ругательных слов, граф велел вытолкать старицу вон, но она, не будучи в состоянии даже что-либо вымолвить, зашаталась и тут же упала замертво, так что долго не могли ее привести в сознание...

Зная батюшку Серафима за раба Божия и великого прозорливца, матушка Ксения Михайловна после этого случая стала еще строже, суровее и часто говорила: «Дитятки, дитятки! Живите вы посмирнее, ведь батюшка-то Серафим сказал мне: никак тебе не обойтись, матушка, хотя и перед концом твоей жизни, а непременно, как хочешь, должна будешь ты посидеть в темнице! Вот так я и гляжу, – *накличете* вы чего, и засадят меня из-за вас в темницу!»»

В 1823 году однажды потребовал к себе батюшка о. Серафим Михаила Васильевича и, взяв колышек, перекрестился, поцеловал его, то же самое велел сделать Мантурову, потом поклонился своему Мишеньке в ноги и сказал: «Ступай ты, батюшка, в Дивеево; как придешь, стань там напротив самого среднего алтарного окна Казанской церкви, отсчитай столько-то шагов (число забыто), и как отсчитаешь их, батюшка, тут будет межка; вот от нее ты еще, батюшка, отсчитай столько-то шагов (число забыто), и придет пахотная земля; потом отсчитай еще столько-то шагов (число забыто), и придет луговина; тут как придешь, по глазомеру считай, батюшка, где придется самая срединка, да в срединке-то самой этот колышек и вбей, чтобы хоть немного, а видно бы его было; вот, батюшка, что прошу тебя, сделай это!» Поехал Михаил Васильевич в Дивеево и, очутившись на указанном батюшкой заглазно месте, пришел просто в ужас от удивления. Это было только поле, и все его шаги сошлись с батюшкиными размерами. Мантуров исполнил все в точности и вбил колышек в назначенном месте. Когда Михаил Васильевич вернулся с докладом к батюшке, то о. Серафим опять молча поклонился ему в ноги и был необыкновенно радостен и весел. Целый год о. Серафим ничего не вспоминал о колышке и отмеренном поле в Дивеево, так что Михаил Васильевич, ровно ничего не зная и не понимая в притче великого старца, порешил, что о. Серафим забыл уже это. Но вдруг батюшка, потребовав Михаила Васильевича к себе, дал ему на этот раз уже четыре небольших колышка, перекрестившись, поцеловав их, и заставил Мантурова сделать то же, поклонился ему в ноги и сказал: «Теперь, батюшка, сходи опять туда же в Дивеево, на то место, где, помнишь, ты в прошлый год вбил колышек, и там, по равному же размеру, по четырем углам, около большого-то колышка, и вбей эти четыре; а чтобы как-либо не затерялись они, батюшка, ты возьми камешков, да и положи на них по кучке, чтобы после не спутаться, а заметно бы место их было!» Исполнив в точности, Мантуров вернулся с докладом к батюшке. Отец Серафим опять молча, но весело и радостно встретил его и поклонился ему в ноги. Терялся Михаил Васильевич в догадках, что это все значило и что должно совершиться, а спросить не осмеливался. Наконец в 1826 году на этом самом месте возникла мельница – питательница дивеевских сирот.

Сестре Михаила Васильевича Елене Васильевне в 1822 году едва минуло 17 лет, и она сделалась невестой. Успокоенный с этой стороны, Михаил Васильевич не видел препятствия удалиться от мира и служить всецело Господу и о. Серафиму. Но жизнь Елены Васильевны как-то вдруг непонятно странно изменилась. Искренно и горячо любя жениха своего, который ей чрезвычайно нравился, она неожиданно отвергла его, сама того не понимая: «Не знаю почему, не могу понять, – говорила она брату, – он мне не дал повода разлюбить себя, но, однако, страшно мне опротивел!» Свадьба расстроилась, и крайне веселый характер ее, любовь к светской, общественной жизни, молодость, стремление к веселию и забавам пугали родных и не предвещали хорошего, при семейной ее обстановке. О духовном она, конечно, не имела ни малейшего понятия.

Вскоре скончался единственный богатый родственник Мантуровых, давно из виду потерянный, отец их матери. Находясь при смерти, дедушка через газеты вызывал их к себе, дабы передать им свое состояние. Михаила Васильевича в то время не было дома, а потому, чтобы не замедлить, Елене Васильевне пришлось ехать одной с дворовыми людьми. Недолго думая, она отправилась, но уже не застала деда в живых и присутствовала только на похоронах. Потрясенная этим несчастьем, она заболела горячкой и, как только немного окрепла, пустилась в обратный путь. В уездном городе Княгинине Нижегородской губернии пришлось остановиться на почтовой станции, и Елена Васильевна вздумала напиться в ней чаю, для чего послала людей распорядиться, а сама осталась сидеть в карете. Хотя человек отговаривал свою барышню и настаивал, чтобы она отдохнула в почтовой комнате, но Елена Васильевна уступила только, обещав пить чай на станции, а пока его готовят, осталась сидеть в карете. Не смея далее прекословить своей госпоже, люди поспешно занялись приготовлением чая, и когда пришло время, горничная выслала лакея просить барышню кушать. Едва успел лакей спуститься по лестнице на подъезд станции, как вскрикнул при виде Елены Васильевны и замер на месте. Она стояла во весь рост, совершенно опрокинувшись назад, едва держалась конвульсивно за дверцу полуоткрытой кареты, и на лице выражались такой ужас и страх, что немыслимо передать его словами. Немая, с сильно увеличенными глазами, бледная как смерть, она уже не могла держаться на ногах, казалось – еще момент, и она упадет на землю замертво. Лакей и все сбежавшиеся на его крик люди кинулись на помощь к Елене Васильевне, бережно взяли ее и внесли в комнату. Пробовали узнать, в чем дело, спрашивали ее, но Елена Васильевна лишилась языка и оставалась в бессознательном положении или, вернее, в оцепенении от охватившего ее ужаса. Горничная, предполагая, что барышня умирает, сказала: «Не позвать ли вам священника, барышня?» После того как она несколько раз повторила этот вопрос, Елена Васильевна точно начала приходить в себя и даже с радостной улыбкой, уцепившись за девушку и как бы боясь ее отпустить, прошептала: «Да... да...» Когда явился священник, Елена Васильевна была уже в сознании, и язык и рассудок действовали по-прежнему; она исповедовалась и причастилась Св. Тайн. Затем целый день не отпускала от себя священника и все еще в страхе держалась за его одежду. Пробыв таким образом в Княгинине и успокоясь от всего произошедшего с нею, Елена Васильевна поехала домой, где и рассказала брату и невестке следующее: «Оставаясь одна в карете, я немного вздремнула, и когда открыла глаза, то никого не было по-прежнему около меня. Наконец вздумала выйти и сама открыла дверцу кареты, но лишь ступила на подножку, невольно почему-то взглянула вверх и увидела я над своей головой огромного, страшного змия. Он был черен и страшно безобразен, из пасти его выходило пламя, и пасть эта казалась такой большой, что я чувствовала, что змий совершенно поглотит меня. Видя, как он надо мной вьется и все спускается ниже и ниже, даже ощущая уже дыхание его, я в ужасе не имела сил позвать на помощь, но наконец вырвалась из охватившего меня оцепенения и закричала: «Царица Небесная, спаси! Даю Тебе клятву никогда не выходить замуж и пойти в монастырь!»

Страшный змий в одну секунду взвился вверх и исчез... Но я не могла прийти в себя от ужаса!..»

Михаил Васильевич долго не мог опомниться от случившегося с его сестрой, а Елена Васильевна, как бы чудно спасенная от врага человечества, совершенно изменилась в характере. Она сделалась серьезная, духовно настроенная и стала читать священные книги. Мирская жизнь стала ей невыносима, и она жаждала поскорее уйти в монастырь и совсем затвориться в нем, страшась гнева Матери Божией за неисполнение данного ею обета.

Вскоре Елена Васильевна поехала в Саров к о. Серафиму просить его благословения на поступление в монастырь. Батюшка крайне удивил ее, сказав: «Нет, матушка, что ты это задумала! В монастырь – нет, радость моя, ты выйдешь замуж!» «Что это вы, батюшка!! – испуганно сказала Елена Васильевна. – Ни за что не пойду замуж, я не могу, дала обещание Царице

Небесной идти в монастырь, и Она накажет меня!» «Нет, радость моя, – продолжал старец, – отчего же тебе не выйти замуж! Жених у тебя будет хороший, благочестивый, матушка, и все тебе завидовать будут! Нет, ты не думай, матушка, ты непременно выйдешь замуж, радость моя!» «Что это вы говорите, батюшка, да я не могу, не хочу я замуж!» – возражала Елена Васильевна. Но старец стоял на своем и твердил одно: «Нет, нет, радость моя, тебе уже никак нельзя, ты должна и непременно выйдешь замуж, матушка!» Елена Васильевна уехала недвольная, разогорченная и, вернувшись домой, много молилась, плакала, просила у Царицы Небесной помощи и вразумления. Еще с большим рвением принялась она за чтение творений св. отцов. Чем больше она плакала и молилась, тем сильнее разгоралось в ней желание посвятить себя Богу. Много раз проверяла она себя и все более и более убеждалась, что все светское, мирское ей не по духу, и она совершенно изменилась. Несколько раз Елена Васильевна ездила к о. Серафиму, и он все твердил одно, что она должна выйти замуж, а не идти в монастырь. Так целых три года готовил ее батюшка о. Серафим к предстоящей перемене в ее жизни и к поступлению в Серафимову общину, которую он начал устраивать в 1825 году, и заставлял работать над собою, упражняться в молитве и приобретать необходимое терпение. Она, конечно, этого не понимала, и невзирая на просьбы, желание и мольбы Елены Васильевны, о. Серафим однажды сказал ей в духовном смысле следующее: «И даже вот что еще скажу тебе, радость моя! Когда ты будешь в тягостях-то, так не будь слишком на все скоро; ты слишком скоро, радость моя, а это не годится, будь тогда ты потише. Вот как ходить-то будешь, не шагай так-то, большими шагами, а все потихоньку да потихоньку! Если так-то пойдешь, благополучно и снесешь!» – и, показав при этом видимым примером, как должно ходить осторожно, продолжал: «Вот, радость моя! Также и поднимать если тебе что случится, не надо так вдруг, скоро и сразу, а вот так, сперва понемногу нагибаться, а потом точно так же все понемногу же и разгибаться». Снова видимым примером показал о. Серафим и прибавил: «Тогда благополучно снесешь!» Этими словами старец довел Елену Васильевну до отчаяния. Сильно негодуя на него, она решила не обращаться к нему и съездить в Муром в женский монастырь. Там ей игуменья, конечно, сказала только приятное, и Елена Васильевна тотчас купила себе в Муромском монастыре келью. По возвращении домой она стала совсем уже собираться, прощаться, но перед окончательным отъездом все-таки не вытерпела и отправилась в Саров проститься со старцем о. Серафимом. Каково же было ее удивление и каков ужас, когда вышедший к ней навстречу о. Серафим, ничего не спрашивая, прямо и строго сказал ей: «Нет тебе дороги в Муром, матушка, никакой нет дороги и нет тебе и моего благословения! И что это ты? Ты должна замуж выйти, и у тебя преблагочестивейший жених будет, радость моя!» Прозорливость старца, доказавшая его святость, обезоруживала каждого приходящего к нему и действовавшего по своей воле. Сердце невольно привязывалось к такому праведнику, и Елена Васильевна почувствовала, что без о. Серафима все-таки нельзя ей жить, тем более что в Муроме не у кого будет и спрашивать наставления и совета. Отец Серафим приказал ей пожертвовать Муромскому монастырю данные за келью деньги и не ездить больше туда. Но Елена Васильевна на этот раз не почувствовала отчаяния, а, напротив, вполне смирилась и возвратилась домой, заливаясь слезами. Она опять заперлась в свою комнату, из которой почти не выходила уже целых три года, проводя в ней жизнь отшельника, отрешенная от всего и всех. Что она делала в своей комнате и как молилась, никому не было известно, но неожиданный случай убедил Михаила Васильевича и всех живущих в доме, насколько она трудилась уже на пути духовного совершенства. Разразилась страшная гроза вблизи дома, в котором жили Мантуровы; раскаты и удары молнии были ужасны, так что все решительно собрались в комнату Елены Васильевны, где теплилась лампада, горели свечи, и она покойно молилась. Во время одного из страшных ударов со стороны двора вдруг в углу, под полом и под образами, раздался совершенно неестественный и отвратительный крик, как бы кошки. Но крик этот был настолько силен, неожидан и неприятен, что Михаил Васильевич, жена его и все бросились невольно к киоте, перед кото-

рой молилась Елена Васильевна. «Не бойтесь, братец! – сказала она покойно. – Чего испугалась, сестрица? Ведь это диавол! Вот, – прибавила она, сотворив знамение креста на том самом месте, откуда был слышен крик, – вот и нет его: разве он что-либо может!» Действительно, тотчас водворилась полная тишина.

Через полгода после последнего свидания с о. Серафимом Елена Васильевна опять поехала в Саров. Она стала неотступно, но смиренно просить старца благословить ее на подвиг монашества. На этот раз о. Серафим сказал ей: «Ну что ж, если уж тебе так хочется, то пойди вот, за 12 верст отсюда есть маленькая общинка матушки Агафьи Семеновны, полковницы Мельгуновой, погости там, радость моя, и испытай себя!» Елена Васильевна в неизреченной радости и неописанном восторге поехала из Сарова прямо к матушке Ксении Михайловне и совсем поселилась в Дивеево. За теснотой помещения Елена Васильевна заняла крошечный чуланчик около маленькой кельи, которая выходила крыльчком к западной стене Казанской церкви. Часто на этом крыльчке сживала подолгу молча Елена Васильевна, погруженная будто в думу и в немом созерцании храма Божия и премудро созданной окружающей природы, не переставая умом и сердцем упражняться в Иисусовой молитве. Ей было тогда 20 лет от роду (в 1825 году). Через месяц после переезда Елены Васильевны в Дивеево ее потребовал к себе батюшка о. Серафим и сказал: «Теперь, радость моя, пора уже тебе и с женихом обручиться!» Елена Васильевна, испуганная, зарыдала и воскликнула: «Не хочу я замуж, батюшка!» Но о. Серафим успокоил ее, говоря: «Ты все еще не понимаешь меня, матушка! Ты только скажи начальнице-то, Ксении Михайловне, что о. Серафим приказал с Женихом тебе обручиться, в черненькую одежду одеться... Ведь вот как замуж-то выйти, матушка! Ведь вот какой Жених-то, радость моя!» Много и усладительно беседовал с ней о. Серафим, говоря: «Матушка! Виден мне весь путь твой боголюбивый! Тут тебе и назначено жить, лучше этого места нигде нет для спасения; тут матушка Агафья Семеновна в мощах почивает; ты ходи к ней каждый вечер, она тут каждый день ходила, и ты подражай ей также, потому что тебе этим же путем надо идти, а если не будешь идти им, то и не можешь спастись. Ежели быть львом, радость моя, то трудно и мудрено, я на себя возьму; но будь голубем, и все между собою будьте как голубки. Вот и поживи-ка ты тут три-то года голубем; я тебе помогу, вот тебе на то и мое наставление: за послушание читай всегда Акафист, Псалтирь, псалмы и правила с утреню отправляй. Сиди да пряди, а пусть другая сестра тебе все приготовляет, треплет лен, мыкает мочки, а ты только пряди и будешь учиться ткать; пусть сестра сидит возле тебя да указывает. Всегда будь в молчании, ни с кем не говори, отвечая только на самые наинужнейшие вопросы, и то «аки с трудом», а станут много спрашивать, отвечай: я не знаю! Если случайно услышишь, что кто бесполезное между собою говорит, скорее уходи, «дабы не внити во искушение». Никогда не будь в праздности; оберегай себя, чтобы не пришла какая мысль; всегда будь в занятии. Чтобы не впадать в сон, употребляй мало пищи. В среду и пяток вкушай только раз. От пробуждения до обеда читай: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешную! А от обеда до сна: Пресвятая Богородица, спаси нас! Вечером выйди на двор и молись 100 раз Иисусу, 100 раз Владычице и никому не сказывай, а так молись, чтобы никто того не видал, даже бы и не подумал, и будешь ты аки Ангел! И пока Жених твой в отсутствии, ты не унывай, а крепись лишь и больше улыбайся; так молитвою, вечно-неразлучною молитвою и приготовляй все. Он и придет ночью тихонько и принесет тебе кольцо, перстенок, как Екатерине-то великомученице матушке. Так вот три года и приготовляйся, радость моя, чтобы в три года все у тебя готово бы было. О, какая неизреченная радость-то тогда будет, матушка! Это я о пострижении тебе говорю, матушка; через три года постригайся, приуготовив себя, ранее не нужно; а как пострижешься-то, то будет у тебя в груди благодать воздыматься все более и более, а каково будет тогда! Когда Архангел Гавриил, представ пред Божией Матерью, благовестил Ей, то Она немного смутилась и тут же сказала: «Се раба Господня! Буди Мне по глаголу твоему!» Тогда вот и ты скажи также: «Буди мне по глаголу Твоему!» Вот о каком браке и Женихе я тебе

толкую, матушка; ты слушай меня и никому до времени того не говори, но верь, что все мною реченное тебе сбудется, радость моя!» (Записки протоиерея о. Василия Садовского и записки Н. А. Мотовилова.)

Не помня себя от радости, Елена Васильевна возвратилась домой, в Дивеево, и, надев все монашеское, простое, начала с живейшей любовью нести прежние свои подвиги, пребывая в непрестанной молитве, в постоянном созерцании и совершенном молчании. Так как маленькая келья ее была беспокойна, переполнена сестрами, то батюшка о. Серафим благословил Михаила Васильевича Мантурова построить ей другую, также небольшую келью, в которой она и поселилась со своей крепостной девушкой Устиньей, чрезвычайно любившей ее. После смерти Устиньи с Еленой Васильевной жили две послушницы: Агафья и Ксения Васильевна.

К о. Серафиму было еще весьма близко семейство крестьян Нижегородской губернии Ардатовского уезда деревни Погибловой – Мелюковы. Это праведное семейство состояло из брата Ивана Семеновича Мелюкова и двух сестер Прасковьи Семеновны и Марии Семеновны. Прасковья Семеновна поступила в общину матери Александры по благословию батюшки о. Серафима и была высокой жизни. В 1823 году 21 ноября, в день Введения во храм Пресвятой Богородицы, она пришла к о. Серафиму со своей 13-летней сестрой Марией Семеновной, которая, как рассказывала Прасковья Семеновна и за нею записано в документах, хранящихся в Дивееве, «увязалась за нею». Великий старец, провидев, что девочка Мария есть избранный сосуд благодати Божией, не позволил ей возвратиться домой, а приказал оставаться в общине. Таким образом 13-летняя Мария Семеновна поступила в число избранных Серафимовских сирот. Это была необыкновенная, не виданная доселе отроковица, ни с чем не сравненная, ангелоподобная, дитя Божие. Избранница и раба Божия с таких лет вела подвижническую жизнь, превосходя по суровости даже сестер общины, отличавшихся строгостью жизни, начиная с самой начальницы Ксении Михайловны. Непрестанная молитва была ее пищей, и только на необходимейшие вопросы она отвечала с небесной кротостью. Она была почти молчальница, и батюшка о. Серафим особенно нежно и исключительно любил ее, посвящая во все откровения свои, будущую славу обители и разные тайны, заповедуя не говорить о том до времени, что и выполнила она свято, невзирая на просьбы и мольбы окружающих сестер и родных. Когда она возвращалась от батюшки о. Серафима, то вся сияла неземною радостью. Как увидим вскоре, Мария Семеновна только шесть лет прожила в общине и 19 лет отошла ко Господу, как бы мирно и тихо уснула.

По сестре своей Прасковье Семеновне, удостоенной от господа дара прозорливости, брат ее Иван Семенович стал близок к о. Серафиму. Он ходил работать к батюшке, и впоследствии его дети – три дочери – поступили в Дивеевскую общину, а сам он кончил жизнь монахом в Саровской пустыни. Дочь его Елена Ивановна с 5-летнего возраста жила у тетки Прасковьи Семеновны и изредка бывала у батюшки о. Серафима, который занимался ею, ласкал, заигрывал и пророчески сказал, что она будет «великая госпожа», благодетельница Дивеева. Приходившим с нею сестрам о. Серафим приказывал кланяться малютке и благодарить за будущие благодеяния ее для обители. (Действительно, выйдя замуж за друга и горячего почитателя о. Серафима Николая Александровича Мотовилова, она до сих пор продолжает оказывать помощь монастырю и, живя ныне в Дивееве, по смерти мужа, напоминает собою блаженные прошлые времена управления Ксении Михайловны, возрождение обители при о. Серафиме, святые дни наставничества великого старца, любовь к Дивееву искреннего и любвеобильного Николая Александровича Мотовилова и, наконец, дополняет личными духовными качествами и добродетелями чудный ряд сирот-молитвенниц о. Серафима.) За покойным старцем Саровской пустыни Иваном Семеновичем Милюковым, имевшим послушание привратника, записан был следующий рассказ (№ 78). «Будучи еще мирским крестьянином, – говорил он, – я часто работал у батюшки Серафима, и много-много чудного он мне предсказывал о Дивееве и всегда говорил: «Если кто моих сирот девушек обидит, тот велие получит от Господа наказание; а кто

заступит за них и в нужде защитит и поможет, изольется на того велия милость Божия свыше. Кто даже сердцем вздохнет да пожалеет их, и того Господь наградит. И скажу тебе, батюшка, помни: счастлив всяк, кто у убогого Серафима в Дивееве пробудет сутки, от утра и до утра, ибо Матерь Божия, Царица Небесная, каждые сутки посещает Дивеево!» Помня заповедь батюшкину, я всегда это говорил и всем говорю».

Кроме Милюковых, была очень близка к батюшке о. Серафиму и любима им сестра Ксения Васильевна Путкова, постриженная в монашество под именем Капитолины. Она ходила к о. Серафиму часто, еще будучи крестьянской девушкой, и осталась в Дивееве «почти насильно», полагаясь на слова батюшки. Однажды о. Серафим стал уговаривать ее поселиться в Дивеевской общине. Молодая и красивая Ксения никак не ожидала себе такой судьбы, так как жила в родительском доме в довольстве, и мать сильно любила ее. У Ксении был, кроме того, жених, которому она платила взаимной любовью. С другой стороны, Дивеевская община, еще не устроенная, без церкви и без земли, не нравилась ей. Ксении не хотелось променять домашний покой и удобства на суровость и нужду обители. «Нет, батюшка, не хочу! Не смогу никак!» – ответила ему Ксения. «Послушай, радость моя! – продолжал о. Серафим («да так-то сладостно, хорошо», прибавляла Ксения), – я тебе открою тайну, только смотри, умолчи ее до времени. Сама Божия Матерь ведь избрала это место! А чего Царица-то Небесная не возможет, все будет у Ней! Вот Она приказала мне, убогому Серафиму, поставить мельницу для девушек в два постава, чтобы она вечно кормила бы их.

Потом благословила Матерь-то Божия и Церковь им свою выстроить, матушка! Вот, радость моя, благодать-то у нас какая: и мельница, и церковь, и земля, и все, все свое у нас будет! Это я тебе только говорю, а ты умолчи до времени». Ксения хотя и слушала батюшку, но странно показалось ей, как все это может возникнуть, когда ничего нет у обители и сама земля – чужая кругом. Тогда о. Серафим, провидя ее мысли, взял за руку, потрясая ее, и произнес: «Ведь вот ты какая! Говоришь, что любишь меня, а усумнилась и не веришь убогому Серафиму! Поверь, поверь мне, матушка, все это совершится!» Вид о. Серафима при этом был чудесен, привлекателен и весьма вдруг просветлел... Ксения не могла более колебаться, смотря на чудного старца, и согласилась поступить в общину. Чтобы не огорчить жениха и родителей совершенным отказом, она стала жаловаться на нездоровье, затем просила отсрочить свадьбу на год, а сама все чаще и чаще отпрашивалась к батюшке о. Серафиму. По его молитвам совершилось так, что родители согласились отдать Ксению в общинку к начальнице Ксении Михайловне.

Вера ее в силу молитв батюшки укрепилась после следующего случая (тетрадь № 1, ее рассказ № 15). Через год пришла она однажды с другой сестрой вечером к батюшке о. Серафиму за приказанием. Отпуская их до утра в гостиницу, он сказал им вслед: «Кто бы к вам ночью ни вошел, не вставайте, не откликайтесь и не говорите, и не пускайте никого!» Они обещались и ушли. В гостиницу, когда сестра заснула, а Ксения еще только собиралась заснуть, действительно, вдруг вошел незнакомый монах и спросил: «Кто тут?» Ксения ответила, что дивеевские, но так как она ходила еще в мирском платье, то он любопытствовал, кто она такая. Он оказался земляком Ксении, и она заслушалась его, забывая приказание батюшки. Увлекаясь в разговоре, она, однако, вспомнила о. Серафима. Когда монах ушел, она начала горько плакать и от страха, что ей придется отвечать батюшке, она не спала всю ночь. Утром у батюшки застала того самого монаха, и о. Серафим разговаривал с ним очень любезно. Ксения отвернулась, а когда ушел монах, то упала батюшке в ноги и стала просить прощения. «То-то вот, – сказал о. Серафим, – не послушала меня, а знаешь ли, что я ныне всю ночь только за тебя одну молился, и если бы не молитва моя, пропала бы ты; вот как надо быть осторожной и хранить себя, потому ведь вы, глупые, сами не видите и не знаете, как погибаете. Ведь секунда одна... ну, да полно, полно, радость моя, встань, Господь тебя простит; ведь теперь ты еще больше моя, ибо я тебя ныне ночью, аки добычу, у льва из зуб вырвал!»

Не менее близок к о. Серафиму был второй священник Казанской церкви о. Василий Никитич Садовский, который с годами достиг высшей духовности и сделался истинным отцом и другом Серафимовых сирот. Родившись в 1800 году, он определился по окончании воспитания в Нижегородской семинарии около 1825 года в Казанскую церковь и 28 лет состоял приходским священником, а затем переведен в Дивеевский монастырь. 30 лет он был благочинным. Н. А. Мотовилов много говорит о нем в своих записках и называет его высокодобродетельным человеком, несомненной чистейшей совести, исполненным крепчайшей веры и евангельской правды, глубокоуважаемым всеми, известным батюшке о. Серафиму, которого святой старец всегда лично руководил.

Княгиня А. Колончакова рассказывала о прозорливости о. Серафима следующее обстоятельство: «1824 года 14 сентября я удостоилась быть у о. Серафима и получить от него благословение. Я пришла к нему с той целью, чтобы спросить у него о своем брате, бывшем в военной службе и не уведомлявшем нас о себе около 4 лет. Еще не успела я сказать ни слова о своем намерении, как старец, предупреждая слова мои, сказал: «Ты много не огорчайся: во всяком роде бывает траур». Когда же начала я говорить ему о своем брате, он отвечал мне: «Об этом-то не могу не сказать, чтобы ты его поминала за упокой». Прозорливость его действительно оправдалась: через три месяца после нашего разговора я получила известие из того полка, где служил брат мой, что его уже нет на свете».

Другой случай прозорливости поведала некая госпожа Н. Н.

«В 1825 году в первый раз посетила я с сестрой Саровскую пустынь, с пламенным желанием увидеть старца Серафима и получить от него благословение. Сестра моя первая удостоилась видеть его после утрени и была в восхищении от его ласкового приема. Я же не могла видеть его вместе с ней, потому что не была у заутрени по причине сильной головной боли. По окончании же обедни отправились мы обе к благочестивому старцу в келью. Дорогой я заметила, что слугитель сестры моей нес за нами две бутылки, и полюбопытствовала спросить у сестры: что такое несет он? Сестра отвечала, что она пожелала, по примеру других посетителей Сарова, принести в дар о. Серафиму немного церковного вина и масла. Я же, не зная об этом прежде и не имея с собой в то время ничего, что бы могла и со своей стороны принести также в дар о. Серафиму, очень опечалилась. Но сестра, видя мое смущение, предложила мне взять одну из этих бутылей и поднести ее старцу от себя. Я очень обрадовалась этому предложению, и таким образом мы пришли в келью о. Серафима. Когда я взглянула на праведного старца, то уже не хотела ни на что более смотреть в его келье. Я не могла свести глаз с его лица, в котором дышали доброта, смирение и святость. Он принял нас, как отец детей, давал нам просфор и красного вина, снимал с себя крест и давал нам целовать его. Сестра подала ему принесенную бутылку церковного вина, и он принял ее очень милостиво и благословил сестру. Потом и я подала ему бутылку с маслом. Старец, взяв ее также милостиво, вдруг сказал мне: «Вперед, если вздумаешь, матушка, что принести мне, то свое принеси», и, заметив, в какое я пришла смущение и замешательство от этих слов, тотчас же прибавил самым кротким тоном: «Я хотел, матушка, сказать тебе, что если ты живешь в деревне, то верно, там есть пчелы; так ты велела бы из воску насучить свечей, тогда бы это и было твое». После этого он начал беседовать с нами о пользе душ наших, много говорил о спасительном пути христианском, и каждое слово его запечатлевалось в сердце нашем».

Принимая к себе всех посетителей, сам о. Серафим, однако же, никуда не выходил из кельи и, снявши с уст своих печать молчания, не оставил затвора. Так жил он в течение пятнадцати лет. Но наконец, с благословения Божия, о. Серафим решился выйти из затвора и, не покидая монастыря, посещать пустынь и о Господе трудиться в ней для спасения себя и ближних.

Глава VIII

Окончание затвора о. Серафима по благословению Божией Матери в 1825 г. Желание о. Серафима изменить устав Дивеевской общинки, объяснение с начальницей Ксенией Михайловной и отказ последней. Богословский родник и келья иеромонаха Дорофея. Явление Божией Матери о. Серафиму 25 ноября 1825 г. близ Богословского родника, со св. апостолами Петром и Иоанном, и дарование целебного источника. Посещение сестрами Прасковьей Степановной и Марией Семеновной о. Серафима и молитва их троих в дальней пустынке. Пожертвование трех десятин генеральшей Постниковой. Покупка о. Серафимом Саровского леса на свои деньги и неприятности с братией обители. Первое свидание о. Василия Садовского с о. Серафимом. Отзывы о. Серафима о покойной первоначальнице матери Александре. Предсказания о будущем Дивеевской общины. Желание назначить начальницей мельничной обители Елену Васильевну Мантурову и ее отказ. Ближайшая пустынка о. Серафима, огород и обстановка кельи.

Жизнь о. Серафима в монастыре, многочисленность посетителей и душеспасительные беседы его.

Принимая посетителей к себе в монастырскую келью в течение 15 лет, о. Серафим все-таки не оставил затвора и никуда не выходил. Но в 1825 году он начал просить Господа о благословении его на окончание затвора. 25 ноября 1825 года, в день памяти святителя Климента, папы Римского, и Петра Александрийского, в сонном видении, Матерь Божия в сопровождении этих святых явилась о. Серафиму и разрешила ему выйти из затвора и посещать пустынь.

Как известно, с 1825 года к о. Серафиму начали ходить за благословением сперва сестры, а потом и сама добродетельная начальница Дивеевской общины, Ксения Михайловна, которую батюшка называл «огненный столб от земли до неба» и «терпуг духовный». Конечно, старица Ксения Михайловна глубоко уважала и высоко почитала о. Серафима, но, однако, она, не согласилась изменить устав своей общины, который казался тяжелым как о. Серафиму, так и всем спасавшимся в общине сестрам. Число сестер настолько увеличилось в общинке, что требовалось распространить их владения, но это было невозможно ни в ту, ни в другую сторону. Батюшка о. Серафим, призвав к себе Ксению Михайловну, стал уговаривать ее заменить тяжелый Саровский устав более легким, но она и слышать не хотела. «Послушайся меня, радость моя!» – говорил о. Серафим, но непоколебимая старица наконец ответила ему: «Нет, батюшка, пусть будет по-старому, нас уже устроил отец строитель Пахомий!» Тогда о. Серафим отпустил начальницу Дивеевской общинки, успокоенный, что заповеданное ему великой старицей матерью Александрой более не лежит на его совести или же что не пришел тому еще час воли Божией. Временно о. Серафим не входил в дела общинки и только, по дару предвидения, посылал избранных Божией Матерью сестер на жительство в Дивеево, говоря: «Гряди, чадо, в общинку, здесь поблизости матушки-то полковницы Агафьи Семеновны Мельгуновой, к великой рабе Божией и столпу, матушке Ксении Михайловне, она всему тебя научит!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.